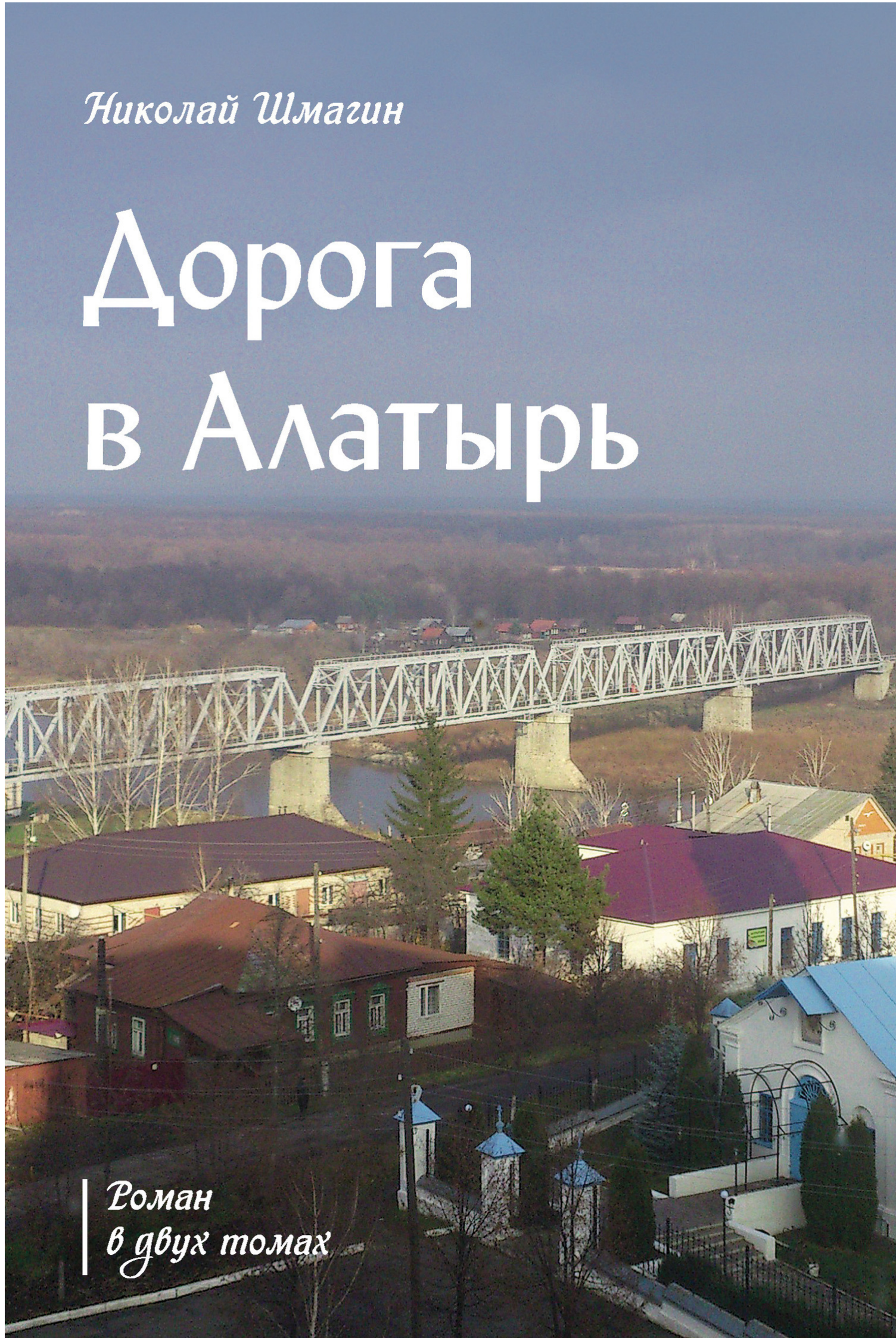

Николай Шмагин

Дорога в Алатырь

*Роман
в двух томах*

Николай Шмагин
Дорога в Алатырь

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шмагин Н. Н.

Дорога в Алатырь / Н. Н. Шмагин — «У Никитских ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-676-2

Основная идея романа «Дорога в Алатырь» – в преемственности поколений, сохранении традиций. Автор убеждён: возрождение российской духовности, о которой так много говорят сегодня, невозможно без возрождения настоящего русского характера. Устами своего героя он рассказывает о счастливой детской поре жизни среди родных и близких, юношеской романтике, настоящей дружбе и первой влюбленности, об истории родного края, призывая читателей хотя бы иногда возвращаться к своим истокам, как к роднику жизни, без которого погибнет всё истинно русское. Издано в авторской редакции с сохранением орфографии и пунктуации. Второе издание

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-676-2

© Шмагин Н. Н., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Дорога в Алатырь	5
Предисловие	6
От автора	9
Времена детства	13
Глава первая	13
Зимушка-зима (Ванькины сны)	15
Глава вторая	29
Весенние радости	30
Глава третья	43
Лето на Суре (Ванькины сны)	43
Глава четвертая	58
Осенние заботы	60
Эпилог	76
Школьные годы чудесные...	79
Глава пятая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Николай Шмагин

Дорога в Алатырь

Дорога в Алатырь Том первый

АЛАТЫРЬ, латырь – в русских средневековых легендах и фольклоре – камень «всем камням отец», пуп земли, наделяемый сакральными и целебными свойствами.

Легенды об Алатыре восходят к представлениям о янтаре как апотропее (средневековое название Балтийского моря – Алатырское море).

В стихе о Голубиной книге и русских заговорах Алатырь («бел-горюч камень») ассоциируется с алтарем, расположенным в центре мира, посреди океана, на острове Буяне (Руяне); на нем стоит мировое древо, или трон, святители, сидит девица, исцеляющая раны; из-под него растекаются по всему миру целебные реки.

Мифологический словарь

*Россия погибнет тогда,
когда погаснут свечи,
когда будут утеряны связи...*

Иван Бунин

Предисловие

Для родившихся в послевоенное время, чье детство и отрочество связано с 50-60-ми годами XX столетия, характерно стремление к познанию смысла жизни, утверждению себя, своих возможностей, раскрытию своего таланта, обретению своего я.

Большинство из них – дети фронтовиков, участников Великой Отечественной войны, прошедших нелегкий путь взросления. Многие из их родителей – инвалиды войны, получившие многочисленные телесные и душевные ранения, закалку и жизненный опыт, но уже в мирной послевоенной жизни оказавшиеся не у дел. И сложившиеся обстоятельства, их мироощущение наложило определенный отпечаток на быстро взрослеющее молодое поколение, сыновей и дочерей, чьи родители защищали Родину, свое Отечество в многочисленных боевых схватках, либо трудившиеся в тылу.

Как и для автора этого произведения Николая Шмагина, так и для его многочисленных сверстников, это время было периодом искания самого себя. По окончании восьмилетки с пятнадцати лет пошел трудиться на производство: слесарь, рабочий на пилораме, слесарь-инструментальщик, моторист. Обширна и география мест: Алатырь, Чебоксары, Архангельск, Котлас, Краснодар... Одновременно, чувствуя недостаточность своего образования, окончил полный курс одиннадцати классов заочной средней школы. После службы в войсках ПВО в Подмоскowie вернулся в Алатырь. Работал на релейном заводе.

Но постоянно чувствовал, что эта деятельность – не его страсть. Еще с детства грезил и мечтал о Москве. Даже изображал город в своих детских рисунках, как он представлялся ему, когда отец-художник, стоя у станка-мольберта, выполнял тот или иной заказ по исполнению рекламы или портрета, а иногда творил что-то для души. Николай наблюдал, как работает отец, как пишет свои заказы, накладывая мазок на мазок, и на глазах на белом безжизненном пространстве поля холста оживают лица, четко прорисовывается череда букв лозунгов и транспарантов. Естественно, старался копировать, но почему-то не всегда получалось, а отец, прищурившись, глядя искоса на деятельность сына, лишь улыбался.

И молодой человек решается – уезжает в Москву. Было нелегко. Устроился работать слесарем на Очаковский завод ЖБК Метростроя, затем официантом, буфетчиком в системе общепита, а с 1970 года – рабочим в отделе подготовки съемок киностудии «Мосфильм» – маляром, грузчиком. Приходилось много трудиться. Это и определило его будущее. Благодаря определенным художественным навыкам и опыту, которые были получены у отца, его заметили. По совету старших художников окончил курсы художников-декораторов (1972).

Волею судьбы в качестве художника-декоратора был приглашен участвовать в создании фильмов, которые ныне по праву считаются классикой: «Горячий снег» (1972), «Они сражались за Родину» (1974), «Последняя жертва» (1975), «Пять вечеров» (1979), «Сказка странствий» (1982) и многих других, вошедших в Золотой фонд советского кино. По рекомендации народного артиста СССР кинорежиссера С. Ф. Бондарчука поступил на сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК) в мастерскую кинодраматурга, лауреата Ленинской премии профессора В. И. Ежова (1982–1988), который окончил с отличием.

Началась самостоятельная творческая деятельность.

В качестве кинорежиссера участвовал в создании кинолент «Футболист» (1990), «Страсти по Нерону» (1994), «Даун Хаус» (2001) и других. Показал себя и как автор короткометражных и полнометражных сценариев для художественных и документальных фильмов.

Среди написанных сценариев – музыкальная кинокомедия «Вера, Надежда, Любовь» (ремейк лирической кинокомедии «Три плюс два»), в соавторстве с народным артистом России Е. Жариковым.

В жанре «фэнтези» – «Я хочу научиться летать», социальная драма «Крест», мелодрама «Время несбывшихся надежд», «Времена детства», «Дорога в Алатырь» и другие.

В своих мыслях он часто обращается к детству и отрочеству, к местам, где рос, беззаветно дружил, впервые влюблялся, был полностью предоставлен самому себе. Кажется, не было никаких печалей и проблем, все решалось само собой. Вспоминается родной город, близкие сердцу места.

Эта ностальгия посетила алатырца, многие годы проживавшего в столице России Николая Шмагина – сложившегося кинорежиссера и сценариста. Это предопределило дальнейшую его творческую деятельность. С другой стороны, на фоне современности среди постоянно произносимых названий городов очень много малоизвестных населенных пунктов российской глубинки. Они оставили огромный след в формировании истории российской государственности, о названии которых большинство населения даже и не слышало, а лишь встречалось упоминание о них в школьных учебниках. И поэтому в последние годы Николай Николаевич преимущественно работает в документалистике.

Он автор сценариев и режиссер-постановщик документальной серии «Старинные российские города»: «Алатырь – бел-горюч камень российский» (2002), за который он был награжден специальным дипломом на пятом Евразийском телефоруме; «Ладога – столица Северной Руси», «Новая Ладога – Петра творенье», «Зарайск – город-кремль земли русской». Эти фильмы стали лауреатами Национальной премии «Страна» на 12 Евразийском телефоруме.

Имея большой жизненный опыт, по прошествии времени уже иначе воспринимается Н. Шмагиным и оценивается давно ушедшее: люди, их поступки, взгляды, обыденность жизни. Кажется, это было только вчера: родительский дом, пыльная улица, просторы родного Присурско-Засурского края, которые просматривались с крутого косогорья. Там, внизу, простиралась неширокая голубая лента реки, переливающаяся в отблесках солнечного света, а в мелководьях плескалась рыбешка.

С детства памятно название – «Сура», непонятное и таинственное для ребенка, как и само название города – «Алатырь». Что это значило?! Но в преданиях из поколения в поколение, от старших младшим, передавалась история о возникновении города-крепости для защиты рубежей юго-восточного пограничья Московской Руси от ногайцев и кочевых племен Дикого Поля и Казанского ханства.

Существует лишь незначительное количество эпистолярной литературы, воспоминаний и мемуаров о тех или иных периодах жизни и быта горожан глазами современников. Среди них необходимо упомянуть «Записки» Д. Б. Мертваго, написанные в преклонном возрасте и повествующие о пребывании Е. Пугачева в Алатыре глазами ребенка.

Или более позднего характера – «Мои воспоминания», также написанные на закате жизни, крупнейшим ученым в области кораблестроения и математики А. Н. Крыловым (к сожалению, из-за существующей цензуры опустившего многие факты). В целом двадцатый век более богат опубликованными воспоминаниями современников об Алатырском крае. Сюда можно отнести и повесть «Алатырь» Е. И. Замятина. Это общее осмысление жизни старой патриархальной обывательской России, которая написана под впечатлением от лекций, услышанных им в бытность своего студенчества от уважаемого им вышеуказанного А. Н. Крылова.

Отдельные упоминания о жизни и быте края имеются в опубликованных рассказах писателей, чья жизнь, хотя и кратковременно, была связана с городом – Е. Н. Чирикова, В. Н. Жаковой и других. А недавно в Москве увидел трехтомник автобиографии «Человек из глубинки» (2007–2010) лауреата Государственной премии Г. А. Матюшина, детство и отрочество которого также связано с Алатырем.

И вот новое обращение к мемуарной прозе – теперь уже Н. Н. Шмагина. Но это уже иная форма публикации воспоминаний. За основу взята форма диалогов, личного общения, которая встречается намного реже.

Впервые небольшая часть из этих воспоминаний – повесть «Дом под горой» – была опубликована в журнале «ЛИК» (г. Чебоксары) в № 2 за 2011 год. Автор ярко и красочно обрисовывает обстановку жизни через диалоги, включая местный лексикон, быт, нравы и уклад жителей, которые его окружали. Надеемся, что публикация не оставит равнодушных и позволит окунуться во времена очень близкие. В них мы жили, работали, творили. Кажется, это было только вчера.

Н. ГОЛОВЧЕНКО,

заслуженный работник культуры Чувашской Республики

От автора

Роман «Дорога в Алатырь» – путь длиною в целую жизнь, с 50-х годов прошлого века до нашего времени. Это возвращение в детство, отрочество, юность, столкновение эпох, попытка нахождения общего языка с детьми, внуками, а с их стороны – с родителями, дедушками и бабушками.

Не назиданием и нравоучением, а яркими образами, примерами, традициями, которые возрождаются, той преемственностью поколений, которая должна быть и будет, как залог возрождения и оздоровления нации.

Во всем этом и заключается сверхзадача романа: откуда берет истоки, как зарождается и развивается на просторах нашей провинциальной коренной России, а именно в малом историческом городе Алатыре, в Присурье, в Чувашии, в простой семье – такое явление нашей российской действительности, как русский характер.

А что же это за феномен такой, русский характер?.. Не стало ли это выражение общей темой, прописной истиной, которую можно, как перчатку, натянуть на любой сюжет.

Главный вопрос. Кто из героев романа выражает русский характер в полной мере? Дед с бабушкой, внук или родители? Среди положительных качеств, свойственных русскому характеру, респонденты чаще всего называют доброту, честность, искренность, душевность, патриотизм.

Наиболее характерные отрицательные черты русских людей – это пристрастие к алкоголю, а также надежда на «авось», лень, безынициативность, вялость. Но это так, предпосылки.

Теперь о главном. История рода, семьи, страны есть история души человеческой, когда на первый план выходят переживания, глубинные ценности человека, его духовная жизнь. Мы можем спрятать ее за быт, даже за художественную непристойность, но если в герое существует духовная сила, то мы обязаны дать ему ее проявить.

Непонятная для иностранцев «загадочная русская душа» в российской интерпретации – это райская птица, живущая в нашем бренном теле, стремящаяся к недостижимому идеалу.

Русскому человеку недостаточно благополучной сытой жизни. Без духовной идеи, во имя которой он должен жить, он чахнет, спивается, теряет смысл жизни.

В чем сила русской души? В правде, в конфликте. В столкновении эпох, разных поколений, которые не совсем понимают друг друга, но стремятся в итоге к общей сути – любви к России, к самопожертвованию во имя ее блага.

Еще древние греки говорили: есть два главных стимула, движущих человеком – Эрос и Танатос (любовь и смерть). Только в этих обостренных проявлениях человек проявляет свои настоящие качества.

Возрождение российской духовности, о которой так много говорят сегодня, невозможно без возрождения настоящего русского характера, которое возможно только в новых поколениях россиян – наших детях и внуках.

Придется вновь научить наших детей любить Родину – свой город, село, деревню. Родных, близких, соседей, друзей. Понятие – потерянное поколение – должно исчезнуть, но для этого идеология потребительского отношения к жизни сегодня должна уступить место вновь возрождаемой российской духовности.

Далее. История, как богатство души. Корни. Православие. Мудрость. Да, безусловно.

Но оглянитесь вокруг. Вот вам и бездуховность. Однако не будем идеализировать старину. Мы живем здесь и сейчас. Мы считаем, что живем в самом лучшем времени. В том смысле, что жизнь у нас одна и другой не будет – это факт.

Образ современности так же сложен и многогранен, как и его прообраз. Это как отцы и дети. Тем не менее, нет временного конфликта. Есть некий разрыв между поколениями,

который в наше время преодолевается. Это и воссоединение Русской православной церкви с зарубежной, и восстановление той исторической справедливости, которая была разрушена с 1917 года.

Теперь о героях романа. Ванька – самый адекватный образец русского характера: честный, добрый, с ленцой, наивный и в то же время хитрец, силен «задним умом», склонен к спиртному, по крайней мере, в молодости. Выдумщик. Мечтатель.

С детства хочет совершить какой-нибудь подвиг, только не знает какой. Война-то давно кончилась. На что дед отвечает внуку:

«Работать надо добросовестно, жить честно, по совести – это и есть подвиг». Ванька тогда не поверил ему, мал еще был, но с возрастом осознал и оценил.

В нем наворочено всего понемногу – и хорошего и плохого, как и во всяком другом русском человеке. Вместе с другом Васькой они обходили все библиотеки города, груженные книгами приходили домой и читали взахлеб каждый день: прочитали русскую и советскую классику, зарубежную классику, включая научно-популярную литературу, и т. д. Многие взрослые образованные люди, не говоря уж о ровесниках, и тогда и в наше время не прочитали и малой толики того, что познали они еще в школьные годы в конце 50-х и в 60-х годах прошлого века.

Дед носит черты русского характера. Трудолюбив. Мастер – золотые руки. Говоря о нем, мы вспомним о таком полузабытом феномене, как люди дореволюционного времени, то есть люди, родившиеся еще до революции и жившие рядом с нами. Успевшие передать людям теперь уже старшего поколения те нравственные и духовные ценности, любовь к труду, порядочность и многое другое, что мы растеряли за последние десятилетия бездуховной потребительской жизни и теперь пытаемся по крохам и крупичкам воссоздать и вернуть вновь.

Но, к сожалению, дед рано умирает, правда, успев привить внуку многое из народной житейской мудрости: смекалку, юмор, иронию, изначальные трудовые навыки, любовь к родному краю.

Бабушка также образец героя. Религиозность, доброта, смирение – качества, которым сегодня нужно было бы поучиться. Но в жизни Вани она оказывает скорее функциональную роль, так и не сумев увлечь его православным мировоззрением. А зря. Соборность, духовность народа – эти ценности актуальны сегодня, как и раньше. Это придёт к нему позже, с возрастом.

Ванькины родители – фронтовики, как и его дядя, и многие из соседей вокруг. О патриотизме тогда не говорили, это было в крови у людей. От отца ему достались творческие способности, мать привила ему такие навыки, как аккуратность, даже почерк у него стал четкий и правильный, чувство долга, каждое начатое дело доводить до конца, и т. д. Благодаря во многом другу Ваське он обрел такие качества, как усидчивость, любовь к учебе, чтению книг, целеустремленность.

Еще один исключительный момент в романе – это мифологизм. Если искать пример из большой литературы, то лучше «Ста лет одиночества» Г. Маркеса образца не придумаешь. Образ рода человеческого, Древа Жизни – это сильнейший из всех, созданных в литературе мифов.

Теперь по порядку. Что является основным атрибутом мифологического мировоззрения? Это закольцованность сюжетов, героев, ситуаций. В этом смысле роман «Дорога в Алатырь» делает ряд шагов для создания такого типа истории. Ванька, став взрослым, невероятно похож на своего деда Ивана Яковлевича как внешне, так и внутренне. Своего сына он назвал Яковом, предвосхитив этим рождение внука Ваньки, ставшего благодаря деду Иваном Яковлевичем, как и его прапрадед, и т. д.

Место. То есть мифологизм самого места, в котором история развивается. В первой части присутствует объяснение истории города Алатыря. Вот тот крючок, на который подвешен сюжет. Алатырь – бел-горюч камень – образ центра России, центра мира, центра бытия, как поле, где играют силы добра и зла (это расшифровка слова «Россия» с праязыка).

Для героя романа – подгорье, в котором он родился и вырос – это райский уголок. Место, в котором навсегда поселилась его душа, эта райская птица его русскости.

Когда дед рассказывает, что в Алатырь приезжал всесоюзный староста Калинин, то внук восторженно удивляется. Эта фамилия ничего не говорит современному читателю младше 30, а то и 40 лет.

Фигуры Разина и Пугачева, например, не столь однозначно воспринимаются в современном обществе. Прошли времена, когда в школе их называли борцами за свободу народа. Сегодняшняя школа, говоря о Разине и Пугачеве, приводит слова Пушкина о русском бунте, кровавом и беспощадном. Эта часть истории Алатыря сегодня не представляется наивным пасторалей, а рисуется ужасом кровавой бойни.

А где же истинная историческая правда, которая, как воздух, нужна людям во все времена? Вот те вопросы, на которые должен ответить сам читатель или серьезно задуматься над этим.

Еще о религии. Не хватает веротерпимости. Понимаем, советское время, никаких проявлений религиозности. В советское время церковь жила в гетто. Но в глубинке всегда мирно уживались между собой люди различных национальностей и вероисповеданий. У нас в детстве были друзья: и цыган, и чуваш, и мордвин, и татарин, и русские ребята.

Само понятие «русский» сегодня – это больше духовное. Это человек, который думает и говорит по-русски. Как Пушкин, например, или художник Левитан, скульптор Эрзья. Примеров тому множество.

И наконец, об атмосфере романа, которая обитает в поле европейской авторской литературы: флер французской литературы (речь о проявлениях сексуальности Ваньки с раннего возраста).

Атмосфера итальянского неореализма. В чем суть неореализма? И в чем его сопричастность дню сегодняшнему? Рабочие, крестьяне, интеллигенты и мелкие служащие стали подлинными героями в литературе и на экране. Их борьба и главное – их солидарность стали гуманистическим содержанием книг и фильмов. Сюжеты неореалистических произведений свободно построены, исполнены внутреннего драматизма.

В центре произведения – неизменно судьба простого человека, народная жизнь без прикрас. Основным жанром для неореализма стал «лирический документ»: повествование, соединяющее мемуарный, автобиографический момент с художественным вымыслом.

Документальное описание реальных событий с историей духовного становления, роста самосознания героя. Неореализм вернул литературе, как и кинематографу, глубокий интерес к проблемам социальной и народной жизни, что сверхактуально и сегодня. Особенно у нас, в России.

Главное – сопричастность дню сегодняшнему на российских просторах. И наконец, вот оно, нужное слово. Солидарность! Читатели и зрители послевоенной Европы испытывали ее к простым людям любой страны мира.

Можем ли мы похвастаться сегодня такими же чувствами? Вот он конфликт формы и содержания.

Сегодня чистый честный человек – это деревенский или городской?

Это белая ворона на российском экране и в литературе. Деревенская жизнь снизошла либо до роли веселых картинок, либо до какого-то из кругов Дантова ада.

Возвращаемся к роману. Язык его героев простонароден, а потому по-житейски мудр, меток, немногословен.

Я думаю, в романе присутствуют все черты и характерные особенности, необходимые для произведения неореализма, нашего российского неореализма.

В конце романа читатель должен прийти к осознанию того, что русский характер в полной мере – это собирательный образ. То есть, все черты характера, присущие героям романа, все вместе и есть тот самый русский характер нашей российской многонациональной семьи.

Некий идеал духовности и нравственности, к которой мы все должны стремиться и верить в возрождение той великой России, о которой мы мечтаем. А это и есть та русская идея, которая сплотит наши народы, и мы станем не просто многонациональной страной, а нацией.

«Дорога в Алатырь» – это дорога из прошлого в будущее, через день сегодняшний, в котором живем мы с вами.

Эта наша с вами та единственная и неповторимая жизнь, о лучшей поре которой и рассказывается в романе.

Надеюсь, прочитанная книга возвратит читателям радость от встречи с детством, юностью, и на какое-то время они сами станут детьми, подростками, юношами и девушками, вспомнят свое прошлое и первую дружбу, первую любовь, мечты, фантазии, и от того, быть может, души их станут светлее, а мысли и поступки – чище.

Тогда и разрыв между поколениями сократится, и мы станем лучше понимать своих детей и внуков, а они в свою очередь нас, взрослых.

Николай Шмагин

*Моим родным алатырцам, Маресьевым и Шмагиным
С любовью и благодарностью посвящаю.*

Автор

Времена детства Книга первая

Глава первая Пролог

Иван Николаевич сидит за письменным столом у компьютера, но работать ему мешают голоса жены и внука, доносящиеся из соседней комнаты. Он невольно прислушивается, улавливает отрывки из фраз:

Голос жены (читающей внуку): *«... любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам...»*.

Голос внука: *«...бабуля, а как любить гробы, они же под землей зарыты, в могилах, в них же одни кости?...»*.

Голос жены (терпеливо поясняющей): *«Пушкин имеет в виду близких людей, то есть бабушку, дедушку, родителей...»*.

Откуда-то с улицы доносятся отрывки щемящей душу песни:

«... золотые шары той далекой поры, той далекой поры...».

Забыв о компьютере, Иван Николаевич слушает, невольно обращая взор на стену своего кабинета, увешанную фотографиями в рамках.

Подходит, смотрит на старенькое фото, с которого улыбаются ему дед с бабушкой. Задумывается, улыбаясь о чем-то своем, сокровенном.

– Дед, это кто? – подбежавший к нему упитанный внук ткнул пальцем в фотографию, с которой смотрел на него худосочный младенец.

Иван Николаевич вздрогнул от неожиданности, оглянулся на жену, затем притянул к себе внука, довольный его любознательностью.

– Это я, – признался он, наконец.

Внук недоуменно взглянул на старенького деда, на бабушку.

– А вот это, Ванюха, твой прадед, мой отец – фронтовик. А это его отец, мой дедушка – Дмитрий Данилович. Твой прапрадед. Это твоя прабабушка. А вот по материнской линии... – Иван Николаевич увлекся, показывая внуку его предков.

– Твой прапрадедущка – Яков Самойлович, это прадедущка и прабабушка – Иван Яковлевич и Евдокия Алексеевна, а для меня – дедушка с бабушкой. Меня и назвали в честь деда – Иваном.

– А меня в твою, да, дедуленька? – расчувствовался сообразительный внук. Дед утвердительно кивнул, продолжая:

– Вот он, смотри.

Иван Николаевич был так похож на своего деда, что внук более внимательно посмотрел на старенькую фотографию, чтобы уважить словоохотливого деда, и подбежал к его письменному столу.

– Дед, можно я поиграю? – он уже быстро щелкал клавишами компьютера, замороженно глядя на монитор.

Переглянувшись с женой, Иван Николаевич грустно усмехнулся. Мал еще внук, чтобы предками интересоваться, особенно на фотографиях. А внук уже смотрел по телеку какой-то ужастик, надувая пузырями американскую жвачку, которая лопалась, оглушительно щелкая.

– Скоро мы с тобой в путешествие поедem. Туда, где я свое детство провел, где человеком стал благодаря вот им, – Иван Николаевич снова посмотрел на фотографию деда с бабушкой.

– Ура! В путешествие, – обрадовался внук, – а бабушка нас отпустит? А мама с папой?
– Отпустят, куда они денутся. Хочу тебе, внук, все показать, рассказать, пока жив. Иначе не могу. Чтобы не вырос ты Иваном, не помнящим родства, чтобы знал, где находятся могилы предков...

Иван Николаевич с внуком сидели у окна вагона и смотрели на пробегающие мимо леса, перелески, поля, деревеньки...

Рядом балагурили мужики, и Иван Николаевич прислушался.

– Вон Татарстан, суверенное государство, а Чувашия что же, хуже? – горячился неказистый мужичок в потрепанной одежке.

– Скоро каждое село объявит суверенитет, – иронизировал сосед, апеллируя к слушателям. – Объявляю свой дом суверенным государством!

Вокруг заулыбались. Оживились.

– Каждый народ имеет право на самоопределение! – не сдавался мужичок, свято веруя в когда-то где-то услышанное.

– Какое право? – не выдержал военный пенсионер. – Суверенным может быть только то государство, которое имеет внешние границы, а вы все находитесь внутри России. Соображать надо.

– Раньше алатырский уезд принадлежал симбирской губернии и к Чувашии не имел никакого отношения, – вставил свое веское слово гражданин интеллигентного вида в очках, явно алатырец.

– Алатырцы, выходим из состава Чувашии! Объявим свободную экономическую зону! – поддержал его земляк, молодой парень.

– Ну, чего балаболить попусту? – прервал их восторги пожилой сердитого вида мужчина.

– Вон, по Суре как села, деревни стоят? Одно село русское, другое – чувашское, дальше – мордовское, татарское, снова русское. Все перемешано. Разве можно по живому резать?

– Это надо же! – всплеснула руками раздосадованная женщина. – Скоро в России совсем мужиков не останется. Одни алкаши и политики. Лишь бы не работать, водку жрать, да «уря» орать!

– Баб только не хватало в мужские разговоры встревать, – попытался, было, пресечь ее мужичок, но громкие женские голоса в поддержку выступающей заставили его замолчать.

– Сичас имансипация! Пора женщинам за власть браться.

– И то, правда. Надо нам, бабы, порядок в стране наводить!

– Не то постреляют друг дружку, как в Чечне. Перемрут. Хоть и плохонькие мужичонки, все жалко. Небось, свои, не мериканцы какие-нибудь нахальные.

Вокруг загомонили. Разгоряченные политикой мужики, отмахиваясь от женщин, потянулись в тамбур перекурить...

Иван Николаевич взглянул на внука:

– Скоро будет мост. Переедем через Суру, и мы дома. У нас, чай, и родственники в Алатыре имеются, есть, где остановиться, – перешел на местный диалект дедушка. – Устал, поди?

Ванька отрицательно замотал головой. Ему не терпелось увидеть наконец-то этот таинственный Алатырь, про который столько раз рассказывал ему дед. Но вот лес кончился, и под колесами загрохотал мост, а взорам невольно примолкнувших пассажиров открылась чудесная панорама раскинувшегося на холмах старинного города, опоясанного серебристой лентой красавицы Суры...

Дед с внуком спускались по крутому спуску в Подгорье. Иван Николаевич был взволнован предстоящей встречей с дорогими сердцу местами, домом, где он родился и вырос и где не был уже много лет.

Ваньке же хотелось показать деду свою удаль, и он, забыв про осторожность, побежал вниз по переулку. Споткнувшись, закувыркался.

– Осторожнее! – забеспокоился дед, пряча улыбку и памятуя о том, что когда-то набил здесь себе немало шишек.

Они открыли калитку и вошли во двор старого деревянного двухэтажного дома. Иван Николаевич огляделся. Вроде бы и не изменилось ничего: все тот же двор, те же кусты вишни, смородины, те же пашни.

Те, да не те: нет яблони-дикарки, нет деревьев, на которых он любил сидеть в детстве. Он присел на пенек и улыбнулся. Куст крыжовника перед ним был все тот же.

Из дома вышла древняя старуха, подозрительно оглядывая незваных пришельцев. Иван Николаевич подошел к ней.

– Приезжал как-то побывать на родине, лет пятнадцать назад, с тех пор не был. Так получилось. Теперь вот внука привез, хочу показать ему свою малую родину, чтобы знал он, где его корни. Могилы предков.

– И не говори, милай, – махнула рукой старуха, переводя разговор на свое, житейское.

– Дом-то совсем, гляди, разохся, ремонт нужен. А сад, огород – за всем и не уследишь, вот и маемся здесь, с соседями. Тоже старики. Молодежь-то ноне разъехалась кто куда, кому охота горбатиться. А нам некуда податься. Кому мы нужны, старье...

– Можно, мы здесь походим, бабушка? – выждав паузу для приличия, спросил Иван Николаевич, ободряюще подмигивая внуку.

– Можно, – махнула рукой старуха, потеряв к ним интерес. – Грядки только не потопчите. Народу развелось, так и шныряют кругом...

Старуха вошла в сени, загремела чем-то, а Иван Николаевич враз успокоился, умиротворенно огляделся, и они пошли по тропинке на огороды, в сад. Дед впереди, показывая, внук следовал за ним.

– Вот здесь, Ванюха, и прошло мое детство. Привезли меня родители сюда, к деду с бабушкой, а сами уехали обратно домой, в Чебоксары. Решили: здесь мне лучше будет, безопаснее. Как я не хотел оставаться...

– Я бы тоже не остался, – насторожился внук, поглядывая на покосившийся дом, на кусты, – если только с тобой.

– И я так думал вначале. Потом начал привыкать. Это сейчас мы с тобой здесь чужие, а тогда у меня были дед с бабушкой, и это был наш дом, наш сад, наш огород, и еще были наши соседи, мои друзья...

– И у меня есть дом, папа с мамой, друзья, только они в Москве. Поедем домой, дед, – затосковал вдруг Ванька.

– Поедем, – согласно кивнул ему дед. – Погостим здесь немного, походим, посмотрим, поговорим и домой.

Ванька успокоился, снова с интересом огляделся, а Иван Николаевич полной грудью вдыхал такой родной для него алатырский воздух и чувствовал себя помолодевшим, бодрым, словно снова стал тем мальчишкой, каким он уже больше никогда не будет, если только очень-очень помечтать и вспомнить былое...

Зимушка-зима (Ванькины сны)

День первый. Озорник

Вдоль забора, за которым слышался глухой ритмичный шум, крался мальчик лет шести в матросском костюме с якорями, стараясь поймать порхающую перед ним бабочку. Улучив момент, он бросился в траву и накрыл ее руками, но бабочка мелькнула перед его носом и улетела.

Проводив ее разочарованным взглядом, мальчик встал и, привлеченный шумом, с любопытством приник к щели, не видя, как от появившейся на дороге стайки гусей к нему подкрадывался здоровенный настырный гусак...

За забором внутри деревянного строения железная машина яростно распилила толстое бревно на доски и принялась за следующее.

Внезапно ожил висевший на столбе громкоговоритель: *«Едут новоселы по земле целинной, песня молодая далеко летит...»*.

...В это время гусь сердито тяпнул мальчика за мягкое место, и тот с криком отпрянул от забора, растерянно уставившись на обидчика.

Придя в себя, мальчик схватил палку и бросился на нахальную птицу. Струсив, гусь пустился наутек по дороге, ведущей в гору. Спугнув гусиную стайку, с криками разбежавшуюся в разные стороны, мальчик несясь следом и, догнав-таки врага, шмякнул его палкой по спине.

Гусь растерянно заметался и кинулся ему под ноги. Споткнувшись о забияку, мальчик неожиданно для обоих очутился верхом на гусе, словно всадник на коне. Махая крыльями, незадачливый гусь с отчаянным криком рванулся вниз и вдруг полетел, задевая лапами землю.

Крепко вцепившись в него, мальчик летел и восторженно смеялся.

– Вы только гляньте! – закричала полная бойкого вида женщина, остолбенев от изумления. Около дома возникла толпа любопытных.

Мальчик промчался на гусе мимо них и скрылся за углом.

– Люди добрые, – охнула на всю улицу женщина, – это ж мой гусь, – и она бросилась пересчитывать стайку растерянно гогочущих птиц.

– Пропал теперь, – подначил кто-то, – заморенный гусь не жилец.

Растопырив крылья, гусь улепетывал от наездника из последних сил, а он победоносно смотрел ему вслед, затем пренебрежительно глянул на восхищенного карапуза, почтительно замершего неподалеку.

– Я видел, как ты летел, – карапуз задохнулся от избытка чувств.

– Ерунда, я не такое могу, – небрежно отмахнулся мальчик, направляясь к шоссе, по которому мчались машины. – А ты смелый?

– Не знаю, – карапуз застенчиво захихикал.

– Эх ты, – потерял к нему интерес мальчик, – из труса героя не получится. Смотри!.. – и выждав, когда очередная машина была уже совсем близко, вихрем пронесся через шоссе ей наперерез.

Взвизгнув тормозами, грузовик резко остановился у обочины.

– Под колеса захотел, чертенок? – заорал шофер из кабины, но перепуганные сорванцы уже бежали прочь навстречу обомлевшей от ужаса женщине, ставшей очевидцем страшной картины.

– Ванечка, ты жив? – кинулась она к мальчику, который при виде ее перепугался еще больше и рванул, было, в сторону, но женщина схватила его в охапку и, убедившись, что он цел и невредим, заплакала:

– Ты же обещал во дворе играть, опять за свое? Хоть работу бросай, – и она потащила упирающегося сына все к тому же дому...

– Ваш сынок-то на гусе моем с горы летал, – встретила их у подъезда раздосадованная женщина. – Теперь бедняга едва дышит, – кивнула она на гуся, понуро стоящего у сарая. – Помирает, сердешный.

Мать растерянно смотрела на нее.

– Разве может маленький мальчик на гусе летать? Никак не может! Николай, скажи ей, – обрадовалась она, увидев подходившего мужа.

– Не верите? Все соседи видели! – возмутилась женщина.

- Если подохнет, заплатим, – успокоил Николай хозяйку гуся.
- Пап, он сам захотел, чтобы я летел на нем, – оживился, было, сын.
- Дома поговорим, – невольно усмехнулся отец, входя в подъезд вслед за своим семейством...
- Как насчет садика, узнавал? – мама вынула из ридикюля ключи. Он безнадежно махнул рукой, с сочувствием посмотрел на сына.
- Опять дорогу перебегал, – расстроенная мама открыла дверь.
- Все! Поедет к деду с бабкой, – решил отец, входя в длинный коридор коммунальной квартиры. – Поживет там, а к школе заберем обратно...

Вечерние игры

Мать мыла посуду после ужина, отец расположился с газетой на диване. Ванька был наказан одиночеством за дневные подвиги.

Намаявшись в своем углу, он подходит к отцу и, увидев, что тот уже не сердится, вскакивает к нему на колени, и они опрокидываются на диван. Ванька усаживается на его согнутые в коленях ноги, обхватывает их руками и взмывает вверх...

Потом пикирует прямо на отца, опять взмывает, представляя себя советским летчиком-истребителем, атакующим фашистов: жжж...тра-та-та...

– Фу, устал, – отец снимает Ваньку с ног.

Началась борьба. Сопя и пыхтя, отец с сыном возятся на ковровой дорожке на полу. Отец – очень сильный, толстый, большой и волосатый применяет прием: захват головы подмышкой.

В ответ сын, напрягая последние силы, применяет прием самбо, выкручивая папину руку за спину. Еще немного, и папа повержен на живот.

Крепко стискивая своими ручонками папину тяжелую руку, Ванька торжествующе сидит у него на спине взъерошенный, с горящими ушами.

– Сдаюсь, – хрипит папа с красным лицом.

– А ну, пора спать, вояки. Совсем отца замучил, – подходит мама.

– Пап, мы завтра будем бороться? – с надеждой вопрошает Ванька.

– А как же, конечно будем, спи давай...

Проезжающая по шоссе машина высветила окна в комнате, свет пополз по потолку, стене, исчез. Урчание удаляющейся машины растворилось в наступившей ночной тиши, которую нарушало лишь поскрипывание родительской кровати да их сдавленный шепот: уж не борются ли они там за шкаф без него, Ваньки?..

День второй. Влюбленный художник

Утро. Мама ушла на работу. Папа заканчивал портрет очередного члена политбюро. Ванька, сидя на скамеечке рядом, тоже мазюкал красками, водя кисточкой по картону, установленному на стуле отцом. Он писал свой автопортрет, иногда поглядывая на себя в зеркало.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел папин коллега по работе, профессор Сверчков. Он мельком глянул на работу отца и остановился возле Ваньки, удивленно рассматривая творение юного художника.

– Талант, несомненный талант, – наконец произнес он, глядя на Ваньку сверху. Ванька засмутился, не прерывая занятия.

Отец с коллегой о чем-то поговорили и засобирались на работу.

– Сынуль, остаешься за старшего, скоро мама придет, пока, – и они исчезли за дверью. Ванька тут же встал и подошел к портретам отца, вглядываясь в них и считая себя заправским художником.

«Как же это папа проглядел, глаза не прописаны как следует, тени не очень глубокие на лицах», – подумалось ему, и он с жаром принялся за работу. Наконец, удовлетворенный и усталый, он полюбовался исправленными произведениями искусства. Они были совершенны.

Ванька вышел в коридор и увидел девочку в школьном платье с фартуком, огромные банты украшали ее косички, в руках – настоящий школьный портфель. Соседи улыбнулись друг другу.

– Ваня, приглашаю тебя к нам в гости, – она взяла его за руку, и Ванька очутился в соседской квартире. Навстречу уже спешила мама девочки.

– Танечка из школы вернулась, здравствуй Ваня. Садитесь обедать...

Таня с Ваней сидели за столом и учили уроки: Таня писала в тетради, выполняя домашнее задание, а Ваня рисовал зайцев, кошек, чертей, потом стал рисовать Таню за уроками.

Таня закончила уроки и заглянула в тетрадь соседа:

– Похоже, и косички с бантами получились. Ты художник, как отец.

– Это ерунда, я и не так могу нарисовать, – зарделся польщенный художник и полез под стол: усевшись, потянул к себе девочку, затем в непонятном волнении стал гладить ее колени. Таня встала из-за стола.

– Ваня, тебе пора домой, – строго сказала она кавалеру. Оскорбленный в своих лучших чувствах Ванька удалился.

Побежав по двору, он привел к себе в гости двух соседских девчонок своего возраста. Уложив их рядом на ковровой дорожке на полу, кавалер лег сверху на одну из них и стал чмокать в губы, подражая взрослым.

Девочке стало щекотно, и она засмеялась.

Тогда кавалер лег на другую, и они стали целоваться. Раздался шум в коридоре и голоса родителей, возвращающихся с работы. Девчонки почему-то испугались и забились на всякий случай под кровать, а Ванька остался стоять столбом посреди комнаты весь взъерошенный.

Вошли родители и подозрительно поглядели на сына. Услышав шум, отец заглянул под кровать и извлек на свет божий двух обольстительниц.

– Вы что под кроватью забыли? В прятки играете?

Смущенные и испуганные девчонки убежали домой, а Ванька признался: – Мы тут в папу с мамой играли. Они мамы, а я папа.

Родители ошарашены от такого признания, не зная, что и ответить.

Вечер. Семейство втроем ужинало за круглым столом. Ванька, наконец, не выдержал и сказал отцу загадочно:

– Папа, ты разве ничего не заметил?

– Нет, а что? – сказал папа, и тут его словно осенило. Он встал, подошел к портретам и замер, восхищенно глядя на них. Мама безмолвствовала. В воздухе повеяло грозой.

– Ну, как? – Ванька торжествовал, его голос прерывался от волнения.

– Неплохо, – ответил папа тоже внезапно охрипшим голосом. Весь побагровев, он снял ремень и подошел к сыну.

– Зачем это? – недоуменно нахмурившись, сын насторожился.

И тут отец снял с сына штаны и выпорол его ремнем. После экзекуции оскорбленный Ванька забился под стол: не оценил отец его искусство.

Отец заглянул под стол, сын отвернулся.

– Понимаешь, сынок, портреты завтра сдавать, а ты все испортил.

– Я же хотел как лучше, – с жаром возразил Ванька.

– Понимаю. Но ты вот все хочешь как лучше, а получается как нельзя хуже. Пора тебе об этом подумать. Теперь придется исправлять, переписывать всю ночь. Чтобы стать настоящим художником, надо много учиться, понял?

Ванька сокрушенно кивнул головой, скрывая слезы.

– Не горюй. Вылезай из-под стола и ложись спать. А завтра подумай над тем, что я сказал. А за порку извини, погорячился.

Мир и справедливость были восстановлены.

День третий. Праздник

Утро. Раз родители дома, значит воскресенье. Мать пекла пироги. Вот она накрыла стол новой нарядной скатертью, поставила вазу с цветами, и комната приобрела праздничный вид.

– Сегодня у нас праздник, да, мама? – допытывался Ванька.

– Праздник у папы на работе, ты ведь хороший мальчик? – начала издалека мама, но Ваньку не проведешь. – Мы уйдем ненадолго, а ты поиграешься дома, хорошо?

– Он уже взрослый, к тому же дал слово, – успокаивал папа маму, и Ванька украдкой вытер выступившие на глазах слезы...

Настал момент прощания: родители стояли у двери, и Ванька восхищенно разглядывал их. На папе новый бостонный костюм, на ногах коричневые поскрипывающие штиблеты, на голове фетровая шляпа, а мама!

В панбархатном платье, с пышной прической, в замшевых туфельках на шпильках, в руке блестящий ридикюль.

Поцеловав сына ярко-красными губами, она тут же вытерла его щеку платочком, и они исчезли за дверью, оставив сына в глубокой задумчивости.

Что бы сделать такое, чтобы обрадовать родителей, когда они вернутся домой? Ванька оглядел комнату, и она показалась ему недостаточно хорошо убранной: «Ура, придумал! Я наведу идеальный порядок, и они ахнут от восторга, когда увидят, на что способен их сын».

Налив в таз воды, Ванька стянул со стола скатерть и принялся стирать, затем повесил ее сушиться на бельевой веревке на кухне. Не найдя тряпки, взял какую-то занавеску и стал мыть пол. Ну вот, кажется все.

Снова накрыв стол скатертью, Ванька поставил вазу с цветами, принес пироги в блюде и удовлетворенно огляделся: «Ну вот, теперь в комнате идеальный порядок! Позову я гостей, раз праздник, вот родители обрадуются: какой у них хороший сын, скажут».

Он выбежал из комнаты, и вскоре вся дворовая детвора была рассажена за круглым столом: Ванька разливал вино из бутылки по рюмкам, все ели пироги и прихлебывали из рюмок, морщась; пресытившись, стали играть в прятки. Под визг и смех расшалившейся не на шутку детворы раскрылась дверь, и вошли родители.

Остолбенев от увиденного, они смотрели, как из-под стола вылез их сын, перепачканный вареньем и взъерошенный больше прежнего. Пьяно улыбаясь и пошатываясь, он подбежал к ним, ожидая похвал.

– Дети, пора домой, – немного придя в себя, сказала мама.

– Еще рано, – возразил соседский мальчишка, глянув в окно, но вот гости выпровожены. Отец покачивал головой и улыбался, глядя на сына-сорванца, мать же, показывая сыну грязный пол, испорченную скатерть, разбросанные пироги, терпеливо разъясняла:

– Наделал дел, нечего сказать. А ведь мы считали тебя уже взрослым.

– Я же хотел как лучше, чтобы в доме был праздник, – неуверенно оправдывался сын, начиная осознать содеянное. После его начало тошнить...

Пожар

Ночью Ванька проснулся от тревожных голосов родителей. Они стояли у окна. Вся комната была озарена красным трепещущим светом, где-то трещало и гудело. Ванька вскочил с кровати и подбежал к окну.

– Пожар, пилорама горит, – папа приподнял сына на руках, и он глянул в окно: зарево охватило всю улицу. Стекла окна были словно из красного стекла. Ночное черное небо, а на улице словно днем – незабываемое зрелище. Ванька еще не понимал, что пожар – это ущерб и горе и пребывал в восторге от того, что пожар, что он не спит ночью, а стоит с родителями у окна и жадно наблюдает за происходящим.

Пожарные машины стояли у пилорамы, возле них бегали фигурки пожарных в касках со шлангами в руках. И вдруг сильные струи воды обрушились на охваченное пламенем строение. Началась беспощадная борьба воды с огнем...

– Ну ладно, давайте спать. Хорошо еще, пилорама далеко, искры не долетают, – папа с мамой улеглись, а Ванька лежал с открытыми глазами и вспоминал происшедшее, глядя на потолок. По нему еще метались красные тени от пожара. Он слышал, как шептались родители:

«Пора Ванечку в Алатырь отправлять к деду с бабушкой, пока он под машину не попал или еще чего не натворил», – мама.

«Ты права, в детсаду мест нет, а там ему будет лучше», – папа.

Ванька горько вздохнул и затих, всхлипывая во сне...

– Я больше не буду перед машинами бегать, я буду слушаться, честное слово, – захныкал он, ворочаясь на кровати, – не надо меня отправлять.

Виновато шмыгая носом, Ванька собрался, было, заплакать и открыл глаза, изумленно озираясь: в промерзшее окно брезжил тусклый рассвет, на дощатой перегородке, отделяющей спальню от комнаты, висел его матросский костюм с мерцающими в полусумраке якорями.

Вошла маленькая старушка с валенками в руках, на ее добром лице засветилась множеством морщинок ласковая улыбка.

– Замерз небось, давай-ка одеваться, милоч, печь затопим, оладушков напеку, – пыталась она растормошить внука, помогая одеться.

В свитере и валенках Ванька уныло жевал за столом, поглядывая на весело гудевший огонь в печи, на бабушку, пекущую оладьи.

– Вот подрасту, и мама с папой меня к себе заберут, – он тоскливо вздохнул и поежился. Не дождавшись ответа, спросил громче:

– Дед где, бабушка?

– Придет, куцы он денется, – уклончиво ответила бабушка, вызвав этим любопытство внука.

– Ну, скажи, – заканючил, было, он, но тут звякнула щеколда в сенях, и Ванька выскочил из-за стола: – Идет!

Дверь раскрылась, и вместо деда в кухню вошла почтальонша.

– Здрасьте вам, – приветливо улыбнувшись, она прошла к столу.

– Здрасьте Валечка, вот радость нежданная, – засуетилась бабушка.

– Холодище – жуть! А ночью до 50 градусов мороз, по радио передали, – сообщила почтальонша, отогревая у печки руки и глядя, как бабушка быстро накидала оладьев в блюдо, поставила на стол.

– Накось горяченьких, отведай. А я гадаю, сегодня придешь али завтра, – бабушку волнует более насущная проблема.

– Спасибо, тетя Дусь, – не отказалась веселая почтальонша, доставая из сумки ведомость. – У нас с этим строго. А где же хозяин?

– Хосподи, запропастился старый, – занервничала бабушка, и в это время снова звякнула щеколда, а на пороге появилась высокая фигура деда в тулупе и с мешком в руках.

Свалив шевелящийся мешок на пол, дед развязал его и, хитро улыбаясь заиндевевшими усами, легонько вытряхнул маленького поросенка.

– Хорошенький какой! – удивилась почтальонша, а Ванька в восторге бросился к нему, но поросенок испуганно хрюкнул и забился в угол.

– Не трог его, пусть обвыкнет, – остановила бабушка собравшегося в угол внука. – Дорого, чай, уплатил, – осведомилась озабоченно.

– Не дороже денег, – громко сморкаясь и кашляя, дед разделся и, одергивая по привычке рубаху, словно гимнастерку, подошел к столу.

– Распишитесь, дядя Ваня, тут вот, – ткнула почтальонша пальцем.

Дед с трудом вывел в ведомости корявую неразборчивую подпись и, выпрямившись, лукаво усмехнулся:

– Что ж ты, мать, человека ждать заставляешь? Взяла бы да поставила подпись с росчерком.

– Будет смеяться-то, – оживилась бабушка, почтительно наблюдавшая за ним, – разве что крестик. Не привелось грамоте-то обучиться, – пожаловалась она почтальонше, смущенно вздыхая и принимая деньги.

– Насчет прибавки не слышать? – поинтересовался дед, сворачивая из газеты козью ножку. – На эти гроши разве проживешь.

– Обещают, дядя Вань, – сочувственно вздохнула почтальонша.

– На это они горазды, тудытвую растуды, – пробасил дед, раскуривая самокрутку и усаживаясь на скамеечку у печной отдушины.

– Будет тебе, – махнула на него рукой бабушка, провожая почтальоншу до двери, в то время как Ванька торопливо одевался...

Снег укутал всю землю, даже на деревьях в саду лежат лохматые белые шапки. Вот под его тяжестью дрогнула ветка, и посыпался на сахарную целину белый искрящийся дождь.

Выскачив на улицу, Ванька посмотрел в окна на втором этаже.

– Витька, выходи! – ему не стоялось на месте, такие новости.

– Чево раскричался? – выглянула из сеней бабушка, – али опять запамятовал? Неделя уж прошла, как уехали, в Москве теперь живут, – она сердобольно глядела, как радость померкла на Ванькином лице.

– Может, им не понравится там, – пробормотал он, – и они вернутся...

– Не тужи, скоро Борьку кормить будем, чай новые друзья появятся, эка невидаль, – бабушке хотелось отвлечь внука от неприятных мыслей. – На лыжах поди покатайся, красота какая вокруг, прям диво дивное.

Но Ваньке уже ничего не хотелось: безразличным взглядом окинув окрестности, он увидел мальчишек, сооружающих перед горой скачок.

– Эй, Ванек, иди сюда, первым будешь! – призывно замахал руками коренастый парнишка в потрепанной кацавейке и облезлом малахае.

Ванька побрел, было, к ним, но глянув на окна без занавесок, загрустил окончательно и замер около запорошенной снегом яблони.

– Слабо с Грацилевой махнуть? А, Ванек? – не отставал парнишка.

– Дружок его, Витька, в Москву укатил, – пробасил долговязый на длинных лыжах, прокладывая перед скачком лыжню, – скучает.

Ванька молча повернулся и ушел, сопровождаемый насмешками.

Поросенок жадно чмокал, заглатывая соску до бутылки; молоко в ней исчезало на глазах, но он был ненасытен.

– Дай я, бабань, – боялся не успеть Ванька, с радостью принимая из бабушкиных рук бутылку.

– Прожорлив, знать, большой вырастет, – одобрительно хмыкнул дед.

– Дай-то бог, – суеверно поплевала через левое плечо бабушка.

– На бога надейся, а сам не плошай, – подтрунивал дед.

– Не нравится Ванюшке у нас, все уезжать трастит, – обиженно сообщила бабушка, дипломатично переводя разговор на другую тему.

– Ишь ты, – тоже обиделся дед, замолкая.

– Когда я вырасту большой, вас к себе возьму, – пожалел их Ванька, поглаживая блаженно хрюкающего на своей подстилке поросенка.

– Вот уважил, – развеселились старички, – а пока у нас поживи...

– Садитес-ка обедать, – отодвинув заслонку, бабушка достала из печи чугунок со щами, затем чугунок с картошкой и вышла в сени...

Ванька пошел в переднюю и, встав на цыпочки, включил круглый черный репродуктор на стене. Рядом над комодом висел портрет молодого деда в красноармейской форме. Радио молчало.

Тогда он залез на диван и, ткнув пальцем, прорвал черную бумагу, обнаружив за ней пустоту. Удивленно заглянул за репродуктор, и в это время тот разразился громкой бравурной музыкой. Ванька кубарем скатился с дивана, испуганно поглядывая на чудо техники.

...Бабушка вернулась с миской капусты, поверх которой красовались огурцы, и экономно окропила все это постным маслом из бутылки.

– Лей, не скупись, – хмыкнул в усы дед, подмигивая внуку и нарезая ломтями скрипящий под ножом хлеб. – Топором не урубишь, хлебушек-то из кукурузы, язви его в душу.

– И того по две буханки дают, – вздохнула бабушка, разливая щи по мискам. – Раньше хоть цены снижали, а таперь все дорожает, не подступишься. И што за жизнь пошла, одна маята.

«В последнем решающем году шестой пятилетки заготовлено на 1 млрд. 600 млн. пудов зерна больше, чем в предыдущем...», – громогласно вещал репродуктор, невольно заставляя слушать. – *Реальные доходы рабочих и крестьян по сравнению с 1940 годом увеличились в два раза».*

Глянув на сердито закашлявшегося деда, бабушка поспешила в комнату к репродуктору.

«Товарищи! В нашей стране достигнут невиданный расцвет...», – репродуктор умолк на самом интересном месте.

– Мяса хочу, – буркнул недовольный тишиной Ванька, болтая ложкой в миске со щами, но под строгим взглядом деда перестал. Тогда он стал болтать ногами под столом, делая вид, что не замечает осуждающего взгляда чересчур привередливого деда.

– Лупи картошку да ешь, пока горяченькая, – одернула его вернувшаяся бабушка. – У родителей мяса много, не чета нашему получают.

– За длинным рублем погнались, себя забыли, – в сердцах дед бросает ложку на стол, напугав бабушку с внуком. – Перекати-поле.

– Что такое перекати-поле, дед? – заерзал от любопытства Ванька.

– Когда у человека корней нет. Вот его и мотает, по всему белу свету, – разъяснил дед, обращаясь к бабушке с горечью: – Мало у нас работы?

– У них там столица, а наш городишко курам на смех, – защищала она Ванькиных родителей. – Чай одетаться-обуться надо, молодые, поди.

– Не хлебом единым жив человек, – отрезал дед...

В наступившей тишине слышалось лишь сонное похрюкивание поросенка, да дед с бабушкой усердно хрустели капустой. Ванька засмеялся:

– Мама говорила, за столом нельзя чавкать, она и разговаривать не велит, – вспомнил он и добавил, ябедничая: – а сами разговаривают.

– Ворона и за море летала, да вороной и вернулась, – заключил дед, вставая из-за стола и доставая кисет с махоркой.

– Балаболишь при мальчонке, чево не следует, – осерчала бабушка.

– Спина побаливает, тудыт твою ее растуды, комаринский мужик, – закричал в ответ дед, усаживаясь на скамеечку и закуривая. Ванька тут же устроился рядом и, с завистью вдохнув дым, закашлялся.

– Всю квартиру продымил, ребенок ведь, рази можно.

– Дед, кто такой комаринский мужик? – Ванька жаждал знать все.

– Ишь ты, любопытный какой, – удивился дед, добродушно и лукаво посмеиваясь. Глянув на прибирающую со стола бабушку, он хитро ухмыльнулся и зашептал внуку на ухо. Тот жадно слушал, затаив дыхание.

– Хосподи, седина в бороду, бес в ребро. Чему ребенка учишь?

Ванька восторженно запрыгал, порываясь рассказать все бабушке.

– Молчи, – упредил дед, улыбаясь в усы, – потом продекламируешь.

Ванька с готовностью закивал и умчался в переднюю, горлая там в избытке чувств: *«Как по улице варваринской идет мужик комаринский...»*. На мгновение все смолкло, и бабушка заглянула в переднюю.

Ванька снова включал радио.

«Кукуруза – царица полей дошагала до Севера!..», – проникновенно провозгласил диктор, и бабушка заторопилась к выключателю...

На кухне чертыхнулся дед. Ванька бросился к нему:

– Кукуруза разве может шагать, дед?

– У нас все может...

– Почтальонша сказала: ночью 50 градусов мороза будет, – вспомнила бабушка, восстановив тишину в квартире.

– То-то смотрю, с утра продирает, – встревожился дед, вставая.

– В финскую-то помнишь, ударило морозищем, погибло тогда в саду – не перечить, – жалостно вздыхала она, глядя на одевающегося деда.

– Неужто ночь целу маяться собрался? Авось обойдется, ну их к ляду.

– Авось да небось – хоть вовсе брось! – вскипел дед, сердито топая валенками. – Хворосту да сенца заготовлю.

– Я с тобой, – Ванька схватил его за руку, – помогать буду.

– Тоже мне помощник нашелся, мороз такой на дворе, – запротестовала, было, бабушка, но, глянув на мужа, уступила. – Давай-ка потеплее оденемся.

Дед разложил вокруг яблони хворост, сверху потрусил сена.

– Зачем сено, дед?

– Для дыму. Вишь, сырое оно, знать дыму много будет, яблоням тепло. И нам спокойнее, уразумел?

Ванька схватил охапку хвороста и, увязая в глубоком снегу, поволок к красавице-яблоне, стоящей поодаль от других деревьев.

– Неси сюда, – позвал дед, подходя к неказистой на вид яблоньке и утаптывая вокруг нее снег, – здесь раскладывай.

– Я у той хочу, – запротестовал внук.

– Это дикарка, не жалко, – объяснил дед. – Давно срубить пора.

– Что, яблоки не растут?

– Кислятина. А это апорт, осенью попробуешь – за уши не оттащишь, – дед старательно раскладывал хворост, а Ванька с жалостью смотрел на заиндеветшую дикарку, рядом с ней апорт казался ему уродом.

– Вот, – кряхтел под яблоней дед, обворачивая ствол мешковиной, – теперь не замерзнут, – он удовлетворенно оглядел свою работу.

– Дед, можно я ночью помогать буду? – подгадал под настроение внук.

– Там видно будет...

Поглядев на одевающуюся бабушку, дед понимающе усмехнулся:

– Что, бог-помощь пошла разносить?

– К Богоявленским надо сходить, покалякать про то да се. Ты уж сиди, старый, в бабские дела не суйся.

– Иди-иди, божья старушка. Посудачьте. Вам, бабам, без этого никак нельзя, – развеселился дед, усаживаясь перекурить.

– Я с тобой, бабушка! – взвился неугомонный внук, хватая валенки и пальто. Ей ничего не оставалось, как помочь внуку одеться. Наконец, сопровождаемые насмешливым взглядом деда, они пошли в гости.

Оставшись в одиночестве, дед затушил окурок и присел к столу, поглядывая в окно: смеркалось. Делать было нечего, и он прошел в переднюю, подтянул гирьку ходиков и включил радио: «*Местное время восемнадцать часов ровно...*», – услышал он и тут же выключил радио.

Поправив стрелку на циферблате, снова отправился на кухню, размышляя про себя: «Перекурить, что ли? Да нет, пожалуй, хватит на сегодня. Пора бросать, как говорит старуха. Надумала в гости, на ночь глядя, да еще внука прихватила с собой, в этакий-то мороз. Что это я разбрюзжался, старый стал совсем. Одному если жить, с ума сойдешь или сопьешься. Помрешь, одним словом. А нам надо еще внука уму-разуму научить, опыт жизни передать по наследству. Так что, проживем еще, старуха, дел много...».

А в это время, сидя на диванчике, Ванька разглядывал добрые морщинистые лица сестер Богоявленских, калякающих о чем-то своем с его бабушкой за чашкой чая. На столе стоял начищенный до блеска самовар, рядом пироги в блюде, баранки.

Откусив баранку, Ванька продолжил от нечего делать обзор комнаты.

В красном углу висели большие иконы, горела лампадка под образами, а рядом на стене располагалась картина в раме под стеклом, на которую он и загляделся: тройка с седоками в санях мчалась по заснеженному лесу, а за ними гналась стая волков с оскаленными пастьями.

Предсмертный ужас застыл в вытаращенных конских глазах, возница из последних сил отбивался от наседающих зверей, вот-вот произойдет трагедия, и Ваньке стало так жутко, что он боялся пошевелиться в полусумраке комнаты, пока бабушка не спохватилась, наконец:

– Что же это я, старая, заболталась, домой пора, а то дед мой заругается.

– Иван Яковлевич строгий мужчина, привет ему от нас, – согласно закивала бабушка Лида, а ее сестра бабушка Люба прибавила, усмехаясь:

– Зато, он какие пикантные случаи из прежней жизни рассказывает, заслушаешься. Про колдунов, как он публичный дом посещал...

– Будет тебе, окстись. Перед таким-то праздником, грех на душу принимать. И не стыдно тебе, старая, – корила ее бабушка Лида.

Под говор и смех старушек Ванька одевался на выход – скорее домой...

– Завтра Рождество Христово, в церковь с утра надо, – придя домой, бабушка занялась хозяйством с новыми силами: достала с полки квашню, банку с мукой. – Тесто поставлю, Батины обещались прийти.

– Валяй, божья старушка, – посмеивался довольный их возвращением дед, снова поку- ривая на своем любимом месте возле печки. – Мы с внуком пироги уважаем.

Ванька сонно улыбнулся и зевнул, вылезая из-за стола.

– Сомлел, милоч, – подошла к нему бабушка. – Пойдем в кровать.

– Я спать не буду, мы с дедом ночью костры жечь пойдем...

– До ночи долго, отдохни пока, а я тебе сказку поведаю, – уговаривала она внука, прово- жая в спальню и укладывая в кровать.

– Я про войну люблю или про колдунов, страшные...

– Вот и я толкую, – усмехнулась бабушка, усаживаясь на стоящий рядом скрипучий сун- дук. – Будто во время войны ходил вещий старец по городам и селам, и там где пройдет, фаши- стов вскорости изгоняли.

– Мне папа рассказывал, как он с фашистами сражался, – вспомнил Ванька, глядя в ско- ванное морозом окно. – А вещий старец – колдун?

– Не перебивай, слушай лучше. Так вот, будто знал старец заговор такой, как врага одо- леть. Будто шел он чистым полем ко дремучему лесу, ко ручью-студенцу, где стоит старый дуб мокрецкой, а возле лежит горяч-камень Алатырь. Под этим камнем живут семь старцев...

– А почему семь старцев? – допытывался внук сонным голосом.

– Чтобы не было врагу покоя ни днем, ни ночью, – пояснила бабушка. – Так вот, отвалил он этот камень Алатырь и призвал старцев, поклонился им низехонько: «Отпирайте вы, старцы, сундуки свои железные...».

Слышит Ванька бабушкин голос, а видит необыкновенный сон: вот он отваливает огром- ный камень, выходят из земли старцы, несут ему меч.

– Вот тебе, Иван – крестьянский сын, меч-кладенец. Иди с этим мечом смело на врага, не бойся... – говорит Ваньке передний старец.

– Я не боюсь, я буду героем! – отвечает Ванька, засмотревшись на чудных старцев.

... – И тогда обретишь ты силу великую и победишь врагов окаянных всех до единого, как отцы и деды наши побеждали.

...«Замыкаю свои словеса замками железными, бросаю ключи под горяч-камень Ала- тырь! И ничем мой заговор не отмыкается», – закончила бабушка свое повествование и встала потихоньку.

– Бабаня, – спохватился Ванька, – о чем заговор, в сундуках что?

– Заспался, – улыбнулась бабушка, приглаживая внуку вихры, – самое интересное про- слушал. Слова говорил такие, после которых люди на смерть за Родину идут и не боятся. А в сундуках тех сила наша несметная, секрет ее враги разгадать не могут, от того боятся нас пуще смерти. Спи, давай, – она поправила одеяло и не успела выйти, как Ванька уже крепко спал.

– Охо-хо, старость не радость, с мальцом-то хлопот полон рот, за день намаешься, – взды- хала бабушка, сноровисто замешивая тесто.

– Без хлопот что за жизнь? Без него скушно было, – дед сидел за столом и шумно пил чай вприкуску с сахаром, поглядывая в темнеющее окно.

...А Ваньке в это время снился сон: будто он с дедом в саду зажигает костры вокруг яблонь, и густой дым окутывает деревья, отгоняя мороз.

Поодаль стоит одинокая, застывшая в лунном свете дикая яблонька, и кажется Ваньке, будто она стонет от лютого холода...

– Что надулся, как мышь на крупу, – добродушно посмеивался дед, глядя на обиженное лицо внука. – Мороз трескучий был, аж дыхание перехватывало. Вот подрастешь маненько, тогда другое дело.

Хлопнула сенная дверь, и через мгновение в дом вошла розовощекая с морозу бабушка с кошелкой в руках. На ее круглом благостном лице застыла умиротворенная улыбка.

– К обедне ходила? – оживился догадливый внук. – Чего принесла?

Он нетерпеливо ожидал, пока улыбающаяся бабушка бережно вешала на гвоздь плюшевый пиджак с шалью.

– Мороз-то поутих, кажись, – она протянула внуку просвирку.

Грызая божий дар, он более миролюбиво глянул на деда:

– Дед, а ваш город на горячем камне построили? Ну, на том месте?

– Может и так, – сухощавое лицо деда просветлело. – Заложен он был еще при царе Иване Грозном как сторожевой город...

– Хлебом не корми, только бы ему истории разные калякать, – ворчала бабушка, снимая с квашни марлю и засучивая рукава.

Ванька восторженно кинулся к нему на колени, обхватил за шею:

– Ты рассказывай, не слушай бабушку. Пусть она тесто месит.

– Тогда каждую осень караулы наши степь за лесом жгли, чтобы значит ногайцы в Присурье не ворвались.

– Ногайцы – это татары, дедуленька? – взволнованный Ванька замер.

– Они самые, – подтвердил дед, – Ногайская Орда. Как нагрянут бесчетно с Дикого Поля, сколько народу извели, в полон угнали – не счесть. Вот и построили города-крепости цепочкой вдоль леса от набегов, значит. Город наш знатный, – с гордостью произнес он, – его когда-то разинский атаман Нечай брал. Говорят, сам Степан Разин в пещерах на Стрелке прятался, когда воеводы царские войско его под Симбирском разбили. Бывал я в тех пещерах в детстве еще.

– Далеко они, дедуленька? Пойдем туда!

– Вот лето настанет, видно будет...

Бабушка старательно месила тесто: ноздреватое, тягучее, оно поскрипывало и пищало под уминавшими его бабушкиными руками.

– Запарилась, – выпрямившись, она весело смотрела на примолкших, было, собеседников. – Проголодались, поди. Сейчас самовар поставлю.

– Емельян Пугачев у нас бывал, правил суд да расправу над помещиками, – деду приятно было говорить об истории родного города. – Всесоюзный староста Калинин в восемнадцатом приезжал, речь держал перед народом.

– Ты видел его? – задохнулся от изумления внук.

– Как тебя сейчас, слазь-ка, – деду не терпелось перекурить.

– Откуда ты все знаешь, дед?

– Историю своего края надо изучать, – поучал внука дед, усаживаясь перед отдушиной и закуривая. – Любить свою землю надо, а не знаешь истории, так и не сможешь. Неоткуда любви-то будет взяться. Вот и едут из дома, кто куда... – в его голосе застарелая обида.

– Запомнятовала, было, – спохватилась бабушка, выпрямляясь над самоваром. – Кварту-то соседскую заселили. Спускаюсь с горы, а военный с женой и мальчонка чемоданы тащут. Вот тебе и друг новый.

Но Ванька уже не слышал, он лихорадочно одевался, забыв про чай.

Дверь в соседскую квартиру была закрыта, во дворе никого. Ванька разочарованно потоптался в ожидании и побежал в сад.

Снег вокруг яблонь почернел от кострища, и Ванька несказанно обрадовался, увидев обмотанный мешковиной ствол дикарки. Он поднял обгоревшую палку и осторожно постучал по стволу: с веток посыпался снег прямо ему за шиворот.

– Вот видишь, дед не забыл про тебя, – удовлетворенно улыбнулся он яблоне, поеживаясь, и вздохнул:

– Я не нарочно проспал, не сердись, ладно?

Не дождавшись ответа, посмотрел в окна на втором этаже. Вспомнив, что сказала бабушка, опрометью помчался во двор...

С крыльца спускалась необыкновенно полная женщина в шубе. Кинув презрительный взгляд на появившегося Ваньку, она гордо проплыла к калитке, где у груды вещей стоял паренек, поглядывая в его сторону.

Разинув рот от удивления, Ванька камнем торчал у крыльца, глядя, как большого роста военный в шинели с золотыми погонами подхватил два огромных чемодана и, покраснев от натуги, поволок мимо него в дверь, едва не сбив с ног при этом.

Приняв воинственную позу и размахивая палкой, Ванька по-хозяйски промчался в калитку и остановился неподалеку возле забора.

– Фу, какой оборванец, – снова окинула его презрительным взглядом огромная женщина, – еще хулиганит тут.

Паренек насмешливо запрыскал под нос, топчась около чемоданов, которые он явно охранял, глядя на Ваньку также презрительно.

Оскорбленный холодным приемом Ванька воинственно заорал на весь переулок и снова прогалопировал мимо них к дому.

– С этим хулиганом, Васенька, не дружи, – мать с сыном дождались отца и, нагрузившись вещами, исчезли за дверью своей квартиры.

Из переулочка в калитку вбежала большая лохматая дворняга, радостно виляя хвостом. Ванька подбежал к забору и нарвал с репейника колючек.

– Эй, Дружок, ко мне!

Он быстро утыкал репьями густую шерсть, вымещая на собаке обиду.

Дворняга вырвалась и, скуля, побежала по переулочку, стараясь стряхнуть намертво приставшие колючки.

– Ванек, айда с нами! – обернувшись, он увидел знакомых мальчишек и бросился в сени за лыжами...

Длинный на длинных лыжах поправлял скачок, старательно прокатываясь по лыжне.

– Почему гора Грацилевой зовется, знаешь? – спросил парнишка в кацавейке у подбежавшего к ним Ваньки.

– Потому что до революции здесь хозяином был помещик Грацилев, – удивил Ванька мальчишек своей эрудицией и надел лыжи.

– Откуда знаешь? – недоверчиво смотрел на него парнишка.

– Дед рассказывал. Помещика прогнали, а название так и осталось.

– Симак, – окликнул парнишку длинный, – маханешь сверху?

Все трое задрали головы и опасливо изучали вершину.

– Ванек пусть первым, – отозвался, наконец, Симак, – он все знает.

Ванька оглянулся и увидел около дома своего недруга, завистливо поглядывающего в их сторону.

– Чего zenки вылупил, иди сюда! – закричал Симак. – Это кто такой?

– Сосед, вместо Витьки, – нехотя отозвался Ванька и вздохнул. – Противный такой, – и неожиданно для себя стал взбираться на гору...

Запахавшись, он развернулся и глянул сверху: далеко внизу мальчишки казались совсем крошечными. Перед ним во всей красе раскинулось Подгорье, даже их двухэтажный дом казался отсюда маленьким.

У Ваньки перехватило дыхание, и закружилась голова. Он почувствовал непреодолимый страх, всю невозможность съехать с такой крутизны. Убиться можно, до смерти.

– Махай, не бойся! – донеслись снизу насмешливые мальчишьи крики.

Ванька растерялся. Он уже собрался, было, слезать обратно и претерпеть там весь стыд и позор, так страшно показалось ему наверху, как вдруг разглядел около скачка своего нового соседа и решился.

Пропасть надвинулась и поглотила его, лыжи рванулись из-под ног и Ванька стремительно понесся вниз. Ветер свистел в ушах, неровная лыжня того и гляди сшибет с ног, но он каким-то чудом домчался до скачка и взмыл в воздух под восторженные вопли приятелей.

Пролетев несколько метров, брякнулся лыжами на укатанный склон, и уже упавшего его протащило еще порядочно юзом и швырнуло в сугроб.

Ошеломленный бешеной скоростью и в то же время обрадованный тем, что уцелел и жив, Ванька выбрался из сугроба, отряхиваясь от снега и подбирая слетевшие лыжи.

Только теперь он услышал хохот, крики и увидел в своих руках сломанную пополам лыжу. Сдерживая слезы, побрел домой.

Мальчишки замолчали, провожая его сочувственными взглядами.

– Деду отдай, он залатает, – поддержал приятеля Симак. – Лихо ты промчался, молоток. Я не верил, гад буду.

– Вот тебе и Ванек, – осудил его длинный, – сам ты Ванек.

– Да я сейчас, вы чо! – торопливо надев лыжи, Симак полез вверх, желая как можно быстрее реабилитироваться. Новый сосед с восхищением и завистью смотрел на Ваньку, как на героя.

Заметив это, тот вспомнил свой геройский поступок и важно зашагал к дому, где его уже жаждали дед с бабушкой...

– Давай, мать, что в печи – на стол мечи! – отдав приказ, дед поправил лихой чуб и, многозначительно оглядев гостей, наполнил рюмки московской.

– Чем богаты – тем и рады, – бабушка ставит на стол пироги.

– Войну каку сломали, – оглаживая рукой бороду, вступает в разговор молодцеватого вида старик в полувоенной форме, – а ведь живем, пироги жуем. Хотя, признаться, раньше лучше жили, как думаешь, Иван Яковлич? Обидно. Вот так взять и перевернуть все в душе.

– Политики приходят и уходят, Матвеич, а Россия-матушка у нас одна, – посуровел лицом дед. – Давай выпьем за нее, молча...

Крякнув, потянулись вилками к соленым грибкам.

– Ох уж эти мужчины, – засмеялась дородная супруга Матвеича со следами былой красоты на лице, – им бы все про политику да дела. Споемте или спляшем, Евдокия Лексевна? – подмигнула она бабушке.

– Начинайте, – раззадорился дед, вытаскивая кисет. – Ванюшка! – окликнул он внука, гоняющего по полу паровозик, – иди, глянь. Представление будет.

Ванька выбежал из кухни и запрыгал в предвкушении зрелища.

– Вылитый дед, – засмеялся Матвеич, разглядывая самодельный деревянный пистолет у Ваньки за поясом, – такой же вояка растет.

Бабушка плавно выступила на середину комнаты и, взмахнув платочком, стала ловко отбивать каблучками приплясы. Задорно напевая:

– Ох, дед, ты мой дед,
А я твоя бабка,

*Корми меня калачами,
Чтоб я была гладка.*

– Ну-ка, Настенька, не ударь лицом в грязь! – вскидывается Матвейч, и Настенька бурно устремляется в пляс. Озорно подхватывая:

*– Ой, дед бабу
Завернул в тряпку,
Поливал ее водой,
Чтобы стала молодой. Ух, ты...*

И вот уже звенят, подпрыгивают рюмки и тарелки на столе, веселятся дед с Матвейчем, прочно восседая на стульях и прикладываясь к рюмкам.

И Ванька тоже резво подпрыгивает, глядя блестящими глазами на пляшущих взрослых. Усмехнувшись, дед выходит на кухню и возвращается со скамеечкой.

– Отдохните пока, у нас свой концерт, – утихомиривает он женщин. – Мы тоже не лыком шиты, – поставив скамеечку посреди комнаты, дед подмигивает внуку:

– Давай-ка, тезка, исполни нашу.

Ваньку уговаривать не надо. Он вскакивает на скамеечку и, подтянув штаны, бойко тараторит, подтверждая слова действием:

*– Как по улице Варваринской
Пробежал мужик комаринский,
Он бежал-бежал, попердывал,
За свое мудо подергивал!..*

Потрясывая ширинкой, Ванька прыгает и хохочет громче всех; он переполнен весельем, еще бы, такой успех у взрослых!

– Выступал Народный артист СССР Иван Маресьев! – награждает он сам себя почетным званием и, поклонившись, спрыгивает со скамеечки.

– Вот так артист! Ну и пострел, угодил... – смеется дед, утирая ладонью проступившие на глазах слезы. Редко можно увидеть деда таким веселым, потому бабушке с внуком вдвойне весело и радостно.

– Чему научил, сраму-то, – больше для порядка смущается бабушка.

– Из песни слов не выкинешь, – одобрил Матвейч.

– Что грешно, то и смешно, – улыбается Настенька, одаривая Ваньку конфеткой, – ублажил стариков.

Ванька схватил гостинец и мигом очутился у деда на коленях; оглядев стол, схватился за рюмку с водкой, дед перехватил и поставил обратно, тогда Ванька потянулся за самокруткой:

– Дед, дай курнуть.

– Не балуй. Вот усы вырастут, тогда другое дело, – дед ссадил чересчур расшалившегося внука с колен, и в это время за окнами замаячили мальчишки: «Ванька, выходи на улицу!».

– Пусть гуляет, – разрешил дед, и Ванька побежал одеваться...

Глава вторая

Иван Николаевич с внуком в Алатырской Крестовоздвиженской церкви, среди прихожан. Идет служба, и Ванька с любопытством озирается, слушает, впервые оказавшись в храме, с

удивлением смотрит на серьезное торжественное лицо деда. Со стен на Ваньку строго взирают сумрачные лики святых, и ему становится не по себе.

Он наблюдает, как дед ставит свечку под образа, крестится, шепчет...

Иван Николаевич вспомнил про внука и, наклонившись к нему, сказал:

– Ты у нас тоже крещеный, Ваня. Перекрестись, как я учил тебя.

Внук не стал возражать и перекрестился, поклонившись образу Христа. На душе у него сразу стало легко и радостно, лицо просветлело.

Иван Николаевич удовлетворенно смотрел на своего смиренного внука, стоящего рядом, и вспомнил вдруг, как когда-то давным-давно он вот так же стоял рядом со своей бабушкой в этой же церкви...

«Бабушка истово молилась перед иконой Божьей Матери, громко шепча молитвы, а Ванька чувствовал себя как дома в церкви, поскольку бабушка часто брала его с собой, невзирая на недовольство деда.

Поставив свечку под образа, она повела внука к алтарю для причастия.

Ванька стоял в очереди среди старушек и с любопытством рассматривал, как священник причащает подходивших к нему прихожан.

Настала их очередь с бабушкой. Вот она вкусила из рук священника часть плоти и крови сына божьего и подтолкнула вперед себя внука.

Проглотив ложку причастия, Ванька с удивлением почувствовал, что это тот самый кагор, который он пил на празднике еще в родительском доме, но тогда он стал пьяным, и ему было плохо после, а сейчас так вкусно, что он не выдержал и громко сказал бабушке:

– Бабуль, скажи батюшке, чтобы он дал мне еще одну ложку причастия.

– Тихо, ты што это надумал, негодник, – заругалась на него бабушка, смущенно оглядываясь по сторонам, но священник лишь улыбнулся и одобрительно погладил Ваньку по голове, вручив ему еще одну просвиру в награду за смелость.

Не получив желаемого, разочарованный Ванька выбирался вслед за своей бабушкой из толпы, держась одной рукой за бабушкину руку, а в другой крепко сжимая просвиру...

Под перезвон колоколов Иван Николаевич с внуком выходят из церкви, идут по улице, и вдруг Ванька увидел синицу на кустах возле забора:

– Дед, смотри, синичка!

– Верно, Ванюха, она самая, – Иван Николаевич с внуком смотрят, как синица вспорхнула с ветки и приземлилась почти рядом с ними.

Иван Николаевич присаживается на корточки, шепчет:

– Ах ты, пичужка, родная моя синичка-сестричка...

Откинув головку набок, синица настороженно поглядела на него и, едва он шевельнулся, снова перелетела на куст, к своей стайке. Что может быть прекраснее стайки синиц? Может быть, стайка снегирей, хотя, вряд ли.

Почвикав и повертев головками, синицы улетели...

Весенние радости

Прилипнув носом к стеклу, Ванька заворочено следил, как за окном у завалинки прыгала синичка: откинув головку набок, она настороженно поглядела на него и, едва он шевельнулся, улетела.

– Дед скоро с работы придет? – заныл Ванька с досады.

Только бабушка успела посмотреть на ходики, как громко стукнула сенная дверь и, громяхая сапожищами, на пороге появился дед.

– Примерь, – и он поставил возле внука новые кирзовые сапоги.

Глядя, как внук восторженно натягивает сапоги и нарочно громко топает, подражая ему, дед посмеивается, усаживаясь перекурить.

– Опять табачище достал, – недовольно ворчит бабушка. Дед не обращает внимания на это и, подняв палец, заставляет всех прислушаться:

– Глянь на улицу, мать, послушай.

Бабушка подходит к окну и, вслушиваясь, мелко крестится:

– Неужто лед тронулся? Слава те хосподи, дожили. Пост великий прошел, пасха на носу.

– Теперь веселее будет, – трескуче кашляет дед, окутанный клубами дыма. Пошарив по карманам, протягивает бабушке пачку купюр.

– Никак облигации, – удивилась она, – опять вместо зарплаты?

– Половина деньгами, – успокоил дед.

– На кой черт такая работа нужна, прости хосподи. Проживем и так.

– На нашу-то пенсию, да и не могу я без работы.

– Облигации на деньги поменять можно, – успокоил их всезнающий внук, форся по кухне в новых сапогах. – На улицупустишь, бабать?

– Обменяют лет через двадцать, – скептически хмыкнул дед, – когда нас не будет. Вот ты, Ванюшка, и получишь. Пригодятся.

– Чево попусту лясы точить, – смирилась бабушка, – за стол садитесь, обедать пора...

В сенях под верстаком жалобно хрюкал подросший поросенок.

– Замерз, Борьк? – Ванька присел у закутка на корточки.

– Есть просит, растет, – бабушка поставила перед поросенком полную миску помоев, и Борька стал уминать их: аппетит его был так велик, что он забрался копытцами в миску и опрокинул ее, визжа от нетерпения.

Ванька вскочил, отряхиваясь от брызг и спотыкаясь о прошмыгнувшую между ног кошку, которая, задрав хвост, помчалась по своим делам в сад.

– Поросенок ты, Борька, больше никто! Из-за тебя чуть Мурку нашу не раздавил, – раздосадованный Ванька вышел из сеней во двор, прислушиваясь, как бабушка чехвостит неугомонного поросенка.

– Допрыгался, скотина безрогая, бес, – ворчала она, наводя в закутке порядок и шлепая жалобно визжавшего поросенка по бокам...

Оглядев пустынный двор, Ванька направился в сад, плюхая сапогами по мокрому снегу и с удовольствием проваливаясь в него по колено.

– Теперь не замерзнешь, – он ободряюще похлопал рукой по влажному стволу дикарки и, ежась от попавших за шиворот холодных капель, глянул в окна на втором этаже: между нарядных занавесок мелькнула, как ему показалось, голова соседа, и Ванька отвернулся. Пошлепал обратно во двор.

Затем он воображает себя в машине. Выруливает к калитке. Выскакивает в переулок. Где нос к носу сталкивается с соседом.

Оба замерли от неожиданности, настороженно глядя друг на друга.

– Я знаю, тебя Ванькой зовут, – засмеялся сосед, – а меня Вася. Приходи к нам, научу солдатиков из пластилина лепить.

Ванька молчит, подавленный потоком хлынувшего на него красноречия. Сосредоточенно подставив сапог, перегораживает путь ручью: вода скапливается у сапога и, обтекая его, торопливо бурлит дальше.

– Мать твою не заругается? – в Ванькином голосе сквозит недоверие.

– Я ей говорил, что хочу позвать тебя в гости, она разрешила.

– А я тебе сад покажу, – смягчился Ванька. – Ты кем будешь, когда вырастешь взрослым?

– Ученым или астрономом, – засмущался Вася, тоже перегораживая путь ручью своим блестящим резиновым сапогом.

– А я трактористом, – Ванька оглянулся и, понизив голос, чтобы никто не услышал, доверительно сообщил:

– На целину уеду. Давай вместе махнем хоть завтра.

– Туда маленьких не берут, – рассмеялся над его тайной Вася.

– Я все равно подвиг совершу! – осерчал на насмешника Ванька.

– Война давно кончилась, какие сейчас подвиги? Учиться надо. Но Ваньке хотелось отличаться перед соседом, показать себя во всем блеске. Он увидел палку у забора и обрадовался:

– Посражаемся саблями! Что, слабо?

– У тебя есть сабли? – удивился Вася.

Ванька хватает палку и начинает неистово размахивать ею перед носом опешившего Васи:

– Защищайся! – кричит он в полном восторге.

Вася находит палку, и мальчишки яростно сражаются, как вдруг Ванькина «сабля» с треском ломается пополам, и возбужденный непривычной для него игрой Вася оглашает переулочный радостным воплем:

– Ура, я победил врага!

Сопя от досады и неловкости перед соседом, Ванька отыскивает еще более здоровенную палку, чем прежде, но тут Вася не выдерживает напряжения поединка и капитулирует, бросая свою саблю в лужу.

– Мои родители в Чебоксарах работают, начальниками! – возобновляет словесный поединок Ванька, терзая калитку взад-вперед. – Осенью к ним обратно уеду, в школу там пойду, – но Васе явно неинтересна эта информация, и тогда Ванька выпаливает свой главный козырь:

– Мой папа танкистом на войне был, он сержант. Медаль «За отвагу» имеет. Ясно тебе?

– Подумаешь, – горделиво усмехнулся Вася, – мой папа полковник, и орденов с медалями у него целый иконостас!

Ванька озадаченно замер, было, но снова засиял:

– А мой дед революционер, он против буржуев с Колчаком сражался и кулаков раскулачивал. Они его за это поймали и с колокольни сбросили, поэтому у деда спина болит.

Оба замолчали, исчерпав весомые аргументы для продолжения поединка, и сердито глядя друг на друга.

– А ты знаешь, сколько на ракете до Марса лететь или до Луны? – настырничал Вася, не желая сдаваться, и торжествующе смотрел на растерявшегося Ваньку:

– Год до Марса и месяц до Луны! Понятно?

– Да пошел ты, – спасовал, на сей раз, Ванька и побежал домой. – Тоже мне, ученый нашелся, гастроном...

Ванька, нахохлившись, сидел на диване в передней и скучал.

– Воображала, – адресуя это определение взглядом в потолок, он прислушался: в сенях стучал молотком дед, недовольно хрюкал поросенок, и Ванька от нечего делать включил радио:

«В горком партии поступило еще сто заявлений от рабочих с просьбой послать их на работу в колхозы республики...», – вещал репродуктор, заинтересовав бабушку, выглянувшую из кухни.

«Повысился жизненный уровень трудящихся. Товарооборот за последние пять лет увеличился вдвое...», – голос диктора зазвенел от гордости, а бабушка заторопилась к иконам, чиркая спичками:

– Запомнявала, прости хосподи, – колеблющийся огонек лампадки осветил сумрачные лики святых в красном углу.

«Отвечая на призыв партии, многие наши земляки выехали на освоение целинных и залежных земель Казахстана и Сибири. Их доблестный труд помог стране...», – ахнув дверью так, что зазвенела посуда на полках, вошел радостный возбужденный дед.

– Мать, Борьку в сарай пора переводить, работать мешает. А у меня заказ срочный: рамы оконные, двери. Проживем, едрена корень.

«Вьется дорога длинная, здравствуй, земля целинная, здравствуй, простор широкий, весну и молодость встречай свою!..», – оглушительно громко запел репродуктор, регулируемый чуткой Ванькиной рукой.

– А ну, выключи немедленно! – взбеленилась бабушка, – не видишь, лампада горит? Праздник божий, а он радио слушать уселся.

– Вот уеду от вас на целину, будете знать, – обиженно прогундосил Ванька в наступившей тишине и, сделав рожу, показал иконам язык в отместку. Хотя ему и страшно стало от такой смелости.

– И так день-деньской по хозяйству мотаешься, – жаловалась бабушка деду, – а тут еще это радио: наговорят с три короба, а придешь в магазин, хоть шаром покати – одна водка.

– В ней самые витамины и есть, – хохотнул дед, покуривая у печи.

– Кому што, – вздохнула укоризненно бабушка, – к пасхе готовиться надо. Она выглянула в окно и прислушалась:

– Лед-то никак опять встал.

– Завтра тронется, – уверил ее дед, закашлявшись, – спиной чую, разболелась, проклятая.

– Раньше, бывало, рано на пасху вставали, – бабушке приятно вспоминать прошлое. – Христосоваться по домам бегали, дружно жили, а теперь? Вон соседи-то новые уж больно горды, даже не здоровкаются. Идут себе и мимо глядят, не замечают.

– Гусь свинье не товарищ.

– Дед, расскажи про разинские пещеры, – Ванька уже рядом с дедом, – или про войну, ну расскажи.

– Ты же на целину собрался, – усмехается дед, – аль раздумал уже? Помнишь, мать, как бомбили нас фрицы, когда десант у военного завода сбросили? Намял им тогда бока наш НКВД...

– Завтра на базар с утра идти, полы помыть надо, стряпаться, работы у тебя полно. Дел невпроворот, а он, как маненький, никак не угомонится, – сокрушалась о своем бабушка.

– Бабаня, не мешай нам. Рассказывай, дедуля!

– Сбросили парашютистов у реки в поле, враз около пещер тех разинских, а оттуда до завода рукой подать... – Ванька с восторгом слушал деда, который, сам того не замечая, увлекся воспоминаниями.

Мальчишки торопливо сбегают по крутому узкому переулку к реке и едва успевают проскочить через узкоколейку: оглашая подгорье звонким тенорком, тащит груженный лесом состав крикливый паровоз-кукушка.

Погромыхивают на стыках рельс платформы, дзинькают стекла в окнах домов, испуганно и злобно надрываются в подворотнях собаки.

Но вот состав исчезает за поворотом, и в наступившей тишине слышен глухой шум: по разбухшей реке сплошной лавиной идет лед. Мелкие льдины, шурша и сталкиваясь, суетятся у самого берега, большие проплывают мимо, оставляя за собой радующие глаз водные прогалыны...

– Смотри, умора! – Вася восторженно хохочет, глядя на мечущуюся на льдине собаку. Увидев мальчишек, пес хрипло залаял, прося помощи.

– Дурак, это же наш Дружок, спасать надо! – Ванька подбегает к самой воде и хватается за мокрую тесину, прибившуюся к берегу:

– Помогай, давай мостик сделаем, – кричит он, и мальчишки с усилием подтаскивают тесину к воде, пытаясь перекинуть на льдину. Тяжелая длинная доска вырывается из рук, и Ванька проваливается по колено в ледяную купель.

– Утонешь! – испугался Вася, но Ванька упрямо борется с доской и, наконец, она нехотя утыкается в медленно плывущую льдину.

– Подымай! – орет он на приятеля, и вдвоем мальчишки закидывают конец доски на льдину.

– Дружок, беги сюда к нам! – кричат они в один голос, и собака в мгновение ока оказывается на берегу, громким лаем выражая благодарность.

Хлюпая промокшими сапогами, мальчишки понеслись домой...

Ванька с трудом стащил разбухшие сапоги и, оставляя на полу мокрые следы, протопал в переднюю. Он был доволен собой, все ему нипочем. Что бы сделать такое особенное? Он посмотрел на следы, и его осенило.

Бросившись на кухню, схватил ведро с водой и, не найдя тряпки, стащил с гвоздя старую бабушкину шаль. Окунув ее в ведро, слегка отжал, и принялся мыть пол в передней. Радостно улыбаясь:

– Вот бабаны удивятся, скажет: «Умница ты моя разумница», – бормотал он и яростно возил шалью по полу...

Уткнувшись носом в свисающую со стола скатерть, замер:

– А что, если? – в его голове родилась новая блестящая мысль... Пыхтя от усердия, Ванька старательно вырезал ножницами уголки по краям скатерти, смутно припоминая, что нечто подобное он уже делал когда-то в столице у родителей. Как красиво! Хлопнула сенная дверь, Ванька вскочил и, бросив ножницы, снова схватился за ведро...

Вошедшая бабушка ахнула, глядя на лужи:

– Это што такое? Хосподи, моя шаль! – кошелка с продуктами выпала из ее рук, и бабушка, торопливо отжав с шали воду, развернула ее, не веря своим глазам:

– Поганец ты этакий, что натворил?!

– Она же старая, – Ванька обиженно глядел на бабушку. Неужели она не понимает, как он старался? Кинув взгляд на скатерть, облегченно вздохнул: уж эту его работу она оценит по достоинству. И она оценила:

– Скатерть изрезал, – трагический шепот перешел в гневный крик:

– Да я тебя!.. – нервы у бабушки не выдержали и, схватив скалку, она ринулась на внука, охаживая, по чему попало.

Ванька вцепился в скалку, и они принялись тянуть ее в разные стороны, топчась по лужам и не замечая вошедшего деда.

– Никак воюете? – хмыкнул дед, удивленно осматриваясь вокруг.

– Набедокурил как, антихрист окаянный! – чуть не плакала бабушка, разводя руками, скалка загромыкала по полу и укатилась под стол.

– Ты только глянь, – она схватила скатерть и затрясла перед дедом. Тот озадаченно почесал затылок, разглядывая внушительные прорехи:

– Ну и дела! Потрудился ты, внук, на славу.

– Я ему потружусь, – снова накинулась на внука бабушка, но Ванька был уже у деда за спиной и оттуда оскорбленно выкрикивал:

– Ничего ты не понимаешь, бабаны. Я же пол мыл, как лучше хотел.

– Платок спортил, скатерть изнахратил, – сокрушалась бабушка.

– Хосподи! За што такие напасти, за какие грехи? – взывала она к образам в красном углу.

Ванька бросился на кухню и забился там под стол у самой стены. Это было его любимое место для обид и переживаний дома. И дед с бабушкой знали, что сидеть под столом он будет

долго. А потому принялись каждый за свое дело: бабушка стала наводить порядок в комнатах, а дед пошел в сени к верстаку. Оставшаяся в одиночестве Мурка попила воды из блюдца и, позыркав на притихшего под столом Ваньку, ушла спать в подпечье.

Привычный уклад жизни был нарушен приходом неожиданной гостьи: звякнула щеколда, и в сени вошла высокая старуха деревенского вида вся в черном. За спиной на веревке она держала связку корзин разных размеров.

– Бог в помощь, братушка, – поздоровалась она с дедом и прошла в дом. Дед молча кивнул родственнице, не особо обрадовавшись ее приходу, и продолжил строгать длинный брусок с еще большим рвением.

– Нюра пришла, проходи, раздевайся, – обрадовалась приходу старухи бабушка и поспешила навстречу. Старуха сгрузила корзинки в угол, повесила черный пиджак на гвоздь, сняла с себя черную шаль и оказалась черноволосой с темным лицом моложавой еще женщиной.

Перекрестившись на иконы, она скупно улыбнулась и погладила по голове появившегося из-под стола Ваньку. От нее исходила какая-то необыкновенная теплота и душевность, располагавшая к себе окружающих.

Порывшись в сумке, она извлекла из нее большой пряник и сунула Ваньке: – Кушай детка, кушай.

С пряником в руке Ванька подбежал к корзинкам и стал с интересом разглядывать их, хватая за ручки и ставя в ряд. В одной из корзинок он обнаружил лапти, удивлению его не было границ.

– Нравятся лапоточки-то? Хошь и тебе сплету, детка? – радовалась его интересу баба Нюра, протягивая ему еще и конфету, – накось гостинец.

Ванька схватил конфету и убежал в сад, забыв про спасибо.

– Все никак к нам не привыкнет, по родителям скучает, – сообщила бабушка, проводив взглядом пробежавшего мимо окон внука. Отряхиваясь на ходу от стружек, вошел дед, и бабушка захлопотала по хозяйству:

– Чай будем пить, ты присаживайся, Нюра, в ногах правды нет. Расскажи нам, как там в Являях-то жизнь протекает? Как родственники, как Митрий, брат? Редко видимся, чать не чужие, скучаем по своим.

– И то правда, хотя пешком-то далеко до вас будет, ноги так и гудят, – расположилась возле стола Нюра, поглядывая на хозяев, – с базара иду, плохо корзинки берут, а про лапти и говорить нечего. Кому они нужны в городе?

Пожаловалась она на свое жите-бытье для порядка и продолжила:

– Живем пока. Чай, знаете, какой он, Митя. Все такой же большой, говорливый, непоседа: шагат, тока бела бородища развеватца по ветру. Прямо, вылитый бог Саваоф. Привет, грит, от меня Ване с Дуней передай. Помню ее, сестрицу-душеньку, и люблю по-прежнему.

Разливая чай по чашкам, бабушка умиротворенно внимала новостям, кивая головой, и даже дед заинтересованно прислушивался к беседе, поглядывая на родственницу потеплевшим взглядом...

Присев на корточки, и прислонившись спиной к яблоне, Ванька огляделся: снег осел, кое-где уже показалась земля с прошлогодней жухлой травой, яблони и вишни стояли, словно живые, помолодевшие. Сад пробуждался от зимней спячки: чирикали воробьи, громко каркали вороны.

Ванька посмотрел на окна своей квартиры и нахмурился:

– Как снег растает, и уеду отсюда! – окончательно решил он и тут же замечтался...

Вот он в своем матросском костюме, с двумя огромными чемоданами в руках, точь-в-точь как у Васькиных родителей, поднимается по переулку, не обращая внимания на слезные просьбы деда с бабушкой остаться и не покидать их, больных.

Все глуше сзади их горькие стенания, и вот он на вокзале.

Привстав на цыпочки, покупает в кассе билет, игнорируя взрослых, обступивших необыкновенного пассажира.

– Какие у мальчика чемоданы, наверное, он спортсмен, – изумляются все вокруг. Один здоровый дядя попытался поднять их – никак.

Ванька легко подхватывает чемоданы и спешит на перрон к поезду.

... Довольно улыбаясь, Ванька вскакивает и, вцепившись в одну из нижних ветвей, подтягивается на руках. Ветка ломается, и он падает наземь. Что он наделал? Ведь он сломал ветку дикарки!

Огорченный, попытался, было, приладить ее на старое место, но тщетно. Тогда он погладил яблоню: «Я нечаянно, тебе больно?».

Яблоня молчала и, виновато вздохнув, Ванька побрел к дому...

В переулке Вася сооружал запруду, и он бросился помогать ему: сложенная из земли и камней плотина перегородила путь ручью, но вода быстро прорывает укрепления и бурлит дальше, как ни в чем не бывало.

Мальчишки бросаются к месту аварии и ликвидируют прорыв, но не надолго. Васе надоело возиться с запрудой:

– Пойдем к нам, поиграем?

– Потом как-нибудь, – Ваньке некогда, он усердно заделывает новую брешь, не желая сдаваться перед стихией.

– Эй, пацанва! – из соседнего проулка, ведущего в Сандулеи, к ним спешит Симак с самодельным пароходиком в руках. – Видали? Братан сделал, самолично!

Он гордо оглядел восхищенных приятелей и торжественно опустил пароходик в ручей: тот словно сорвался с цепи и помчался вниз по переулку к реке, мальчишки с восторженными воплями ринулись следом, надеясь, что он доберется до широко разлившейся Суры и пустится в далекое опасное плавание между льдин по большой воде...

Ванька не любил умываться по утрам: осторожно смочив холодной водой из умывальника лицо, стал рьяно утираться полотенцем.

– Правильно, внук. Нечего зря умываться, а то кожу с лица сотрешь, – подшучивал над ним дед, трескуче кашляя после очередной затяжки и поглядывая на недовольную с утра бабушку.

– Ну, чему внука учишь? Умываться надо, как следует, по утрам и вечерам, – бабушка снова подвела Ваньку к умывальнику и умыла его с мылом, невзирая на сопротивление.

– Так все равно в баню пойдем, зачем воду зря переводить? – резонно возразил дед. Он достал специальный банный чемоданчик, и бабушка уложила в него чистое белье, полотенца, мочалки и мыло.

– Чайку сначала попейте, – она с любовью смотрела на своих мужчин, торопливо завтракающих блинцами с чайком, затем проследила, чтобы они ничего не забыли, и проводила их до порога: путь в баню был не близок.

И вот внук с дедом идут по центральной улице города. Ванька старается не отставать от широко шагающего деда, успевая при этом посмотреть по сторонам и вести с ним взрослый разговор:

– Дед, я больше в баню с бабушкой не пойду.

– А што так? – посмеивается дед.

– Ну, их, – передернуло Ваньку, – там одни толстые тетеньки да малыши. Мы с тобой ходить будем, ладно? Я ведь уже взрослый пацан, надо мной и так смеются.

– Ладно, договорились, – поддерживает разговор дедушка. – Больше не будут смеяться. А если што, бей по зубам первым, не раздумывай. Тогда уж точно им не до смеха будет.

– Скоро мы придем? – уважительно посмотрел Ванька снизу вверх на грозного деда.

– А вон, видишь трубу над зданием? Это и есть баня, пошли быстрее, не отставай, – и дед с внуком прибавили шаг...

Ванька стоял рядом с дедом и смотрел, как вода шпарит из кранов, быстро наполняя шайки. Вот дед подхватил свою шайку и ошпарил кипятком лавку в целях дезинфекции, после чего Ванька сел и огляделся: вокруг мылись взрослые мужики, ребята и даже пацаны вроде него.

Дед притащил две шайки с водой, и они принялись за дело: сначала дед намылил внуку голову мылом и потер ему спину мочалкой, затем окатил его водой с головы до ног. Пока внук приходил в себя, он тоже вымыл голову и, поглядев на разомлевшего Ваньку, приказал:

– Ну-ка, внучок, потри мне спину как следует.

Ванька рьяно тер мочалкой дедову большую спину, пока не уморился.

Дед встал и опрокинул на себя шайку воды.

Потом они пошли в парилку: впереди дед с шайкой и березовым веником под мышкой, за ним шлепал внук.

Ванька с опаской шагнул вслед за дедом в белесое жаркое марево и задохнулся с непривычки, глотая огненный воздух широко открытым ртом, но убежать постеснялся – стыдно перед дедом. Он присел на корточки и разглядел сидящих на лавках мужиков. А вот и его дед, на самом верху.

– Што, дядя Ваня, внука привел? – поинтересовался у деда знакомый ему мужик и, взяв Ваньку за руку, помог пристроиться на нижней лавке.

– Пусть обвыкает, дело полезное для здоровья, – дед привычно охаживал себя веником, удобно расположившись на верхней лавке под самым потолком.

Ванька попробовал, было, сунуться к нему поближе, но тут же снова скатился вниз, отдуваясь: наверху находиться для него было невыносимо.

Под смех развеселившихся парильщиков он ретировался из парилки в зал, который показался ему просторным и прохладным.

Сидя на лавке, он дождался деда, и они наконец-то подались в предбанник, где было уже почти холодно. Ванька облегченно вздохнул, вытираясь полотенцем и лениво облачаясь в одежды...

Возле стойки буфета дед тянул пиво из большой кружки, а Ванька пил лимонад из стакана, он был таким вкусным и прохладным, что на душе у него стало легко и покойно. Как хорошо ходить с дедом в баню, не то, что с бабушкой. Он с благодарностью посмотрел на своего дедушку и спросил:

– Дед, а когда мы еще пойдем с тобой в баню?

– Што, понравилось? Да, мужики моются обстоятельно, с паром, а в женском отделении одна суeta, верно, внук?

Ванька утвердительно кивнул головой, смакуя остатки лимонада в стакане и поглядывая с любопытством по сторонам...

Ощетинившаяся пушками крепость отражает штурм неприятеля: приставляя к стенам лестницы из прутьев, солдаты упорно лезут вверх, падают, рассекаемые на части иголками,

стреляют пушки дымными головками спичек, идет настоящая война. Грохот сражения достигает своего апогея, и тут к мальчишкам входит взволнованная Васькина мать.

– Уж не деретесь ли? – она подозрительно оглядывает Ваньку.

– Не видишь разве, в пластилин играем, – досадует сын, приостанавливая бой и дожидаясь, когда она удалится...

– Вы к пасхе готовитесь? – Ванька удовлетворен игрой, еще бы: разгромлена такая крепость, везде лежат штабеля убитых.

– Пасха – религиозный праздник, – с любопытством смотрит на него удивленный Вася. – Вот первого мая на демонстрацию пойдем.

– Пасха – народный праздник, – упрямо возражает Ванька. – Дед разрешил яйца красить и кулич печь, а ведь он революционер.

– Хочешь в телескоп посмотреть? – меняет тему тактичный Вася, ловко налаживая прибор. Ванька приткнулся к окуляру, но ничего не увидел и разочаровался в астрономии окончательно.

– Пойдешь завтра со мной? – неожиданно спросил он, сделав таинственное лицо и оглядываясь на дверь, за которой слышались тяжелые шаги недовольной Васькиной мамы.

– Куда это? – удивился заинтригованный Вася.

– Потом скажу. Я рано постучусь, не проспай. Ну, мне домой пора.

– Подожди, мама чаем нас угостит.

– У нас, чай, свой самовар имеется, – с достоинством ответил Ванька, направляясь к выходу. – До вас тут Витька жил, – вздохнул он, оглядывая квартиру. – Настоящий друг был, в Москве сейчас живет.

Оскорбленный в своих чувствах новый друг захлопнул за ним дверь, а Ваньке расхотелось домой, и он подошел к остаткам размытой запруды.

По переулку смело бежали веселые девочки-старшеклассницы:

– Какой хороший мальчик, – засмеялась одна из них и погладила его по голове. Ваньке это очень не понравилось. Он увернулся из-под руки и, сердито взглянув снизу вверх на хохотушку, забежал во двор.

– Это наш новый сосед, – пояснила смуглая черноокая красавица, остановившись у дома напротив. Она ласково улыбнулась Ваньке, но тот уже был на крыльце и с его высоты гордо и презрительно смотрел на них сверху вниз: глупые девчонки, считают его маленьким, когда он большой.

Старшеклассницы рассмеялись, и он отвернулся, сохраняя свое мужское достоинство...

Подождав, пока они не разошлись по домам, Ванька снова выскочил в переулок и увидел, как вниз осторожно спускалась старуха грозного вида, ведя на поводу двух шустрых пацанов.

Заметив, что они нарочно захопали сапогами по грязи, она, не мудрствуя лукаво, отвесила им по мощной затрещине, и они вынуждены были снова чинно идти рядом с ней. Завидев Ваньку, пацаны с любопытством уставились на него своими нахальными глазенками.

Хмуро поглядев на Ваньку, старуха спросила басом:

– Дед с бабушкой дома?

Ванька молча кивнул, заранее опасаясь сердитой старухи: а вдруг она и ему врежет по уху на всякий случай, для профилактики.

– Ну, чево скукожились? – напустилась старуха на пацанов. – Это ваш брательник троюродный, Иван. Поиграйтесь пока во дворе с ним, а я к родне зайду. Тока гляди у меня, не удумайте безобразить.

Старуха зашла в дом, а пацаны тут же стали бить по грязи сапогами так, чтобы брызги летели на Ваньку, испытующе поглядывая на него при этом: не полезет ли он к ним драться, и уж тогда они покажут себя.

– Хотите, я вам нашего Борьку покажу? – не обратил внимания на вызов родственников Ванька и подвел их к сараю. Прикинув к щелям в двери, мальчишки с интересом стали разглядывать боровка, который отвечал им взаимностью, громко и дружелюбно хрюкая на весь двор.

– Живем, как мухи, – закричал дед, опускаясь на скамеечку. – Нынче жив, а завтра, глядишь, на мазарки отнесут. Жалко Матвеича, правильный был мужик, – дед потянулся спиной и поморщился, – болит, проклятая, ети ее в капалку. Не отпускает...

– Курить бросай, – сразу же отозвалась бабушка, старательно латающая у стола одежду. – Настя-то после похорон с лица спала, к дочери переехала в город, – она безуспешно пыталась вдеть нитку в иголку. – Не вижу без очков, кляча старая.

– Давай я вдену, – Ванька ловко вдел нитку в тонкое игольное ушко и подбежал к деду, – дед, на мазарки – это на кладбище, да?

Дедушка молча пускал дым в отдушину...

– Правильный говоришь, был, – продолжила разговор бабушка, – а кто партбилет в горкоме на стол бросил? Это счас полегше дышать стало, а тогда? Чуть не упекли, куда Макар телят не гонял, по старости отделался.

– Балаболишь, чего не знаешь, сорока, – осерчал дед. – Пенсию ему начислили курам на смех, а стаж поболее моего. Да што говорить без толку...

В наступившем молчании было слышно, как мерно тикают ходики.

– Займут квартиру-то ихнюю оглоеды какие-нибудь, тогда што?

– Ништо, где наша не пропадала...

– Дед, у меня усы выросли, потрогай! – вскинулся Ванька, удивленно пощипывая себя за верхнюю губу. – Помнишь, чего обещал?

Дед провел заскорузлым пальцем по гладкой губе внука и, усмехнувшись, протянул ему сигарку:

– На, курни, и впрямь растут.

Обрадованный Ванька жадно затянулся: слезы посыпались из глаз, он задохнулся, закашлялся и, пошатнувшись, сел рядом с дедом.

– Чему внука учишь? – рассердилась не на шутку бабушка.

– Ништо, – усмехается дед в усы, – зато опосля не будет курить. На, еще попробуй, – но Ванька не выдержал испытания и с позором ретировался.

– Ноги ноют, к непогоде, видать, – вздохнула бабушка, и в это время лампочка под потолком мигнула и погасла. В наступившей темноте было слышно, как дед чиркнул спичкой, и кухня озарилась тусклым светом неопикуемой Ванькиной радости.

Бабушка зажгла керосиновую лампу, и сразу стало гораздо светлее.

– Будем сумерничать, как прежде бывало, – она посмотрела на внука, с интересом разглядывающего лампу, и улыбнулась:

– Ванюшк, загадку вам с дедом задам, слушайте: «Стоит мост на семь верст, на мосту дуб, на дубу цвет во весь белый свет». Кто первый отгадает?

– Бабань, ты, как маленькая, – засмеялся внук, видя ее нетерпение.

– Ни в жисть не отгадаете, – не обиделась бабушка. – То великий пост и пасха. – Она поставила на стол миску, полную крашенных яиц, кулич, полюбовалась и подошла к самовару: – чайку надо вскипятить.

Дед взял косырь и стал щепать лучину из березового полена:

– Утресь в огород ходил, земля подсыхает, скоро можно будет копать. Вон, помощник какой у нас растет, – он собрал лучину и протянул Ваньке, лукаво усмехаясь:

– Отнеси-ка бабушке, Иван Николаич.

Ванька сунул бабушке в руки лучину и подбежал к двери. На косяке виднелись какие-то отметины, зарубки. Встав спиной вплотную к косяку, Ванька вытянулся весь, вытянул шею и даже привстал на носки, отмеряя рукой новую отметину над головой.

– Дед, иди смотри, насколько я вырос!

Дедушка подошел к внуку, поставил его нормально, как положено, положил ладонь ему на темя и отмерил его рост, процарапав гвоздем на косяке двери новую отметину.

– Ого, почти на сантиметр подрос. Скоро и деда перегонишь, – подбодрил он внука, радости которого не было границ.

Стараясь казаться как можно выше и больше, Ванька солидно приблизился к бабушке и стал помогать ей с самоваром.

– Завтра христосоваться с Васькой пойдем, можно, бабань?

– Отчего нельзя, сходите, обычай хороший.

Ванька смотрел на закипающий самовар, на деда с бабушкой, на керосиновую лампу на столе, и на душе его было светло: как здорово вокруг, как он счастлив в этом единственном и неповторимом для него мирке!

Ванька постучал в дверь и прислушался: тишина. Забрякал ногой.

– Кто там? – послышался недовольный бас Васькиной матери.

– Здрасьте, Ваську можно?

– Спит он, – глухо донеслось из недр квартиры.

– Я подожду, очень надо! – настырно прокричал он в закрытую дверь...

– Ты чего, забыл? Ну и соня! – накинулся он на вышедшего друга.

– Куда пойдем? – зевнул Вася, зябко ежась на ветру.

– Христосоваться! – торжественно объявил Ванька. – Может, боисся?

– Тише ты, мать услышит, не пустит.

– Пошли, – и Ванька решительно повел друга к ближайшему дому.

– Христос Воскресе, – елеиным бабушкиным голоском пропел он выглянувшей на стук в дверь старушке-соседке.

– Воистину Воскресе, – умилилась старушка, истово крестясь и протягивая Ваньке кусок кулича и пару крашенных яиц. Облобызав и перекрестив его, отпустила с миром, и он подошел к смущенному Васе.

– Ты иди по той стороне, я по этой, в конце улицы встретимся...

Вася робко постучал в дверь большого нарядного дома:

– Кто там еще? – буркнул из коридора недовольный голос.

– Христос Воскрес, – насильно произнес он.

– Были уже у нас, – раздалось в ответ. – Вот черти носят с утра пораньше, не спится им. – Сердито хлопнула дверь внутри дома, и Вася уныло побрел дальше, как говорится, не солоно хлебавши...

– Эх ты, – укорял его Ванька. Самодовольно посмеиваясь. – Видал, как надо? – показал он оттопыренные снедью карманы, и за пазуху. – Пошли домой, неудачник.

– Не умею я, неудобно, – оправдывался Вася, поспешая за другом...

Они вбежали в калитку и увидели во дворе незнакомого корявого парнишку, с любопытством разглядывающего их.

– Ты чей будешь? – недоуменно спросил Ванька.

– Вчерась переехали, – проямлил парнишка, заискивающе ухмыляясь местным и более взрослым пацанам.

– Это вместо Батиных, – догадался Ванька. – Как тебя зовут?

– Павел, – пробасил парнишка уже увереннее.

Ванька по-хозяйски вынул из карманов пяток крашенных яиц и поделил: два отдал Васе, одно Павлу, остальные спрятал обратно. Подумал и вытащил из-за пазухи кусок кулича, сунул Васе в руки:

– На еще тебе, держи.

– Зачем? – заупрямился Вася, тут распахнулась дверь его квартиры и сбежавшая с крыльца мать очутилась перед добытчиками:

– Я так и знала! – потрясенно уставилась она на дары в руках сына. – Побираться ходили? Дома тебе есть нечего, я кого спрашиваю?!

Вася героически молчал, начиная подозрительно хлюпать носом.

– Я предупреждала, – и она кинула презрительный взгляд на Ваньку.

– Бабань, – обрадовался вышедшей из дома бабушке Ванька и подбежал к ней. Бабушка остановилась и приветливо улыбнулась всем.

– Я не позволю, чтобы ваш внук моего сына побираться учил! – Еще более разгневалась Васькина мать, выставившись перед ней грозно.

– Мы не побирались, бабань, врет она, – растерялся Ванька. Бабушка кивнула ему и, успокаивая, прижала к себе.

– Обычай такой на Руси был, христосоваться на пасху, – попыталась объяснить она соседке, но та перебила:

– Был да сплыл! Что за невежество, господи, и это в наше время?

– Невежество, говорите, а сами господа поминаете, – укоризненно покачала головой бабушка. – Пошли домой, Ванюша.

– Просто к слову пришлось, – растерялась Васькина мать, обращая взор на застывшего неподалеку Павла, – это еще что за пугало?

Она недоуменно оглядела его старое пальто с шапчонкой, серые валенки в галошах. Ну и персонаж.

– Панька, марш домой! – высунулась в раскрывшуюся дверь сердитого вида женщина, и парнишку словно ветром сдуло: он кинулся в дом, предварительно успев получить тумака по затылку.

Обменявшись с Васькиной матерью нелюбезным взглядом, женщина громко хлопнула дверью своей квартиры.

– Ну и соседей нам бог послал, – растеряла весь свой боевой пыл Васькина мать, отбирая у сына дары и брезгливо закидывая их за забор.

Словно по волшебству появившийся Дружок жадно накинулся на них, благодарно махая хвостом-поленом.

Схватив сына за руку, мать молча повела его домой на расправу...

Ванька ловко забрался на дикарку и примостился на развилке веток, обхватив ствол руками: деревья в саду покрылись нежными зелеными листочками, на пашнях крохотными кустиками взошла картошка, и лишь дикарка пока стояла без листьев, стыдливо прикрываясь голыми ветками.

Вокруг пели птицы, вдали широко разлилась река, не желая входить в свои обычные берега. Весна была в разгаре.

Над садом, тарахтя мотором, пролетел «Кукурузник», и Ванька проводил его восхищенным взглядом. Затем вскарабкался повыше, уселся поудобнее и, вцепившись в ветку, словно в штурвал самолета, почувствовал себя летчиком, ведущим самолет: заурчал, изображая голосом звук мотора и, раскачиваясь на ветке, устремился догонять улетевший самолет:

– Обгоню тебя и к папе с мамой прилечу, вот они удивятся. Он так увлекся, что забыл, где находится и, сорвавшись, полетел вниз: зацепившись штаниной за сук, повис вниз головой и задергался, тщетно пытаясь подтянуться к ветке или сорваться, но сук был крепок...

Размахивая ведром и напевая, по тропинке шла черноокая красавица-соседка. Увидев висящего кулем Ваньку, она расхохоталась и, думая, что он балуется, набрала воды из колодца и пошла обратно: Ванька продолжал висеть, покачиваясь и безуспешно стараясь дотянуться пальцами до земли.

Отставив ведро, она подбежала к мальчику и, испуганно заглянув в лицо, стала снимать с сучка – никак. Тогда она изо всех сил дернула его вниз и сорвала с ветки, да так, что оба упали на землю.

– А если бы я не увидела? – запричитала она, сердито встряхивая упряма. – Еще и молчит ведь, это надо же!

– Легчики не кричат, – буркнул Ванька, подтягивая сползающие штаны: его пошатывало, в голове шумело, красные круги плыли в глазах.

– Вот расскажу тете Дусе, – она ласково пригладила его вихры, – ладно, не скажу. Только ты поосторожнее лазий, договорились?

– Галь, ты не расти больше, – он глянул на нее снизу и смутился.

– Почему это? – изумилась Галя, с любопытством глядя на отвернувшегося мальчишку. Ванька засмеялся и припустил от нее к дому...

В руках деда фуганок послушно снимал с бруска длинную стружку, отчего он становился гладким и ровным. Рядом с верстаком у стенки красовались почти готовые оконные рамы.

– Дед, пойдем скорее! – ворвался в сени запыхавшийся Ванька.

– Куда? – недовольно заворчал дед, отрываясь от любимой работы.

– Не спрашивай, пойдем...

Яблони стояли в цвету, но не они привлекли Ванькино внимание. Вся окутанная мелкими цветочками, словно фатой невеста, стояла на отшибе белоснежная красавица-дикарка, и бесчисленные пчелы гудели в ее соцветиях, кружили вокруг, невольно заставляя держаться поодаль.

– Неужто ожила? – удивился дед, разглядывая ее, словно видел впервые. – Я уж срубить хотел, думал, засохла. Яблоки появятся, разочаруешься, – усмехнулся он Ваньке, но тот не слышал, зачарованно глядя на полюбившееся дерево и слушая вечную мелодию ожившей природы.

– Гляди, не то пчелы покусает, – отодвинул его от яблони дед, тоже умиротворенно оглядываясь. – Хочешь, Москву тебе покажу?

– Давай! – запрыгал Ванька от радости.

Дед сжал его голову руками и приподнял внука над землей. Ванька уцепился за дедовы руки, вглядываясь в лесные дали:

– Где же Москва, дед? – недоумевал он.

– Вон за тем лесом, за горизонтом. Отсель не видать, – дед опустил внука на землю. Ванька потирал покрасневшие уши и обиженно смотрел на деда, обманувшего его ожидания.

– Вот вырастешь, в Москву-то и поедешь, учиться будешь.

– Может, и Витьку там найду. Вот он обрадуется, – вспомнил об уехавшем друге Ванька. – Я и вас, и папу с мамой заберу в Москву. Дед, я милиционером буду или как дядя Саня – бурлаком.

– Бурлаком-то будешь, – засмеялся дед, – если учиться не захочешь.

Глава третья

Иван Николаевич с Ванькой проследили, как электропоезд прошел по железнодорожному мосту и вскоре скрылся в лесу.

– Деда, он в Москву поехал? – с надеждой в голосе спросил Ванька.

– Может, и в Москву. Когда я был таким же пацаном, как ты, я часто смотрел на проходящие поезда и мечтал, что когда вырасту, тоже поеду в Москву или еще дальше куда-нибудь. А теперь вот все чаще сюда тянет, к истокам. Старею, стало быть.

Ванька оглядел речку от моста, который был левее от них километра за два по течению, и справа до Стрелки, после которой она сворачивала от города и скрывалась в густых лесах.

Время от времени в воде всплескивало что-то, и Ванька всматривался вглубь, надеясь увидеть там рыбу. Иван Николаевич усмехнулся совсем как его дед когда-то, да он и был похож на него, как две капли воды.

– Еще до революции здесь богатый промысел был: стерлядь вылавливали и отправляли в Петербург для царской ухи. Уха из алатырской стерлядки была, говорят, необыкновенно вкусна. Мой дед рассказывал.

– А после революции куда, в Москву отправляли или за границу?

Дед с внуком сидели на днище старой перевернутой лодки и наблюдали, как невдалеке от них паренек ловил рыбу сеткой: за веревку он вытягивал сетку из воды и, убедившись, что она пуста, опускал вновь.

– Чего не знаю, того не знаю, только сейчас редко стерлядка попадает, я спрашивал у рыбаков. И то места знать надо. Да и запрещено ловить ее. А в детстве мы много здесь чего ловили: и ершей сопливых, и окуньков, плотву, пескарей, даже угри и щуки попадались. Видел раз, как мужики сома поймали.

Иван Николаевич внимательно и ласково оглядел реку, на которой прошло его безмятежное детство, и подумал: *«Любимая моя Сура, моя родная речка: быстрое течение, отмели, глубины, разные рыбы, ты всегда живая и всегда живешь в моем сердце, моя Сура...»*.

Затем взгляд его окинул подгорье, родной переулочек, по которому они шныряли когда-то в том далеком призрачном детстве.

– Летом мы из воды не вылазили, даже в грозу, помню, купались. Зимой на коньках бегали, в хоккей сражались, вот это была жизнь!..

Лето на Суре (Ванькины сны)

«Зима. Прибежав с улицы, весь заледенелый Ванька увидел стоящие в углу чемоданы, сумки, а из передней ему навстречу вышла нарядная красивая женщина, в которой он сразу же признал свою долгожданную маму, но остановился в нерешительности.

Бабушка улыбалась, наблюдая эту сцену, дед хмыкал в усы.

– Сынок, не признал мамку? Это же я, ну-ка иди ко мне, – произошла радостная сцена встречи матери с сыном, после чего на щеках у Ваньки остались ярко-красные отпечатки от маминых поцелуев.

– А где папа? – вспомнил Ванька про отца.

– Он скоро придет, к своим побежал, навестить.

Мама с бабушкой захопотали, разбирая вещи, и мама тут же вручила Ваньке подарок – красочную детскую книгу «Русские народные сказки».

Он разочарованно полистал ее, разглядывая картинки, больше его интересовали подарки для деда с бабушкой.

Мать вручила бабушке нарядную кофту, а деду – трубку для курения и пакет с душистым трубочным табаком. Ванька подбежал к деду, и они стали рассматривать трубку с большим интересом, особенно Ванька.

– Это тебе, папа, от Николая, – пояснила мама, и дед кивнул.

Бабушка примеряла кофту перед зеркалом, поглядывая на деда: смотри, мол, какая у тебя бабушка нарядная, и дед скептически хмыкнул.

– На тебя не угодишь, старый, – бабушка все равно была довольна. – Пора к ужину готовиться, соседей позовем, чай не каждый день дочь с зятем в гости приезжают из самой столицы, из Чебоксар.

Бабушка с матерью занялись приготовлениями к праздничному ужину, а Ванька с дедом стали раскуривать новую трубку к великому неудовольствию мамы с бабушкой...

За окнами синел вечер, а в передней за праздничным столом собрались гости: Марь Васильевна с Антоном Ивановичем, и тетя Дуся. Лабуркиных не позвали по причине буйного характера дяди Сани.

Бабушка пошла в спальню и вскоре вышла оттуда с Ванькой в новых синих рейтузах. Лицо у него было заспанным и сконфуженным от большого количества взрослого народа.

– Мама, это же я для тебя привезла, – ахнула мать, увидев обновку на сыне. Гости засмеялись.

Ванька сконфузился еще больше, разглядывая красивого нарядного мужчину, в котором он тоже сразу же узнал отца, но тоже не решался почему-то подойти к нему.

– А мне показалось, для Вани штаны-то, теплые, нарядные, откуда мне знать, мы в столицах не проживаем, – бормотала бабушка, ловко меняя внуку штаны. Ваньке было неловко перед гостями, но он терпел.

– Ваня, иди ко мне, – раскрыл объятия отец, но Ванька подбежал к деду и уселся рядом с ним, поглядывая на отца. Отец помрачнел.

– Давайте еще выпьем, – Антон Иванович поднял стопку, – за понимание!

Взрослые опрокинули по стопке, закусили.

– Ты вот про свою хорошую жизнь в Чебоксарах рассказываешь, а я так думаю: надо вам к родителям поближе быть, к сыну, – продолжил разговор Антон Иванович, обняв Николая. – Эх, сержант, я тоже недавно еще полком командовал, заместителем начальника Витебского гарнизона был! – Поднял он палец и снисходительно погладил Николая по лысине, – так-то вот.

Николай не выносил панибратского обращения, скинул руку соседа:

– Я давно уже не сержант, художник, а ты не командир полка, пенсионер, – напрягся он. – Еще раз погладишь по голове, в лоб дам.

– Но-но! Как ты со старшим по званию, с заслуженным человеком разговариваешь!..

– Давайте лучше споем, чево попусту языки чесать, – попыталась, было, вмешаться бабушка, но расходившиеся вояки уже сцепились друг с другом, видимо, вспомнив свои былые подвиги.

Дед встал и как старый партизан попытался разнять бывших фронтовиков, но получил локтем по лицу и упал. Общими усилиями порядок был все-таки восстановлен, но гости вскоре ушли. Праздник был испорчен.

Мать выговаривала отцу в передней, дед мрачно курил самокрутку, выбросив трубку под стол, а бабушка повела возбужденного внука в спальню...

Наутро Ванька вскочил рано и, памятуя о вчерашнем, выбежал на кухню, где опохмелялись дед с отцом, стучаясь стопками и хрустя малосольными огурцами с капустой. На столе дымил паром самовар.

– Извини, теть, погорячились малость вчера, – сокрушался отец, поглядывая на вспухшую губу деда. Тот потрогал ее, хмыкнул.

– Так мне и надо, дураку старому. Двое дерутся – третий не встревай, вот и получил. Хорошо еще, глаз цел остался.

Ванька жалостливо поглядел на разбитое лицо деда и сел за стол посреди них, чтобы никого не обидеть. Из передней вышла нарядная, как всегда, мать, бабушка подала на стол стопу свежее испеченных блинов со сметаной, мир был восстановлен, все принялись молча завтракать...

– Ну, сынуля, мы по делам пойдем, к моим заскочим, скоро придем, – пообещал отец, и они с мамой ушли, оставив расстроенного Ваньку наедине с дедом и бабушкой.

– Приехали только мальчонку расстраивать, – бормотала бабушка, опасливо поглядывая на мрачного деда, дымящего козьею ножкой.

Ванька залез под стол и стал играть с трубкой, делая вид, что курит и затягивается при этом...

– Бабушка, а когда родители уедут? – спросил он из-под стола.

– Я почему знаю, у них спроси, – ответила бабушка.

– А когда они снова приедут, насовсем?...».

– Ванюшка, вставай, – бабушка легонько трясет разметавшегося во сне внука за плечо, – полпятаго уже, али не пойдешь?

Ванька очумело вскакивает и, схватив в сенях удочку, выбегает из дома. Увидев друга, копающего за сараем червей, рысью бежит к нему.

– Долго спишь, Емеля, – недовольно бубнит Васька, и мальчишки, подхватив удочки и банку с червями, спешат вниз по переулку к реке.

Пробравшись по плетням к тихой заводи, насаживают червей на крючки и, поплевав на них для верности, забрасывают в воду...

– Рано еще, зря торопились, – бурчит Ванька, глядя на недвижно стоящие в заводи поплавки, освещенные первыми лучами солнца.

– Не проснулись пока наши рыбки, – согласно вздыхает Васька.

Ванька нетерпеливо меняет место и с надеждой закидывает удочку: поплавок поплыл в сторону и резко ушел под воду, Ванька дернул и, блеснув в воздухе, рядом с ним упал растопыренный ерш.

– Есть один, – счастливцев насаживает нового червя и через мгновение вытаскивает очередного ерша. Радости его нет предела.

– Мелюзга сопливая, – презрительно морщится друг, скрывая зависть.

Торжествуя победу, Ванька снисходительно глянул в его сторону и замер: поплавок на воде не было. – Дергай!

Испуганный Васька рванул удочку: сверкнула на солнце большая серебристая плотвичка и упала в дрожащие от нетерпения Васькины руки.

Проводив глазами промчавшуюся мимо них моторку, рыболовы посмотрели на лениво закачавшиеся в волнах поплавки и разом вскочили:

– Хватит на сегодня, шабаш, – Ванька достал из воды кулан с рыбой и, полюбовавшись, опустил вновь рядом с Васькиным.

– Ну что, рванем наперегонки?

Обгоняя друг друга и громко вопя для храбрости, мальчишки промчались по песчаному откосу и, подняв руки над головой, стали медленно заходить в холодную еще с утра воду.

Неожиданно Васька обдает друга каскадом ледяных брызг и ныряет. Придя в себя, Ванька ныряет следом...

Переплыв речку, из последних сил мчатся по-над берегом к желанной песчаной косе впереди.

– Песочек что надо, – стуча зубами от холода, восхищается Ванька, бросаясь на нагретый солнцем песок, и хохочет, глядя на посиневшее лицо друга. Тому не до насмешек. Быстрее бы согреться.

Раскинув руки, лежат, наслаждаясь теплом...

Из-за поворота буксир вытягивает на середину реки связку плотов.

– Глянь на нашу сторону, – вскидывается Ванька, и друзья встревоженно смотрят на пацанов из соседнего переуллка, спешащих к плетням, где остались удочки и куканы с рыбой.

– Сопрут еще, – вскакивает Васька и, скорчив страдальческую рожу, первым заходит в воду, – ну, холодна водичка, – трусит он, и тут на него обрушивается такой же каскад ледяных брызг, каким он недавно так неосмотрительно окатил друга.

Хватая ртом воздух, он мгновение смотрит на уплывающего Ваньку и с отчаянным криком бросается в погоню...

Ребята были уже на середине реки, когда плывшие по течению плоты мгновенно надвинулись на них, грозя раздавить, и они едва успели проскочить, как громадные бревна пронеслись мимо, вспенивая воду.

К краю плота подбежал взбешенный мужик-плотогон:

– Жить надоело, сопляки чертовы?! – орал он на перепуганных друзей, вылезавших на берег.

– Надо же, – дрожал от холода и страха Васька, – чуть не утопли.

– Здорово вы перед плотами рванули, как зайцы, – засмеялся загорелый дочерна паренек. Пацаны захохотали, рассматривая добычу друзей.

Но те еще не оправились от происшествия, подхватив удочки с рыбой и оглядываясь на ставшую страшной реку, они побежали домой...

Боровок с визгом носился по двору, радуясь неожиданной свободе.

– Борька, а ну, марш домой! – сердилась бабушка, стараясь заманить его снова в сарай. Появившиеся в переулке рыболовы бросились помогать ей, тут во двор вошла веселая почтальонша Валя, и всем гуртом они загнали Борьку в сарай; тот недовольно захрюкал, тычась пятаком в загородку и озорно поглядывая на мальчишек.

– Подрос, – одобрительно заметила почтальонша, – дядя Ваня дома?

– В сенях вон строгает, – и бабушка заторопилась вслед за ней в дом...

– Распишитесь, – почтальонша улыбалась, – с вас причитается.

– С чего бы это? – удивился дед, ставя в ведомости закорючку, но, взглядевшись, хмыкнул:

– Глянь-ка мать, каку пенсию государство нам отвалило, едрена корень, – он победно оглядел присутствующих.

– Неужто дождались? – обмерла бабушка, заинтересованно склоняясь над столом, но опомнившись, махнула рукой, – быдто понимаю чево.

– А все туда же, смотрит, – трескуче засмеялся довольный собой дед, – 450 целковых огребать будем, жить можно.

– Это сколько набавили-то? – наморщила лоб бабушка, соображая.

– 240 рублей 75 копеек, – пришла ей на помощь почтальонша. Изумленная бабушка испуганно ахнула:

– Небось, обсчитались?

– Все верно. По новому положению надбавка всем пенсионерам, – разъяснила почтальонша. – Еще вам перевод и письмо, получите.

– Теперь и помирать не надо, – бодрился дед, сворачивая козью ножку, пальцы его дрожали. – Как-никак пятьдесят годов стаж, да гражданскую посчитай, – объяснял он почтальонше, – сколько лет гроши платили, тудыттвою растуды! – и сердито запыхал сигаркой.

Бабушка укоризненно посмотрела на него и приняла от почтальонши пачку денег, подвинув к ней мелочь:

- За труды тебе, Валя.
- Спасибо, тетя Дусь, – не обиделась почтальонша, пряча деньги.
- Небось, тоже не ахти много получаешь...

Ванька солидно хлебал щи и удовлетворенно поглядывал, как бабушка ловко потрошит его рыбу, кидая внутренности Мурке, жадно урчащей над лакомством. Не выдержав, подбежал к деду, внимательно читающему долгожданное письмо.

– Пишут, посылку пришлют к школе, – наконец объявил дед, откладывая письмо в сторону и с облегчением закуривая. – Придется тебе, внук, здесь в школу идти, – он улыбнулся ободряюще, – оно и ладно.

Бабушка обрадованно засуетилась, захлопотала:

- Счас ушицы сварю, рыболов-то наш как расстарался, на всех хватит.
- Не горюй, – успокаивал дед внука, – они обещались в гости приехать.

– Это ваши яблони, а это наши, – Васька пересчитал свои и заметил: – папа сказал, у вас больше, это несправедливо, надо всем поровну.

– Они зимой чуть не замерзли, мы с дедом спасли. Всю ночь костры палили, понял? – Ванька ласково погладил дикарку, свято веря в сказанное.

– Дикая не в счет, – небрежно отмахнулся Васька, – она ничья.

– Это моя яблоня, – нахмурился Ванька, – появятся яблоки, не дам.

– Больно надо кислятину есть, – Васька обвел сад хозяйским глазом и нетерпеливо вздохнул, – скорей бы вишня поспела, смородины охота.

– Эй, здорово! – из переулка к приятелям спешат Симак и Сашка длинный. Следом за ними появляется и Панька. Радостно ухмыляясь всем.

Никто не видит, как из калитки напротив, высовывается соседская девочка, с любопытством наблюдая за сверхоживленными мальчишками. Ей страсть как интересно разузнать, чем же они занимаются в их саду?

Цыкнув в сторону Паньки слюной, Симак деловито огляделся:

– В картишки сразимся, пацаны, али в войнушку?

Ему не стоит на месте. Обняв доверчивого Паньку правой рукой за плечи, одновременно лягает его левой ногой по задку. Получивший пинок Панька недоуменно оглядывается под хохот старших товарищей.

Ванька пытается повторить, но у него не получается.

– Ноги короткие, – Сашка длинный встает рядом с Панькой и повторяет прием, за ним Васька, и вконец обиженный Панька отбегает от приятелей.

– Тра-та-та, пу-пу! – палит по ним из воображаемого оружия Симак и огорченно вздыхает, – счас бы из настоящего ружья стрельнуть.

Васька неожиданно срывается с места и вихрем мчится домой под насмешливые выкрики мальчишек:

– Испугался? Штаны не потеряй!..

Не успели развеселившиеся приятели расположиться вокруг яблони, как вернулся запыхавшийся Васька и торжественно достал из-за пазухи сверкающий вороненой сталью пистолет:

– Папин, – он солидно щелкнул затвором и опасно оглянулся на дом, – только он без патронов, прячет...

Взволнованные мальчишки сгрудились вокруг обладателя сокровища:

– Это тебе не поджиг, – оглянулся Симак на Сашку длинного.

– «ТТ», – авторитетно изрек длинный, – дай поддержать. Но Васька протянул пистолет другу. Ванькину руку приятно оттянула вниз тяжесть личного оружия. Он благодарно улыбнулся и, входя в образ командира, имеющего настоящий пистолет, строго оглядел всех:

– Будем играть в войну. Я – командир, Васька – мой солдат, все остальные – фашисты. Ясно?

– Дай сюда! – и Симак лишил Ваньку командирского отличия. Ясность внес Васька, хозяин положения:

– Пистолет мой, значит я командир. Ванька – мой солдат, а дальше он все правильно сказал.

– Не хочу я быть фашистом, – заныл, было, Панька, но получил от Симака внушительную затрещину и замолк, преданно глядя на старших.

– Ванька, за мной, ура! – что было силы, заорал командир и помчался в сад, сконфуженный солдат за ним...

Снова никто не видит, как соседская девочка осторожно выглядывает из-за деревьев, подглядывая за такими интересными мальчишками-выдумщиками. Ей так хочется знать, что же будет дальше?..

Фашисты как в воду канули. Настороженно выглянув из-за кустов, красноармейцы опасно двинулись в наступление: впереди Васька с пистолетом наготове, за ним Ванька, с надеждой поглядывая на боевое оружие. Он знал, что враг силен и коварен, разумеется, кроме Паньки.

– Хальт! Хенде хох! – заревели из кустов фашисты, выскакивая на поляну с дубинками в руках и окружая оторопевших красноармейцев. Но положение обязывало, и друзья с отчаянной отвагой ринулись в бой.

Командиры сцепились в смертельном поединке: Симак ухватил рукой Васькин пистолет и силился обезоружить красного командира. Васька в ответ наступил ногой на его дубинку и, обхватив фашиста за шею, свалился вместе с ним в заросли крапивы, густо разросшиеся у забора.

Сашка длинный норовил помочь Симаку и отнять пистолет.

Оставшись без грозного противника, Ванька кинулся на перепуганного Паньку. И тот, получив оплеуху, прижался спиной к дереву.

Он стоял, утирая обеими руками обильно струящиеся по лицу слезы и готовясь зареветь на всякий случай.

А Ванька ринулся в общую свалку у забора. Победа клонилась то в одну, то в другую сторону. Но вот Сашке удалось-таки изъять пистолет из цепких Васькиных рук, что-то шелкнуло, раздался громкий выстрел, и пуля, взвизгнув рядом со сражающимися мальчишками, воткнулась в дерево прямо над головой застывшего в испуге Паньки.

Все остоленели.

Первым опомнился Симак и подбежал к дереву с Павлом.

– Вот она! – нашел он пулю, глубоко ушедшую в ствол дерева, и восхищенно огрел многострадального дружка по плечу:

– Ну, ты, брат, молоток! Геройский пацан, не испугался.

– Еще бы чуток, и прямо в лоб! – констатировал происшедшее Сашка длинный, возвращая грозное боевое оружие взъерошенному владельцу.

Тот недоуменно осмотрел оружие, вытащил пустую обойму, и предъявил всем на обозрение. Пацаны уже с опаской разглядывали пистолет.

– Пуля-то в стволе была. Ты же сам затвор передернул и загнал ее в ствол. Значитца, один патрон в обойме оставался. Обишурились вы с папашкой. Эх ты, а еще командир, говоришь! – обычно немногословный Сашка поразил своими познаниями в обращении с оружием приятелей.

Только теперь до Паньки дошло, что его могли убить, и перепуганный насмерть, он со страшным ревом умчался домой под защиту матери.

За ним неслась не менее перепуганная девчонка, возмущив своим появлением остывших было бойцов. Откуда только она взялась, прыныра?

Спустя мгновение, со стороны дома донесся приближающийся грозный рев: размахивая хворостиной, в сад спешила Панькина мать, жаждая отомстить за обиженного хулиганами сына.

Мальчишки прыснули в разные стороны: попробуй, догони ветер...

– Парашютистов немецких прямо у пещер сбросили, хотели завод военный взорвать, бой был страшный! – Ванька вскочил и оглядел друзей, развалившихся на склоне большой впадины на вершине холма; далеко вокруг раскинулись дома, сады и огороды родного подгорья.

– А город наш как начали юнкеры бомбить, думаете, это простая яма? – обвел он рукой впадину, – сюда фугаска немецкая угодила.

– Ты-то почему знаешь? – перебил Симак, с сомнением оглядываясь.

– Дед рассказывал. А еще говорил, будто в пещерах разницы клад зарыли, до сих пор не нашли. Сходим туда, заодно окопы с блиндажами посмотрим, может, найдем чего? – вдохновленные его страстной речью друзья повскакали с травы, готовые немедленно отправиться в путь.

– Да были там пацаны, патронов набрали, – вспомнил Сашка, снова опускаясь в траву. – В костер заложили, пули как начали летать, чуть не уколошили всех. Одному малому пальцы на руке оторвало, напрочь.

Через огороды к ним торопливо бежал Панька, еще издали заискивающе улыбаясь всем сразу.

– Сексот явился, – презрительно сощурился Симак и цыкнул в него.

– Кончай плеваться, – миролюбиво огрызнулся Панька, присаживаясь.

– Может, у братана лодку попросишь? – осенило Сашку, – сплаваем.

– А што, – обрадовался Симак, – под парусом как рванем, и клад наш будет! Заметано. Чем бой-то кончился, Ванек?

– Наши бойцы кого ухлопали, кого в плен взяли, – закончил свой рассказ Ванька. – Дед говорил, пленные фрицы траншеи под водопровод рыли да перемерли от голода, самим есть нечего было. За нашим кладбищем сразу ихнее находится.

Из кустов донеслись звонкие птичьи диалоги, привлекая внимание.

– Глянь, пацаны, щегол! – вскинулся Симак. – Чур, мой будет.

– Сначала поймай, потом хвались, – остудил его порыв Сашка. – Вот картошку уберут, тогда на пашнях лафа будет, лови – не хочу.

– А я синичек люблю! – загорелся новой идеей Ванька и увидел появившегося в огороде Васькиного отца, – Васька, беги, отец идет!

Перепуганный Васька вскочил и, увидев отца, грозно смотревшего в их сторону, обреченно затрусил к нему, предчувствуя взбучку.

– Пистолет не потеряй, командир! – засмеялся Симак ему вслед.

По тропинке, громяхая ведрами, спешили от дома дед с бабушкой, и Ванька тоже вскочил:

– Побегу, огород поливать надо...

Панькина мать торопливо зачерпнула воды из колодца и потащила ведро между грядками, хлеща из кружки направо и налево, Панька тоже старался не отставать от матери и лил воду прямо из ведра.

– Ишь, торопятся, – пробурчал дед. – Не надорвись, соседка!

– Как-нибудь управимся, – загремела она быстро опустевшим ведром.

– Воду экономить надо, так всем не хватит...

Ванька вместе с дедом и бабушкой тщательно поливал огурцы, помидоры, поглядывая на друга. Васька старался изо всех сил, искупая вину. Его мать с трудом наклоняла дорожный торс и аккуратно лила воду из лейки, орошая грядки с зеленью.

Отставив в сторону ведро, выпрямился Васькин отец:

– Иван Яковлевич, – деловито, по-военному обратился он к деду, – я тут все посчитал, измерил. У вас больше земли и деревьев тоже, плодовых кустов, а полагается всем поровну.

– Земли всем хватит, – усмехнулся дед, – бери вон и разрабатывай.

– Я имею в виду пашни, – нетерпеливо возразил Васькин отец.

– И я о том толкую. Свои пашни я своими руками вскопал, и сад этот вырастил, а ты только приехал, сразу делить собрался.

– Есть план приусадебного участка, где указано, кому и сколько полагается, так что придется делить заново, – ехидно улыбнулся Васькин отец, преисполненный правотой своих доводов.

– Ты мне рожи не корч! – рассердился не на шутку дед. – Сначала вырасти хоть одно дерево, лопатой поработай, потрудись для общей пользы, потом делить будешь.

– Вы не имеете права так разговаривать, я заслуженный офицер, подполковник, – вскипятился и Васькин отец. – Я этого так не оставляю!

– У тебя, как я погляжу, целых два чина – дурак да дурачина!

– Безобразие! – загремела на весь огород Васькина мать. – Они еще и оскорбляют. Как миленькие потеснитесь...

Панькина мать схватила свои ведра и вместе с сыном спешно ушла от греха подальше, хотя ее так и подмывало вмешаться в скандал.

– Хосподи, было бы из-за чего ссориться, – укоризненно заохала бабушка. – Двадцать лет с соседями мирно жили, душа в душу, всем хватало. Делите, ежели так вам приспичило.

– Пусть поработают сперва, – не отступал дед, провожая взглядом удалявшуюся семейку. – Я старый партизан, нас криком не испугаешь. Ванюшка, шабаш, – махнул он рукой и пошел домой вслед за бабушкой.

– Сейчас, руки сполосну, – Ванька присел на корточки у колодца и потянулся к воде, ноги его скользнули по раскисшей земле, и он вниз головой нырнул в узкий колодец, не успев вскрикнуть...

А от дома бежал Васька. Вот он уже у колодца и, схватив друга за дергающиеся ноги, вытянул наверх. Весь мокрый, дрожа от озноба и пережитого ужаса, Ванька вместе со своим спасителем побрел к дому...

– Батюшки-святые, что с тобой? – бабушка без сил осела на табурет.

– Я смотрю из окна, а он бух в колодец, одни пятки торчат. Ну, я тогда побежал и вытащил его, – обстоятельно объяснил Васька.

– Болезный мой, в родном огороде чуть не утоп, – запричитала бабушка, обнимая внука. – А ты, старый хрыч, зачем мальчика одного оставил?

Расстроенный дед озадаченно развел руками.

– Васеньке спасибо, спас друга, – бабушка ласково погладила Ваську по голове, – ты заходи к нам почаще, не стесняйся.

– Извините, мне домой пора, – спохватился Васька и ушел.

– Старые мы стали, рази уследишь за ним? Пущай родители приезжают да дома живут, – ворчала бабушка по привычке, усаживая переодевшегося внука за стол. – Счас чайку попьем и

баиньки. Завтра в город пойдем к деду в столярку за стружками да опилками. Может, обрезков каких наберем, все для зимы пригодится, чать никаких денег на дрова-то не напасешься...

Панькина мать крепко-накрепко привязала козу к колышку и выпустила из своего сарая кур:

– Цып-цып, – она ловко схватила зазевавшуюся курицу и понесла к крыльцу, около которого замерли в ожидании мальчишки.

Схватив топор, отрубила ей голову прямо на ступеньке; голова отскочила в траву, мигая, а сама курица промчалась несколько шагов по двору и завалилась набок, трепыхая крыльями.

Панькина мать подняла ее за лапы и понесла в дом. Панька за ней.

Ванька растерянно огляделся и, схватив палку, подбежал к козе, настороженно смотревшей на него злыми глазами; размахивая палкой, он стал дразнить ее, и коза заметалась на веревке, пронзительно блея от страха.

– Ванька, брось сейчас же! – запыхавшаяся бабушка схватила озорника за руку, и в это время из двери выскочила Панькина мать:

– Тетя Дуся, у нее же молока не будет! – заорала она возмущенно.

– Ах ты, поганец этакий, – бабушка сердито потащила внука в калитку, – пошто безобразишь, перед соседями позоришь на старости лет?

– А зачем она курице голову отрубила? – упирался Ванька. Бабушка в недоумении остановилась:

– Жаль стало? Ты же мясо ешь.

– Больше никогда не буду.

– Эх ты, аника-воин, привыкай к жизни, то ли еще увидишь...

Поднявшись в гору, они вышли на улицу. Мимо прогромыхала деревянными бортами старая полуторка, окутав их пыльным облаком.

Бабушка заботливо стряхнула пыль с матросского костюма, из которого явно вырос Ванька, и увидела бредущую навстречу нищенку:

– Здравствуй Поленька, как здоровьице? – она достала из кошелки кусок пирога и подала ей.

– Жива пока, – обрадовалась подношению нищенка. – Вот спасибо, так пирожка с утра хотелось. Уважила старуху, бог тебя в беде не оставит, он видит добрых людей-то, – и бормоча про себя, она побрела дальше.

– Почему она побирается, бабань?

– Жизнь тяжкая сложилась: муж, дети в войну погибли, вот и тронулась умом, – сочувствовала бабушка, – шатается по городу, места себе не находит, все их ищет. И фамилия у нее Шатана, чудно.

Они прошли мимо витрины магазина, в которой отразилась бабушкина сторбленная фигура, смешно размахивающая руками, следом гордо проплыла Ванькина, стройная и неотразимая.

– И мне нищенствовать довелось, – продолжила разговор бабушка, – с тех пор ноги и болят, застудила. Хлебнула горя, не дай бог никому такого.

– Ты просила милостыню? – возмутился внук.

– Родители-то мои, царствие им небесное, померли перед революцией, вот и пришлось скитаться, горе мыкать, пока дедушка твой не встретил меня. Он и пожалел сиротинку, в жены взял. Я ведь тогда совсем молоденькая была, на двадцать годков млаже Иван Яковлича.

– Бабуля, а баба Груня тебе кто? – вспомнил вдруг Ванька.

– Невестка, – усмехнулась бабушка, – жена моего брата Митрия. Давно его не видела, в Являях проживает, в районе, стало быть, – пояснила она внуку. – Чать не ближний свет, да и старый совсем стал. Ему, поди, за восемьдесят стукнуло, где уж тут разъезжать по белу свету.

– А Славка с Юркой мне братья?
– Троюродные, родня. Их матери, Лида с Аннушкой, племянницами мне доводятся, твои тетки. Што, повидать охота? Придут как-нибудь.
– А баба Груня как треснет их по затылку, когда они по переулку к нам спускались. Почему она такая плохая, злая, как волк?
– Жизнь тяжелую прожила, да и характерец у нее, не приведи господь.
Неподалеку от магазина с витринами сидел широколицый сапожник- китаец, призывно размахивая щетками.
– Садись, обувка чистить надо, мал мало. Грязный нельзя таскать! – зазывно улыбался веселый китаец, приглашая к себе прохожих.
Ванька смущенно покосился на свои босые ноги и гордо отвернулся.
– Бабушка! Внуку ботинки давай покупай, босой нельзя ходить, – не отставал китаец, улыбаясь бабушке с внуком узкими щелками глаз и похотливо оглядывая бабушку.
Ванька вконец рассердился. Как может этот наглый китаец так смотреть на его старенькую бабушку. Он схватил бабушку за руку и потащил прочь от противного китайца, хихикающего им вслед.
Они вошли во двор большого здания и подошли к деревянному барaku с открытыми настежь воротами...

Внутри строения грохотали станки. Увидев деда, Ванька бросился к нему и, споткнувшись, растянулся на полу. Скрывая боль, подбежал.
– Ух, ты, сколько всего, – забыв обо всем на свете, он восхищенно разглядывал инструменты у деда на верстаке.
– Нравится? – одобрительно хмыкнул дед, – помоги вон бабушке.
И Ванька стал помогать ей, запихивать в большой дерюжный мешок стружки, обрезки досок, брусков, упрашивая:
– Можно, я с дедом останусь, бабуленька?
– Пусть остается, – разрешил дед, – я пригляжу, не боись.
– Как вчерась у колодца? – ворчливо напомнила бабушка, но перечить не посмела. Взяв на плечо мешок, строго посмотрела на внука и ушла, а дед протянул Ваньке ножовку и брусок:
– Возьми вот, попили пока, и я поработаю. Лады?
– Дядя Вань, сегодня получка, не забыл чай? – подмигнул деду веселый парень, подтаскивая к соседнему верстаку длинные доски...

– Мы с ребятами к пещерам пойдем клад искать, – хвастался внук, стараясь шагать в ногу с дедом, тот одобрил:
– А што, слетайте. И то дело.
– Дед, там бабушка наша молится? – показал Ванька на церковь неподалеку от площади.
– Раньше молилась, – дед остановился закурить, – музей это теперь об истории города, всего края. Помнишь, я рассказывал тебе?
– А там что? – теперь Ванькино внимание привлекла стройка.
– Завод воздвигают. Вот вырастешь, работать на нем будешь.
– Я подвиг хочу совершить, только не знаю какой. Война-то давно кончилась, – Ванька с надеждой посмотрел на деда: может быть, он подскажет?
– Работать надо добросовестно, жить честно, это и есть подвиг.
Ванька недоверчиво ухмыльнулся, но спорить не стал.

Мимо них по дороге промчалась ватага полупьяных безногих инвалидов на тележках. Возглавлял движение бравый ражий инвалид в издававшей вида солдатской форме. На груди его бренчали медали и ордена.

За ними поспешали инвалиды на ходу, то есть с одной ногой на костылях, в протезах и безрукие. Те спокойно шагали позади.

– Куда это они, дед, кто они?

– Инвалиды войны. К винному спешат. Сегодня же зарплата у рабочих. Гулять будут, – глаза деда жалостливо посуровели.

– Разве можно инвалидам вино пить?

– Им можно. Это они от обиды, от безысходности. Да што там говорить зря, – дед безнадёжно махнул рукой. – Тут и с двумя ногами не знаешь, как прожить. Тудыт твою растуды, эти их в дышло.

Дед с внуком какое-то время прошли молча, думая каждый о своем.

– На этой площади я бабушку твою когда-то встретил, – глаза деда потеплели, – смотрю, идет себе...

– Как Поля Шатина?

– Получше, да и помоложе была, – усмехнулся дед. – Ну и шутник ты, Ванька, как я погляжу. Пойдем, заглянем, раз разговор зашел, – и он повел внука к церкви-музею.

– А бабушка где теперь молится, там, где мы с ней были?

– Да. Храм их божий там, у базара, – махнул дед рукой куда-то назад, и они подошли к двери с вывеской: «Алатырский краеведческий музей».

– Санитарный день, – прочитал дед после того, как несколько раз рванул запертую дверь. – Посмотрели, называется, екарный бабай, пошли отсюда, – и он решительно зашагал к ларьку, возле которого толпились возбужденные мужики...

– Ну-ка, Варя, налей нам сто пятьдесят да с прицепом, – мигнул он румяной дородной буфетчице в белом фартуке.

– Морячок-то внук твой, Иван Яковлич? – кивнул на Ваньку пожилой лысый мужик, сдувая с кружки пену.

Дед опрокинул стакан под усы и кивнул, тоже сдувая пену со своей кружки, и принимаясь за пиво.

– Хочешь? – мужик протянул Ваньке кружку, и тот стал браво хлебать горькое пиво, стараясь не ударить лицом в грязь перед мужиками.

– Будет, – оттолкнул кружку дед, хмуря брови, – мал еще. Негоже, Степаныч, – укорил он лысого мужика, тот рассмеялся:

– Пусть привыкает, пригодится в будущем.

– Безобразие! – пробасила проходившая мимо Васькина мать.

– Своё учи, – откликнулся дед, глядя на торчащие из ее сумки белые головки, и понимающе ухмыльнувшись.

Немного в стороне гомонили прибывшие еще раньше них инвалиды. Время от времени кто-то из мужиков у ларька протягивал им то кружку пива, то стакан с водкой, и тогда инвалиды оживали – пьяные, горластые, дикие и жалкие одновременно, потерянные.

– Алеша, ты чо сегодня, не в духе, али не в форме? – обратился к бравому безногую инвалиду в тележке один из мужиков.

– Попробуй-ка ты так покататься изо дня в день, – выступил в поддержку инвалида другой мужик, – посмотрю я на тебя через недельку, в какой ты форме будешь, гусь лапчатый.

Все вокруг, включая инвалида, засмеялись.

– Лексей! Уважь общество, исполни концерт. Уж мы не обидим, – громко попросили из толпы.

– Конечно, не обидим, не сумлевайся! – оживились вокруг, с интересом обращая взоры на инвалида, – просим, Алеша! Давай-давай, не кобенься!

– А может, он устал сегодня, не в силах? Чо пристали к человеку?

– А ты помалкивай! Тебя не спросили...

Алексей-Алеша обвел взглядом снизу вверх толпу ожидавших его решения мужиков, и мутота в его глазах сменилась озорными огоньками.

Все поняли, что концерт будет.

– Тихо вы, угомонись пока! – настала та тишина, какая только возможна у винного ларька в день получки.

Алексей-Алеша прикрыл глаза, сосредотачиваясь, затем приподнялся в тележке своим могучим торсом, насколько возможно, уперся мохлястыми ручищами в деревянные ручки-колодки и, оттопырив зад, громко и четко пропердел гимн Советского Союза: целый куплет да с припевом.

Иссякнув, откинулся назад, отдыхая.

Мужики почтительно прослушали концерт, затем один из них поднес артисту полный до краев граненый стакан водки, другой – кружку пива.

Все с уважением проследили, как он аккуратно выцедил водку и осушил кружку пива. После этого заплодировали.

– Спасибо, Алеша, уважил, так уважил! – умилился один мужичок.

– Сроду такого не слыхивал! – изумился другой, помордастей.

– А мы иногда слушаем, – похвалился третий, ражий.

– В день аванса и получки! – вокруг захохотали. В руках у инвалидов появились новые кружки с пивом, стаканы с водкой...

Отсмеявшись, дед попрощался с мужиками, взял Ваньку за руку, и они, пошатываясь, пошли домой. Ванька оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на необыкновенного инвалида Алешу и увидел, как тот уже пьяный в лоскуты размахивал руками, кричал что-то, затем вывалился из тележки в грязь и захрапел на всю Старо-Базарную площадь...

В голове у Ваньки шумело, он глупо ухмылялся и, подражая деду, тоже шаркал ногами и лихо сплевывал, засунув руки в карманы. Споткнувшись, осерчал, совсем как дед:

– Тудытвую растуды, екарный бабай!

Дед покосился на него и, затоптав сигарку сапогом, пошел ровнее. Ванька с сожалением посмотрел на раздавленный окурочек и представил, что затягивается сигаркой, как дед. Получалось у него неплохо...

По двору разносилось Борькино чавканье. Ванька утер пот и с силой потянул пилу на себя – от себя, стараясь не осрамиться перед дедом.

– Не рви пилу, плавно тяни, – усмехнулся дед, и они стали пилить. Наконец, чурбак упал в траву рядом с козлами, а дед с внуком принялись за следующий. Но Ванькины руки уже еле двигаются, держась за ручку пилы.

Из сарая вышла бабушка с пустым ведром из-под помоев.

– Ну, што, пьяницы, утомились?

– Отдохни пока, в сад сбегай, – пожалел дед запарившегося внука, и бабушка заступила на Ванькино место. Пила в их руках послушна и проворна, она весело звенит и поет, роняя в траву желтые опилки, и Ванька невольно залюбовался, глядя, как они неторопливо и ладно пилят дрова.

Затем его внимание переключилось на сарай с Борькой...

– И не стыдно тебе, напоил мальчика, сраму-то от соседей, хоть на улицу не выходи, – втихомолку корила бабушка деда.

– Хватит, лесопилка на дому! – в сердцах бросает пилу дед и устало выпрямляется, – што-то нехорошо мне нынче.

– Еще бы! – тоже злится бабушка, складывая чурбаки в кучу. – Осень на носу, а дел непечатый край: дрова на зиму заготовить, огород убрать, картошку в подпол ссыпать – не перечесть...

– Здравствуйте, – вежливо улыбнулся Васькин отец, выходя из дома.

– Чего это он, как лис? – удивился дед, принимаясь колоть чурбаки.

Бабушка промолчала, старательно укладывая поленья у сарая в ровную поленницу, радуящую глаз...

В калитку вошел, столкнувшись с Васькиным отцом и покачиваясь, расхристанный вдрызг сосед. Широко улыбаясь, он расхлябанной походкой направляется напрямик к бабушке с дедом.

– Еще Саньку этого черти несут, прости хосподи, – бормочет бабушка. – Ты уж не обижай его. Пьяница и есть пьяница, што с него взять.

– Ништо, – хмурится дед, бросая топор. – Пойду в дом, перекурю.

– Иван Яковлевич! Куда ж ты, постой, поговорить надо! – дед захлопывает дверь перед самым Санькиным носом, но тот не обижается.

Разглядев деда в окне, он принимает воинственную позу и, согнув жилистую руку в локте, показывает свои худосочные мускулы, дразнит деда:

– Видишь, Яковлевич, силушку богатырскую? Я старый бурлак, двадцать лет лямку тянул, понял ты или нет? Эх, жисть наша пропащая!..

Дед курит у окна, терпит. Ваньке стало скучно, и он убежал в сад, пропустив самое интересное и страшное.

Сосед совсем разошелся, стараясь привлечь внимание деда. Он был обижен и раздосадован, потому и не увидел, как дед выбежал из кухни.

– Зарублю! В бога, в крест, в мать твою... – выскакивает дед из сеней, хватая топор, но хвостуна и след простыл: Санька мчится вверх по переулку, зная крутой дедушкин нрав, а вдогонку ему бухает об калитку топор.

Встревоженные собаки бросились облаивать беглеца из-за заборов.

– Ох, хосподи! Богохульник, чево творишь? Еще угробишь Саньку-то, грех на душу, рази можно? – стенает бабушка, забыв о дровах.

– Ништо, одним дураком меньше будет, – успокаивается дед. Отыскав топор в траве, снова принимается колоть чурбаки...

– Бабуля, дедуля, волк идет! – из переулка к ним бежит вездесущий перепуганный внук, заполошенно оглядываясь, будто и впрямь его преследует стая волков.

– Какой волк? – недоумевает бабушка, выронив из рук поленья.

Завидев входившую в калитку бабу Груню с внуками, дед усмехнулся:

– А вон идет, не видишь разве? Ну и внук, метко окрестил твою родню.

– Бог в помощь вам, работнички, – пробасила баба Груня, оглядывая поленницу хмурым взором. – Дровишки на зиму заготавливаете?

– Куцы ж деваться-то, надо, пока тепло, – дипломатично ответствовала бабушка, тоже не особо обрадовавшись неожиданным гостям.

– Подите вон с братцем побегайте, нечево тут со взрослыми околачиваться, кому говорю? – прикрикнула баба Груня на своих внуков, и они послушно отбежали в сторону, переключив свое внимание на Ваньку.

– Сейчас керосинку разожгу, чайник поставлю, – засуетилась бабушка, – чайку попьем, передохнем малость. Пошли в дом, Груня.

Дед присел на чурбак перекурить, а мальчишки понеслись в сад по своим неотложным делам...

Остановившись на тропинке возле Васькиного огорода, Ванька показал братьям необычные для их мест помидоры, желтеющие и краснеющие во множестве на больших помидорных кустах с подпорками.

– Дамские пальчики называются, – сообщил он доверительно, и мальчишкам страсть как захотелось отведать этих пальчиков.

Оглядевшись вокруг, они осторожно пробрались на чужой огород и стали жадно обрывать помидоры, тут же пробуя их на вкус: помидоры как помидоры, ничего особенного, кроме продолговатой формы, в отличие от обычных, круглых, привычных для глаза.

– Так себе, у нас лучше. Бычье сердце называются, большие и сладкие, не то, что эти пальчики, – Славка пренебрежительно скривился и отбросил надкусанный овощ в кусты, Юрка тоже, Ванька последовал примеру братьев. Бабушкины помидоры гораздо вкуснее.

Мальчишки стали выбирать назад, лавируя среди кустов.

– А ну, марш отсюда! Кто вам позволил по чужим огородам шастать? – заорала Васькина мать, внезапно появившись на тропинке.

Любители приключений рванули через огороды, подальше от грозной тетки, напугавшей их до смерти...

Сад буйно разросся, заматерел, налился яблоками и грушами, спелые вишни сами просятся в рот, и Ванька рвет и ест их вприкуску с хлебом.

Наткнувшись на веревку, он удивился: веревка разделяла сад, преграждая путь на чужую половину, где стоял Васька и тоже лакомился вишнями, снисходительно поглядывая в сторону друга.

– Зачем повесили? – рванул, было, веревку Ванька, не тут-то было.

– Папа сказал, для порядка: это ваше, а это наше, – пояснил Васька еще более снисходительно и потянулся к ветке, усыпанной ягодами. Потеряв равновесие, тоже ухватился за веревку.

– Это наша ветка! – сердито заорал Ванька. – Не видишь разве?

Васька посмотрел и, убедившись, что дерево, с которого спускалась на их территорию ветка, стоит на Ванькиной половине, отпустил ветку.

– Мама говорила, как ты с дедом водку пьянствовал, – хихикнул он.

– Дед после получки выпил, а твои родители каждый день за забор держатся, когда по переулку спускаются, – не остался в долгу и Ванька.

– Скучно им. Мы в большом городе раньше жили, а здесь...

– Ну и проваливайте отсюда, раз вам скучно, – разъярился вконец Ванька и схватился за палку. Друзья настороженно замерли, готовые к схватке, но тут над ними заворчал, разом потемнело, и крупные тяжелые капли застучали по листьям, голове, спине, разгулявшийся ветер ворвался в сад, и Васька не выдержал, с позором ретировался.

Ванька отбросил палку и, отыскав конец веревки, развязал узел и забросил ее в кусты подальше. Над головой сверкнула молния, воздух раскололи оглушительные раскаты грома, и только теперь пошел сильный летний ливень.

Удовлетворенно оглядевшись, Ванька побежал домой и ворвался в сени, где стояла бабушка и набожно крестилась при вспышках молний:

– Свят-свят, с нами крестная сила, спаси и помилуй, царица небесная. Промок-то как, – заволновалась она, – так и заболеть можно.

– Бабань, а Васькин отец веревку в саду протянул, сад наш разделил, – торопился рассказать Ванька, – а я ее оборвал и выбросил.

– Хосподи, как бы опять скандалу не получилось, – забеспокоилась бабушка. – Деду не говори, осерчает. Прихворнул он, лежит, – она выглянула на улицу, – прошел дождик, как в сказке стало, благодать...

Туча погромыхивала уже далеко за лесом, вокруг сиял посвежевший сад, огороды, запели примолкнувшие, было, птицы. И снова могучая симфония природы захватила Ваньку и понесла, словно на крыльях. Шлепая по лужам, он промчался в сад и стал носиться вокруг дикарки.

Опустившись на корточки, разгреб мокрую траву и обнаружил кипучую жизнь: вот кузнечик испуганно скакнул в сторону и застрекотал, муравьи карабкаются по стебелькам, пестрый солдатик мчится, не разбирая дороги. Как в книжке «В стране дремучих трав», которую он зачитал до дыр.

Ванька поднял голову и сквозь листья яблони увидел бездонное небо...

Подбежавший Дружок лизнул его в щеку, и Ванька вскочил, радостно улыбаясь. Неподалеку стоял Васька и примирительно поглядывал на него.

– Ты не думай, я просил папу, чтобы он веревку не вешал, разве он послушает, – Васька виновато потупил свою белобрысую голову.

– Да выбросил я ее, – сознался Ванька и весело засмеялся, глядя на опрокинутое лицо друга. – Побежали купаться?

Друзья выскочили к реке уже вместе с Панькой, пронеслись по песчаной косе и бросились в воду под оглушительный лай Дружка, который тоже решил искупаться и, медленно войдя в воду, поплыл к мальчишкам, судорожно перебирая лапами и прижав уши к голове.

Откуда ни возьмись, появились слепни и яростно налетели на них.

– Ныряй! – Ванька свечкой ушел на глубину, за ним остальные...

Слепни покружились над пустынной водой и разочарованно улетели. Тут же, словно мячики, выскочили на поверхность мальчишки головы, наблюдая за улетающей во всю прыть собакой, которая неслась от жалящих слепней к переулку. Вот она благополучно скрылась под их одобрительные крики.

– Смотри сюда! – Ванька снова нырнул и через мгновение вынырнул, показывая друзьям черный донный песок, – со дна достал.

– И я достану, – ныряет Васька, а Панька нерешительно суетится у берега и, якобы замерзнув, выходит из воды, громко стуча зубами и сотрясаясь от страха...

Полюбовавшись аккуратно уложенной возле сарая поленницей дров, дед проверил поросят в сарае и собрался, было, уходить, но тут в переулке показался сосед-пьяница, обрадовавшийся деду во дворе.

На сей раз он был трезвый и выглядел смущенным. Подойдя к забору, обзрел для приличия новоиспеченную поленницу и окликнул деда:

– Здорово, дядя Вань! Ты тово, не серчай, опять черт попутал. Набрался сверх меры. Дак ведь с кем не бывает, верно?

– Ништо, – усмехнулся дед миролюбиво, – бывает. Мужик ты работающий, факт, хвостун только, балабол.

Удовлетворенный беседой, сосед пошел дальше, а дед побрел к завалинке перекурить. В переулке показались мальчишки, бегущие домой. Они явно перекупались и потому быстро разбежались по домам.

Ванька подбежал к деду:

– Дед, ты чего в валенках? Лето ведь на дворе. Он удивленно смотрит на деда, сидящего на завалинке перед домом.

– Старый стал, кровь не греет, вот ноги и мерзнут.

Из сеней выглянула бабушка, тут как тут:

– Может, врача вызвать, отец?

– Оклемаюсь, – дед с трудом встал и, шаркая валенками, вошел в сени. Он пробрел мимо своего любимого верстака, не до него ему было. И едва перешагнул порог кухни, весь запылавшись от усталости.

– Помру скоро, мать, – он присел у стола и задумчиво смотрел в окно, – тяжело тебе одной придется...

– Ишь чего удумал, – бабушка торопливо утерла слезы концами платка.

– Жить грустно, а умирать тошно, – невесело усмехнулся дед. Против обыкновения он не курил и тихо сидел у окна, словно гость.

– Давайте-ка ужинать, – оправилась от волнения бабушка.

– Не хочу, – буркнул Ванька и побрел в спальню.

– Не захворал ли? – всполошилась бабушка, трогая у него лоб, – так и есть, горишь весь, батюшки. Один помирать собрался, другой заболел, прям беда с вами, мужиками. Ложись-ка, милоч, – укутала она внука одеялом, – вот и хорошо, вот и ладно. Чайку согреть?

Ванька молчал, закрыв глаза и проваливаясь куда-то в небытие...

– Нехорошо тебе, – склонилась над ним бабушка, – прими таблетку.

Ванька морщится, запивая таблетку водой, и вновь дурманные волны охватывают его и несут куда-то все быстрее и быстрее...

«– Хулиган! Вот я вас палкой, помидоры наши обрывать удумали? Воры, разбойники проклятые! Ты зачем нашу веревку оборвал?! – вопила разъяренная Васькина мамаша, больно хватая Ваньку за ухо. – Вот я вас с дедом в милицию отведу, пьяницы несчастные!

– Дед выздоровеет, он вам покажет кузькину мать! – огрызнулся Ванька, с трудом вырываясь из ее цепких ручищ.

– Это мы посмотрим, кто кого, – ярилась злобная фурия, – воров да хулиганов в школу не принимают. И родители твои никогда к вам не приедут!..».

...В волнении Ванька проснулся, озираясь вокруг и прислушиваясь: «От курева ты хво-раешь, старый, бросать пора», – доносился с кухни ворчливый бабушкин голос, внушая, дед согласно кашлял в ответ, чиркая спичками, и Ванька успокоенно улыбнулся.

«А вдруг, пока я болею, ребята к пещерам уплывут без меня?» – мелькнула тревожная мысль, и он приподнялся, было, в кровати, но слабость окутывала его всего, словно ватой, и он снова лег, стал смотреть в окно, где сквозь листву проглядывало вечернее предзакатное небо...

Глава четвертая

Поход в музей

Дед с внуком шли мимо красивого здания Сбербанка, который вполне мог находиться и в Москве. Иван Николаевич смотрел на современные здания, преобразившие улицу, и с ностальгией в душе вспоминал, что на этом самом месте раньше, во времена его юности, располагался деревянный клуб для молодежи, старинные дома, коих уже давно нет.

– Пойдем, я тебе покажу церковь-музей, куда мы с моим дедом хотели зайти как-то, да он был закрыт. Много воды с тех пор утекло.

– А вы сходили потом в этот музей, дед? – прервал размышления деда его дотошный внук, поспешая за ним.

– Не привелось. Вот здесь он раньше располагался, – подвел Иван Николаевич внука к старинной церкви, закрытой на реставрацию. Поглядев на разочарованное лицо внука, усмехнулся, совсем как его дед когда-то.

– Не горюй, мы в художественный музей заглянем, вон он, совсем рядом, – они вошли в приземистое здание музея, неподалеку от церкви.

В музее было тихо и прохладно, немногочленно. Они прошли по залам, разглядывая картины на стенах: множество пейзажей, портретов, написанных местными художниками. Любовь к родному краю и его людям веяла со стен музея на посетителей, невольно поднимая настроение.

Иван Николаевич подвел внука к портретам в углу зала:

– Это твой прадед написал, мой отец, Николай Дмитриевич. Вот портрет пионервожатой, а это мой младший брат Владимир. Написано в середине прошлого века, а для меня совсем недавно.

– Дедушка Володя? – удивленный внук разглядывал портрет, в котором он никак не смог бы признать большого доброго дедушку, приезжавшего иногда к ним в гости из далекого Мурманска.

– А тот музей, когда откроют?

– Не тот, а Алатырский краеведческий музей. Его в двухэтажное кирпичное здание перевели, мы обязательно сходим с тобой.

Они направились к выходу, не забыв закупить книжек о городе и алатырском районе...

Обогнув здание обувной фабрики, снова вышли на улицу Покровского, бывшую Сурско-Набережную, подошли к знакомому спуску в подгорье.

Ванька смело поскакал вниз, он уже освоился и не боялся крутизны спуска. Дед осторожно шел следом, стараясь не отставать от резвого внука.

Войдя в калитку, они встретились со старухой-хозяйкой.

– Здравствуй, бабушка, это снова мы, – Ванька подбежал к ней, как к старой знакомой, да и она уже не хмурилась на них, как вначале.

Дед с внуком прошли в сад и на огороды.

– Вот эти пашни наши были, рядом – соседей сверху, мы звали их просто Васькины, а это – Панькины. А вон там, – Иван Николаевич показал на землю и кусты далеко впереди, почти у самой реки, – на дальних огородах мы птиц, бывало, ловили: щеглов, чижей, канарейки попадались. Я больше синиц уважал. Сядет птичка на сало в сетке, мы дерг за веревку и накроем ее сетью. Ну, а дальше в клетку, как положено.

– По телеку передавали, птиц нельзя в неволе держать. Не гуманно это, – нравоучительно попенял внук деда, и дед засмутился.

– Оно, конечно, так, я понимаю, но мы не знали тогда. Все ловили, и мы тоже... – дед помолчал, поглядывая на своего правильного внука виновато, но с долей удивления и даже иронии.

«Какая сейчас молодежь пошла продвинутая, – подумалось ему, – об экологии думают, животный мир берегут, птиц. Правда, далеко не все, но каков наш Ванюха!».

И он перевел разговор на другую тему:

– Костры осенью палили, картоху пекли, на лодке вверх по реке под парусом к пещерам ходили. В школу я здесь пошел в первый класс. Как сейчас помню, – взгляд у бабушки затуманился, и Ванька, вначале поглядывающий на своего сентиментального деда с иронией, вдруг испытал к нему чувства нежности и благодарности.

Иван Николаевич улыбнулся, продолжая рассказывать:

– И дед с бабушкой, как живые, перед глазами стоят...

Осенние заботы

Ванька вышел в сени и, распахнув дверь, взял с верстака ножовку. Приладив на табуретке доску, стал пилить, не замечая вышедшего деда.

– Чего вскочил спозаранку? – хрипло спросил дед, прокашливаясь.

Ванька озабоченно продолжал пилить.

– Ловушку сделаю, синичку поймаю, – пояснил он, когда отпиленная часть доски упала на пол.

– Птицы вон вовсю распелись, а они дрыхнут себе, и в ус не дуют, – ворчливым бабушкиным голосом выразил свое недовольство внук. Стараясь казаться взрослым и независимым.

– Чегой-то я, в самом деле, словно барин, – виновато хмыкнул дед и осмотрел шершавую доску, – ловушку, говоришь? Давай лучше эту приспособим, – и выбрал строганую доску, пошире.

– Разметить сначала надо, покумекать, что к чему, а уж потом пилить, – дед нашарил на верстаке карандаш, и они углубились в работу.

Вышла бабушка с полным ведром помоев и поспешила в сарай, откуда доносилось голодное похрюкивание...

Задевая руками бабушкины веники, густо разросшиеся под окнами их квартиры, Ванька стремглав выбегает в сад и удивленно оглядывается: как изменился он за последнее время, зарос буйной зеленью, расцвел багряно-желтыми листьями, а среди яблонь хозяйничает Васька.

Его голова мелькает среди ветвей, между стволов, глаза зорко высматривают заветные плоды, руки неумолимо шарят в траве и листьях.

Ванька подбегает к ветвистой яблоне-апорт и, обхватив руками ее ствол, что было силы, трясет; разрывая листву, с шумом падают на землю спелые яблоки.

Друзья с аппетитом хрумкают сочные плоды и выбирают про запас.

Обернувшись, Ванька увидел дикарку и обрадованно подбежал к ней: гордая красавица была вся усыпана маленькими желтыми яблочками. Ванька попробовал самое желтенькое, друг тоже, и мальчишки бросились набивать карманы дичками, повыбрасывая крупный сладкий апорт.

– Мировые яблочки, – восторгался Ванька, – а ты не верил, растяпа.

– Симак без тебя хотел плыть, – сообщал Васька новости между делом, – да Сашка длинный не согласился. Говорит, без Ваньки не пойдем.

– Длинный – настоящий друг, а мы с дедом ловушку сделали.

– Скоро в школу, не до птиц, – озабоченно вздохнул Васька. Послышалось громкое хрюканье, и они увидели борова, свободно разгуливающего возле дома, на воле.

– Борька, ко мне! – закричал Ванька, и к Васькиному удивлению боров помчался к ним, словно собака; друзья почесывали у него за ушами, и он блаженно хрюкал, помахивая хвостиком-колечком.

Мальчишки побежали к дому, и боров стал гоняться за ними по двору.

– Наел наш хряк загрибок, – удовлетворенно похлопал Борьку по спине подошедший дед, под мышкой у него был зажат ящик, – пудов на шесть потянет, а может и больше, факт.

– Вырос себе на беду, болезный, – вздохнула бабушка.

– Окорок славный получится, – согласился дед, и показал встревоженному их разговором Ваньке ящик, – видал? Пойдем-ка...

– Посылку получил? – обрадовался внук и побежал за дедом домой.

На столе лежали школьная форма, тетради, букварь, счетные палочки, касса, карандаши и ручки с перьями, новые ботинки.

– Портфель купите сами, так как в посылку он не помещается, слишком большой, – читает дед письмо, – ишь ты, сами...

– Я без портфеля в школу не пойду, – нахмурился Ванька, с интересом разглядывая целое богатство, присланное родителями специально для него, их сына Ваньки. И это мирило его с их отсутствием.

– Придумаем што-нибудь. Скоро приедем в гости, – продолжает дед чтение, и тут его недовольство сменилось иронией, – ишь ты, в гости...

– Фланель, – одобрительно пощупала материю бабушка и приложила брюки к ногам внука: – штаны-то длинноваты, укорачивать придется.

Ванька нахлобучил новую фуражку с кокардой и гордо приосанился.

– Хорош фрукт, – хмыкнул дед, засовывая письмо в карман, и нахмурился, – хочу тебя порадовать, мать. На днях инспектор заявится, за каждое дерево теперь платить будем, тудыт-тую растуды их в печенку.

– Значит, правду болтали, а я не верила, – охнула бабушка и тут же обнадежила сама себя, – небось, недорого посчитают, чай деревья не люди. Рази можно такое с людьми вытворять?

– Как знать, – покачал головой дед и встал. – Да, чуть не забыл. Нестерыч завтра придет, так што готовь магарыч.

– Хосподи, может обождать еще.

– Жди, не жди, а колоть надо.

– Кого колоть, Борьку? – испугался Ванька, забыв о фуражке.

– Это мы про другое толкуем, – успокоил его дед.

– Дед, попробуй, – Ванька вытащил из кармана заветные яблочки, – с нашей дикарки. Их там полно.

– Для Борьки сгодятся, – попробовал дед и, сморщившись, выплюнул, – бабушку вон угости. – Он усмехнулся и, потрепав внука за вихры, вышел...

Сбивая кочки новыми неудобными ботинками, Ванька нехотя поднимается вслед за бабушкой по переулку; фуражка великовата, и ему приходится то и дело поправлять ее свободной рукой, в другой – деревянный самодельный сундучок.

Наконец они выходят на улицу, и в это время их обгоняют соседи, едва не сбивая с ног; вся расфуфыренная Васькина мать торжественно несет огромный букет цветов, за ней едва поспевает сын в новой шерстяной форме и с блестящим ранцем за плечами.

Окинув презрительным взглядом Ванькину фланелевую форму и доморощенный сундучок, она схватила сына за руку и, раздуваясь от важности, прибавила ходу.

– Вот чешут, – Ванька был обижен невниманием друга. Сундучок оттягивал руку, и он с досадой поставил его на землю. – Не пойду я с сундуком в школу. Вон у Васьки ранец, а я хуже его?

Бабушка в ответ лишь молча вздохнула и, подняв увесистый сундучок, пошла дальше.

Ванька постоял, сердито глядя ей вслед, и бросился догонять.

Сопровождаемые взрослыми, со всех сторон к школе спешат будущие ученики. Подгоняя отстающих, звенит школьный звонок...

Наконец, все собрались во дворе у дверей школы. Родители сбились в сторонке, наблюдая, как их детей учительница выстраивает в линейку.

Напротив первоклашек стояли десятиклассники, выпускники школы. В руках у них были подарки, приготовленные для этого торжества.

– Поздравляем вас с окончанием школы, желаем вам всего хорошего в вашей новой взрослой жизни, которая ждет вас! – обратилась к ним директор школы, сдерживая волнение.

– А вас, дорогие первоклассники, с началом первого учебного года в вашей жизни! А теперь обменяйтесь подарками на память.

Выпускники вручали подарки первоклассникам, которые в ответ смущенно совали им свои скромные дары и смотрели на взрослых десятиклассников с немым восхищением.

Ванька вручил красавице-выпускнице дорогую авторучку, присланную специально для этого случая матерью в посылке, и получил в ответ книгу Николая Дубова «Огни на реке».

Он в волнении прижал книгу к груди, подхватил свой сундучок, подошедшая откуда-то сбоку бабушка всучила ему еще букет цветов, и Ванька вконец растерялся, окруженный такими же взволнованными первоклассниками.

Звенит первый школьный звонок на урок и, подгоняемые им будущие ученики спешат к дверям школы, сопровождаемые учительницей и взглядами своих родителей и близких.

Бабушка тоже подождала, пока ее внук войдет в двери, и успокоенная пошла домой к деду, жаждающая рассказать ему о таком важном событии.

Сухопарая учительница в темном костюме и позолоченных очках строго стучит указкой по заставленному цветами столу, призывая к тишине взъерошенных первоклашек:

– Тихо, дети! Давайте знакомиться. Меня зовут Мария Михайловна, и я буду учить вас целых четыре года, так что времени у нас будет предостаточно. Сейчас я буду вызывать по списку, каждый должен встать и показаться всему классу. Архангельская Людмила!

Откинув крышку парты, встала нарядная красивая девочка с умным серьезным лицом и огромными белыми бантами в косичках.

– Садись, Люда... Марков Виктор!

Сидящий рядом с Людой сухощавый симпатичный паренек тут же вскочил, оправляя руками ремень с гимнастеркой.

– Журавлева Таня! Марков может сесть, – улыбнулась учительница. Паренек сел, стукнув крышкой, зато встала симпатичная девочка из соседнего ряда, и смело оглядела класс, тряхнув косичками.

– Симак Александр! побыстрее прошу вставать.

Симак нехотя поднялся, закатив глаза в потолок. Все оживились.

– Косырев Владимир! А Симак пусть постоит, поучится у других, как надо вставать, – построжала лицом учительница. Класс затих.

Вовка Косырев чинно встал, держась за крышку парты...

Слушая, как вызывают других, Ванька ждал, когда же и его вызовет эта строгая учительница? Ему было не по себе в столь непривычной школьной обстановке. Он посмотрел на красивую Люду Архангельскую, она заметила его взгляд и строго сдвинула брови вразлет.

Ванька отвернулся, ступавшись.

– Маресьев Иван! – вдруг донеслось до него, и он вскочил, грохнув крышкой парты так, что вздрогнули сидящие рядом. Уши у него загорелись от непонятного волнения.

– Садись, Маресьев. Не надо так громко стучать крышкой. Прошу всех быть повнимательнее. Устименко Василий! – учительница перевела взгляд на его друга Ваську, и Ванька с облегчением опустил на свое место.

В это время сидящий сзади него Симак схватил Ванькин сундучок и стал насмешливо рассматривать, демонстративно хихикая.

– А сейчас все вынимаем из портфелей тетради и буквари! – снисходительно улыбается учительница, глядя на бестолково суесящихся учеников, и привлеченная возней у одной из парт, подходит:

– Что случилось?

Ванька уже успел отнять свой сундучок у сидящего сзади него Симака. И, весь красный от возмущения и борьбы, раскрывал его. Все засмеялись.

– А чего он с сундуком в школу приперся?! – на весь класс выразил свое недовольство Симака. – У меня тоже родителей нет, а братан вот, портфель купил, – и он хвастливо поставил на парту свой новый портфель.

Вокруг снова все засмеялись, радуясь неожиданной разрядке.

– Прекрасный сундучок, удобный, – неожиданно для всех похвалила Ванькин сундук учительница. – И пенал, какой необычный, – теперь уже искренне удивилась она, разглядывая самоделку. – Кто тебе это сделал?

– Дед, – тихо ответил смущенный Ванька и с гордостью объяснил, – он у меня столяр, дома всю мебель сам сделал: комод, стол со стульями, диван, кровати. Он все может. А родители мои в Чебоксарах начальниками работают, скоро к нам приедут. Насовсем.

– Какой у тебя хороший дедушка, – ласково улыбнулась ему учительница, возвращая пенал. Посрамленный Симака затих сзади.

– Можно я с Ваней сидеть буду? – поднялся со своего места Васька.

– Конечно, – разрешила учительница, и он пересел к другу.

– Продолжим урок. Тихо дети, внимание! – захлопала она в ладоши, снова призывая к тишине взбудораженный класс...

Лошадь неторопливо везла по улице телегу с дремлющим возле железной бочки возницей. На перекрестке она привычно остановилась и зафыркала, возница очнулся и, соскочив с телеги, взялся за черпак:

– Кому каросин? – зычно огласил он окрестности скорее по привычке, так как со всех сторон к нему уже спешили женщины с бидонами, ведрами, бутылками и банками...

Наглядевшись на это интересное зрелище, друзья пошли дальше.

«Эй, Ванек!» – Оглянувшись, Ванька увидел насмешливую физиономию Симака и едва увернулся от плевка в свою сторону.

– Попроси деда, он тебе коня деревянного сделает, в школу поскачешь, с сундуком! Ох, умора! – Симака явно нарывался на ссору.

Ванька поставил сундучок и, сжав кулаки, шагнул навстречу недругу.

– Ты чо, драться будешь? – удивился Симака, распаляясь. – Ну, давай, черт рыжий, стыкнемся до первой кровянки!

Но Ваньку этим было не испугать. Постоять за себя он умел, и Симака знал об этом. А идти на попятную было позорно.

– Да ладно, – начал, было, он тянуть канитель, но уже поздно:

– Я тебе за деда! – Ванька обхватил Симака за шею и рванул на землю, но тот угрем вывернулся и, стусевавшись, отступил.

– Пошутить нельзя, – растерялся Симака, чувствуя свою неправоту.

– И Ваньком меня больше не зови, а то еще получишь! – Ванька поднял свой сундучок, и друзья пошли домой, игнорируя смутьяна.

Симака плелся сзади, обидчиво сопя и жаждая отмщения.

– Напугал тоже, Ванька-встанька! – взъерепенился запоздало он, но, как говорится, после драки кулаками не машут. – Я тебя на лодку не возьму, – наконец нашелся он и взбодрился, – пешком к пещерам потопаешь!

Друзья обернулись, и Симака насторожился.

– Ну и пойдем, – вступился за друга Васька, – без тебя обойдемся.

– Да ладно, я пошутил, – примиряюще засмеялся Симака и зашагал рядом с ними, – братан разрешил, можем хоть сейчас рвануть.

Ваньке было приятно слышать об этом, и он невольно смягчился, уже по-дружески глянул на приятеля:

- Приходи вечером на огороды, костер запалим.
- Картоху печь будем, вот здорово! – обрадовался Симак и добавил:
- Птиц пора ловить, огород-то уже весь убрали?
- Картошку осталось просушить, – по-хозяйски ответил Ванька...

И вот он в передней за столом учит уроки: отложив букварь, торопливо пишет в тетради строчки букв, часто обмакивая перо в фарфоровую чернильницу и стараясь побыстрее закончить. От этого на листе появляются кляксы, но Ванька накрывает их промокашкой, и урок готов.

Входит чем-то расстроенная бабушка и, всхлипывая, бестолково мечется по кухне. Не успел Ванька как следует удивиться, появляется дед. Кряхтя, он влез на лежанку и, пошарив на запечке, достал оттуда длинный нож-финку:

- Ну, я пошел, мать, – озабоченно посмотрел на бабушку и ушел.

Ванька встревоженно вскочил и бросился к бабушке:

- Куда дед пошел, Борьку колоть?

– Пойдем-ка, милоч, – бабушка увела его в спальню и, усадив на сундук, присела рядом, – што поделаешь, судьба его такая...

Ванька подозрительно часто зашмыгал носом и отвернулся.

- Ты уши-то заткни, так легче будет.

Он закрыл уши руками и настороженно прислушался: вроде тихо.

- Привыкли, чай, к нему, – сквозь слезы бормотала бабушка, – взрастили, обихаживали...

И вдруг даже сквозь заткнутые уши прорезался истошный пронзительный Борькин визг и оборвался, а Ванька заплакал, уже не прячась.

- Помогать пойду, – вздохнула бабушка и нехотя побрела на улицу.

– Борька мой любимый, зачем они тебя так, Борька, – шептал Ванька, сидя в одиночестве и дав волю слезам, затем встал и робко вышел следом, все еще не веря в случившееся.

То, что он увидел, заставило его содрогнуться от ужаса и отвращения: страшная картина распяленной туши потрясла его, и он замер, не в силах отвести глаз от того, что еще недавно было живым и веселым боровом.

Туша висела в сарае вниз головой и покачивалась, когда дед поворачивал ее, а сосед палил шерсть, водя пламенем горелки по шкуре.

В сторонке от сарая, ближе к сеним, заплаканная бабушка проворно разделывала на дощатом столе внутренности, от вида и запаха которых Ваньку замутило, и он бросился в сад...

Красные языки пламени жадно лижут высохшую ботву, трещат стебли и сучья, разгорается костер, и вот уже всю гудит пламя, освещая лица очарованных необыкновенным чудом мальчишек, и еще более сгущая сумерки вокруг них.

У Паньки в руках котелок с картошкой, и он преисполнен важности.

– Пора в поход отправляться, а то холодно будет, грязь, – Ванька смотрит на развалившихся вокруг костра друзей, ожидая поддержки.

- В следующее воскресенье отправимся, – решает Сашка, – да, Симак?

Симак молча соглашается, оглядывая огороды:

– Здесь сети с утра как раскинем, и все щеглы наши будут, – мечтает он вслух. – Только клетки подставляй.

- Мне синицы нравятся, – возражает Ванька и тяжело вздыхает.

– Щеглы умнее синиц, – авторитетно заявляет Васька; он разворошил прутиком прогоревшую ботву и, взяв услужливо поданный Панькой котелок, вывалил картошку в тлеющие угли, закидав ее горячим пеплом.

– Борьку жалко? – глянул он на расстроенного друга, тот кивнул.

– Што, борова закололи? Поедим теперь сальца! – оживился Симак.

Ванька оглядел друзей и содрогнулся, вспоминая:

– Я его зимой из соски молоком поил. Летом он по саду за нами с Васькой бегал. Если бы вы слышали, как он кричал перед смертью.

Мальчишки замолчали, наблюдая, как Васька разгребает золу.

– Налетай! – он первым подхватил картофелину, и вот уже все мечут огненные картошки в руках, упрямо отдирая черную, обуглившуюся кожицу вместе с картофельным мясом, и с аппетитом жуют их.

– Соль забыли, – сокрушается Панька, хватая очередную картошку.

– Ты и без соли всю слопаешь, – отталкивает его Симак, тщетно шаря в золе палкой. – Так и есть, слопал, ну и дошкольник! – восхищается он с досадой, и друзья неистово хохочут, позабыв обо всем на свете.

Ванька смеется вместе со всеми, загораясь еще одной идеей:

– Вот найдем в пещерах саблю или ружье с пистолем, в музей сдадим. Дед рассказывал...

– Слыхали мы. Братан говорит, если клад и был, давно растащили.

– Говорят же тебе, не нашли, – накинулся на Симака Васька.

– Фома неверующий! – засмеялся Сашка, и мальчишки в наступающей темноте горячо заспорили о будущем походе...

Панька с молчаливым восхищением смотрел на возвращающихся из школы друзей. Кивнув ему, они остановились у калитки.

– Вечером погуляем? – Ванька покосился в сторону своего сарая.

– А то как же, – с готовностью ответил Симак.

– Уроки учить надо, – неопределенно возразил Васька.

– Пацаны! Тсс... – Симак интригуяще округлил глаза и показал пальцем в сторону забора, напротив: из едва приоткрытой калитки подглядывала за ними, прячась, соседская девчонка.

Симак на цыпочках подкрадывается к калитке и, выудив откуда-то из карманов прищепку для белья, ловко защемляет любопытной нос.

Сквозь хохот пацанов слышен тихий плач обиженной девочки, так мечтающей дружить с мальчишками.

– Ладно вам, пусть выходит, раз охота, – милостиво разрешил Васька. – Натаха, иди сюда, да ты не бойся. Только не приставай к нам. И не шпионь больше. Понятно?

Он сделал строгое лицо, и вышедшая из калитки соседка согласно закивала, обрадовавшись сбывшейся, наконец, мечте.

Панька на всякий случай показал ей язык и скорчил страшную рожу, но соседка не обратила на него никакого внимания. Глупый малыш.

– Ну, пока, – решил, наконец, Васька, и пошел домой. В один миг пацаны разбежались, оставив в одиночестве девчонку-соседку и Паньку, который тут же помчался прочь, не желая оставаться в ее обществе.

Взбежав на свое крыльцо, он столкнулся со старшим братом, Санькой, собравшимся в город. В отличие от Паньки это был высокий худой парень с довольно приятной внешностью. Пропустив младшего брата в дом, старший брат скорым шагом вышел в переулок и резво попер в гору.

Ванька опасливо прошел мимо безмолвного сарая и в нерешительности остановился: в саду гулял ветер, срывая с деревьев желтые листья, сиротливо лежали убранные огороды, и он вздохнул: пора домой...

Отодвинув букварь, он уныло заглянул в тетрадь, где под его кляксами красовалась жирная двойка, похожая на лебедя, и нахмурился, искоса глянув на деда: а вдруг тот узнает?

– Што, внук, много двоек нахватал? – как в воду глядя, спросил дед.

Ванька отрицательно покачал головой и задумался. Хлопнув дверь, вышел дед, и он оживился: схватил новую тетрадь и, ухмыляясь, стал писать. Затем красным карандашом старательно вывел под написанными строчками пятерку, снова торопливо накарябал чернилами, и снова поставил себе очередную отметку...

Вошла бабушка, и Ванька сделал вид, что учит уроки.

– Учи-учи, – она ласково улыбнулась ему и захлопотала на кухне.

– Бабань, я сегодня пятнадцать пятерок получил! – наконец хвалится Ванька и протягивает ей тетрадь: – Иди, смотри, вот.

– Умница ты моя разумница, – восхищенная бабушка рассматривает пятерки и бросается к пришедшему деду. – Глянь, отец, пятнадцать пятерок наш отличник-то получил!

Дед удивленно и недоверчиво смотрит в тетрадь, затем на смутившегося под его взглядом внука и усмехается:

– Многовато што-то, – но его гложет другое и, сунув тетрадь бабушке, он сердито заходил по кухне. – Такие налоги, а за што, спрашивается? Даже дикарку посчитали, язвы их в душу! Война давно кончилась, пора бы и передышку народу дать. Так нет, на тебе, тудыттвою растуды!

– Откуда столь денег-то взять, рази напасешься, – поддакнула она.

– Зато пенсию прибавили, ети их мать! – снова загремел дед, оглядываясь. – Где топор? Порублю все к чертовой матери.

Ванька выскочил из-за стола и незамеченным прошмыгнул в дверь...

Разгневанный дед с топором в руках решительно подходит к яблоням и первой жертвой избирает дикарку. Примерив, где рубить, поднимает голову, прикидывая, куда упадет дерево, и на самой верхушке видит внука, вцепившегося в ствол среди ветвей:

– Слезай, рубить буду!

– Не слезу, – упрямо доносится сверху.

Дед сердито выпрямляется:

– Ишь, защитник выискался, слезай, говорю!

– Если срубишь, я упаду и разобьюсь!..

Дед озадаченно смотрит на ослушника и, рассердившись вконец, начал было рубить, плюнул в сердцах и, бросив топор, полез за кисетом.

Ванька соскользнул вниз и, прижимая ладонями глубокие раны на дереве, горько заплакал, не в силах сдержаться:

– Зачем рубил? Ведь она живая, ей больно!

Дед трясущимися руками сворачивал козью ножку, просыпая табак мимо: – Ладно, не реви. Вылечим мы ее, лучше прежнего будет.

Он улыбнулся внуку, и Ванькины слезы вмиг просохли: он понял, что яблони спасены...

Помирившиеся дед с внуком пришли во двор. И в это время со стороны переуллка раздалась песня, сопровождаемая игрой на гармошке. Это Санька-сосед снова пожаловал в гости. На сей раз, он был хотя и опять хмельной, но приодетый и вел себя вполне пристойно.

Он ловко перебирал пальцами клавиатуру, растягивая гармошку и напевая очень по-русски – задушевно и разухабисто одновременно.

– Бываешь же ты иногда человеком, Санька, – довольный им дед даже улыбнулся. Улыбка деда была редкостью, и она подвигла соседа на дальнейшее: он рванул гармошку и запел во весь голос что-то блатное, непристойное. Дед нахмурился, не желая слушать похабщину.

– Эх, жисть наша пропащая! – машет тот в ответ рукой и тоскливо вздыхает, рвет мехи гармошки, дико поет, вернее, орет про комаринского мужика к полному Ванькиному восторгу.

– Конченный человек, забулдыга! – плюет дед под ноги и уходит, волоча внука за собой...

– Васька, выходи гулять! – соскучившись по другу, Ванька нетерпеливо смотрел в окна на втором этаже: вот выглянул Васька и, покачав отрицательно головой, исчез учить уроки.

Ванька постоял и побрел к спасенной яблоне.

Потрогав забинтованный ствол, сочувственно вздохнул:

– Больно тебе? Не сердись на деда, он больше не будет. Скоро родители приедут, может, останутся насовсем.

Откуда-то примчался Дружок, и Ванька угостил его куском хлеба.

– Мы с дедом будку тебе сделаем, – пообещал он псу, – тогда зимой не замерзнешь. Ну, пока, – он помахал ему рукой и нехотя пошел домой, обуреваемый неприятными предчувствиями...

Дед топил печь, и Ванька присел рядом, заглядывая в топку:

– Печку рано еще топить, – он удивленно посмотрел на его осунувшееся лицо, потрогал отросшую седую щетину на подбородке, – ты почему не бреешься? Не то зарастешь, как леший.

– Хвораю я, тезка. Вот погреюсь на печке, может, отойду еще...

Ванька оглянулся на вошедшую бабушку и, увидев в ее руках свою злополучную тетрадь, насторожился.

– У Галины была? – хмыкнул дед, поглядывая на внука.

– Похвалилась я ей, какие у внучка успехи в учебе, а она посмотрела и смеется: тетя Дуся, говорит, это он сам себе пятерок наставил.

– Ну и плут, – удивился дед, – обманул деда с бабкой и рад-радешенек.

– Вздуть бы его, как Сидорову козу. Родителям надо писать, пушай забирают обратно, – она собрала на стол и приказала, – пора ужинать.

– Не буду я, Борьку есть, – запротестовал внук, увидев свинину, и сердито глянул на деда с бабушкой, – пишите, уеду от вас.

– Совсем от рук отбился, – возмутилась бабушка, – ешь, кому говорю!

– Не серчай, – дед подошел к столу и сел рядом с Ванькой, но тот отвернулся, обиженно сопя.

– Хочешь, анекдот расскажу? О том, как дедушка Ленин с дедушкой Сталиным горячую кашу ели наперегонки?

– Это кто быстрее? – оживился догадливый внук, вновь поворачиваясь к деду. – А какую кашу, манную или гречневую?

– Пшенку, – пояснил дед, усмехаясь. – Так вот. Дали им по тарелке каши. Дескать, кто быстрее съест, тот смекалистее и умнее. А стало быть, и главнее. Ленин стал осторожно, по краям да поверху кашу снимать ложкой, а Сталин был горяч, нетерпелив и зачерпывал ложкой глубоко, ел, обжигаясь, торопился, стало быть. А Ленин, знай, кушает себе, не спеша, так и съел кашу быстрее. Так-то вот.

Анекдот был интересен Ваньке, но он кончился, и Ванька снова вспомнил про свои обиды, снова заклокотал от возмущения:

– Зачем Борьку закололи? И яблони чуть не порубил, дикарку поранил. Рази можно так поступать?

– Мясо да сало откуда, думаешь, берутся? – усмехнулся дед. – Сам должен понимать, а с яблонями погорячился, признаю.

– У всех портфели, а мой сундук не откроешь никак, – негодовал внук, – пацаны насмеются.

– Ну, это дело поправимое, – дед взял сундучок и вышел в сени к верстаку, чинить. Бабушка была в расстроенных чувствах.

Ванька отодвинул подальше миску с мясом и стал есть картошку, тщательно приминая ее и осторожно по краям да поверху снимая ложкой, совсем как дедушка Ленин. Попробовал, было, копнуть глубже, как дедушка Сталин, но обжегся и бросил ложку.

Входит дед и, поставив сундучок на стол, щелкает крышкой:

– Видал? – пытается он помириться с внуком, Ванька – ни в какую.

Дед сникает и, шаркая валенками, направляется к лежанке:

– Ништо, мяса вам заготовил на зиму, проживете.

– Хосподи, и чево буровишь, прям, как маненький, – забеспокоилась бабушка, укоризненно поглядывая на внука. – Чайку счас попьешь, на печке полежишь, оно глядишь и полегшает...

По опустевшей пашне прыгала пестрая птичка, выискивая корм. Вот она с любопытством приблизилась к раскинутым сетям, в это время дернулась веревка и сеть опрокинулась, накрыв зазевавшуюся пичужку.

– Есть! – на весь огород заорали мальчишки, выскакивая из-за кустов.

Ванька завистливо вздохнул и поглядел на свою ловушку-домик, стоящую под дикаркой. Птиц вокруг не было, и он побежал к друзьям.

Симак уже впустил птичку в клетку, и мальчишки наблюдали, как она мечется и кидается грудкой на прутья, стремясь вырваться на волю.

– Щегол! – радовался Васька, устанавливая сети для следующей невольницы. Пашня вмиг опустела, и вновь над ней запорхали птицы...

Ванька уныло поглядывал на торчащую крышку ловушки и прислушивался к торжествующим крикам на пашне. Вот мимо него гурьбой прошагали друзья, впереди Симак нес клетку, в которой сидели пленницы.

– Не опаздывай, смотри, встречаемся у лодки, – напомнил он приятелю-неудачнику насмешливо и с чувством превосходства.

– Лови-лови, не зевай, – посочувствовал Сашка, и мальчишки убежали делить свою добычу, тут уж не до Ваньки...

Неудачливый птицелов окинул ловушку безнадежным взглядом и замер: крышка захлопнулась. Не веря своему счастью, подбежал и приложил домик к уху, вслушиваясь: тишина была ему ответом.

– Наверно от ветра захлопнулась, – разочарованно пробурчал он и открыл крышку: из домика на него смотрела перепуганная синица.

Не успел Ванька захлопнуть крышку, как синица выпорхнула и улетела. Только её и видели.

Галина вышла из дома и, случайно глянув в соседний двор, увидела Ваньку с пустой ловушкой в руках. Забежав в их вечно раскрытую калитку, она подошла к соседу, который при виде ее тут же отвернулся.

– Сердишься на меня? – Ванькина спина выражала непримиримость. – Ты же не маленький, сам понимаешь. Учиться тебе надо, а не деду с бабушкой. Не журишь, получишь и ты свою пятерку, настоящую.

Ванька исподлобья глянул на нее, и Галина улыбнулась: – Мир?

Ванька кивнул:

– Галь, ты только замуж не выходи, ладно?

От неожиданности она растерялась:

– Почему?

– Когда я вырасту, сам женюсь на тебе! – он серьезно посмотрел на смутившуюся девушку и побежал в сад: усевшись под яблоней, замечтался...

«Вот они с Галей идут по переулку: она – в белом платье, он – в черном костюме с галстуком. Маленький, ниже плеча невесты...».

Ванька нахмурился: нет, так не пойдет.

«Вот они снова идут по переулку, но теперь он выше ее почти на голову. Из калиток выглядывают соседи, восхищенно глаза на счастливую пару и недоумевают: когда же успел вырасти женишок?...».

Ванька улыбался и, сам того не замечая, расхаживал вокруг дикарки.

Тут к нему подбежал запыхавшийся друг и вернул к действительности:

– Ты чего, забыл? Мы его ждем, а он под яблоней гарцует! Ванька оторопело поглядел на него и сломя голову бросился к дому:

– Обожди, я сейчас...

Дед лежал в кровати и, увидев внука, приподнялся, опираясь на руку.

– Дед, меня там ребята ждут, к пещерам собрались, – сообщил Ванька ему нетерпеливо, – когда бабушка придет из аптеки, ты скажи ей, а то она разволнуется. Переживать будет.

– Скажу, – дед глядел на внука больными, ввалившимися глазами. – Ты того, Ванюшка, возвращайся скорее, боюсь, помру, не увидимся больше.

– Мы быстро, – успокоил его Ванька, – на лодке пойдем, с парусом.

Ветер надувал старый парус до отказа, и лодка резво рассекала волны, поскрипывая бортами. Мимо проплывало родное подгорье, поросшие кустарником берега, песчаные отмели, и мальчишки были в полном восторге.

– Глянь, Симак, – встревоженный Ванька показал на течь, от которой вода на дне лодки медленно, но верно прибывала; поверх плавала пустая банка из-под консервов.

– Ерунда! – отмахнулся хозяин лодки. – Сашок, мель впереди!

– Вижу, – Сашка длинный уверенно направлял лодку по нужному фарватеру. Панька смирно сидел на скамейке и восхищенно глядел на него.

– А вдруг на мель сядем? – засомневался Васька и вскочил с места.

Лодка накренилась и, затрепыхав парусиной, вильнула к отмели.

– Сиди смирно! – заорал Симак и помог Сашке выровнять курс.

– Едва проскочили, – Сашка поглядел за борт, мель удалялась...

– Откуда ты знаешь, где плыть? – не отставал любопытный Васька.

– От верблюда, – Сашка недовольно покосился в его сторону, однако пояснил, – между бакенами держать надо, вот и вся премудрость.

Вода в лодке как-то сразу поднялась и заполнила ее почти до половины, она тяжело осела и резко снизила ход. Только тогда все спохватились, и Симак всполошенно заорал:

– Сашок, давай к берегу! Тонем, хана!

– Зачем к берегу? – Ванька нашарил на дне утонувшую банку и стал яростно вычерпывать воду, – держи прямо, Сашок!..

Все, кроме рулевого, принялись за дело. Вода пошла на убыль, и лодка продолжала свой путь, приближаясь к повороту. За высоким обрывистым берегом виднелись трубы завода, рядом раскинулась величавая густая роща, скрывая в своих недрах заветные пещеры.

– Приехали, – Сашка уверенно направил лодку к быстро надвигающемуся берегу.

Взволнованные мальчишки приготовились к высадке...

И вот они уже торопливо взбирались на высокий холм, поросший могучими дубами. Им не терпелось увидеть загадочные пещеры.

– Раньше наш город крепостью был, Русь от Ногайской Орды защищал, – Ванька с гордостью оглядел остановившихся передохнуть друзей.

– Высока горка, – кивнул Симак на тропинку, петлявшую меж дубами.

– Не мешай. Пусть Ванька дальше брешет, интересно послушать, – перебил его Сашка.

– Я не брешу, дед рассказывал. А в пещерах сам Стенька Разин от буржуев прятался, и Пугачев город брал, – Ванька перевел дух. – Знаете, где его построили? На этом месте раньше был волшебный камень – Алатырь! А вокруг текли целебные реки...

– Кончай заливать, – Симаку надоело слушать, и он полез дальше.

– Сходите в музей, темнота! – возмущался Ванька вслед друзьям. – Кто скажет, сколько у нас в городе героев Советского Союза? Ага, не знаете! – торжествовал он, стараясь не отставать.

С высоты холма далеко видны поля и леса, уходящие к горизонту.

Возле обвалившихся пещер земля была затоптана до основания.

– Разинские пещеры, – язвительно поддел Ваньку Симак, разочарованно оглядываясь. – Я говорил, нет здесь ничего и быть не может. Все выгребли.

Тем не менее, мальчишки сосредоточенно полезли внутрь, исследуя все закоулки и тайне надеясь отыскать клад; обшарив пещеры и их окрестности, неудавшиеся кладоискатели развалились на траве и приуныли.

Симак оглядел друзей и, узрев, что одного не хватает, спросил:

– А где наш дошкольник, ребята?

– Да там, роется, как крот, – махнул в сторону одной из пещер Сашка длинный, пренебрежительно ухмыляясь, – надеется.

Пацаны, было, засмеялись над чудачком, но тут из пещеры донесся торжествующий крик, и на свет божий явился весь перепачканный глиной, но сияющий следопыт Панька: в дрожащих от волнения руках он держал насквозь проржавевшую кривую саблю.

Пацаны вскочили и обступили счастливца:

– Вот это дошкольник, обскакал нас! – изумился Симак.

Васька потрогал саблю и с видом знатока объявил:

– Турецкий ятаган. Такие у янычар были.

– А может, сам Степан Разин сражался здесь с этими янычарами? – вдохновился Ванька, возбужденно блестя глазами. – Порубал их, они и драпанули, и ятаганы свои побросали.

– Ну и мастер брехать! – восхитился Сашка, тоже рассматривая находку. – Дай поддержать. Да не бойся, не съем.

– Везет же дуракам! Может, и мы найдем? – встрепнулся, было, раздосадованный Симак, но, вспомнив, что они все уже облазили, снова прилег на травку. За ним остальные, а в центре гордо восседал Панька, намертво вцепившийся в свою находку.

Ванька мечтательно смотрел на заросшие бурой травой пещеры, на манящие лесные дали, и разочарование его постепенно улетучивалось.

Симаку же было не до красот:

– Побежали к окопам, может, там повезет?..

– Вон они, рукой подать, – показал Сашка далеко в поле, когда неустойчивые путешественники выбрались из рощи и отмахали уже порядочно, – а вон и завод. Считай, мы уже на месте.

– Кто первый? – обрадовался Симак. – За мной, ура! Заросшие кустами и травой окопы выглядели безобидно.

Словно и не было здесь жестокой схватки с вражеским десантом. Неподалеку тянулись затянутые колючей проволокой глухие заборы военного завода, на вышке маячил часовой с ружьем.

Ребятам было страсть, как интересно узнать, что за забором?

– Не вышло у фрицев завод взорвать, – Ванька с гордостью огляделся. – Дед говорил, наши бойцы шпиона поймали, от него и про десант узнали. Подготовились к встрече, как следует.

– А почему наши знали, где окопы рыть? – любопытствовал Панька.

– Дурило! – Симак похлопал его по голове и кивнул в поле перед окопами, – линия фронта оттуда приближалась, где же им быть?

Необидчивый Панька крепко прижал к груди свою саблю и, прыгнув в окоп, первым исчез за поворотом...

Завалившийся набок блиндаж низко осел крышей, грозя придавить смельчака, но Панька бесстрашно юркнул в щель.

«Нашел!» – донесся изнутри его восторженный вопль, и мальчишки один за другим полезли к нему. Панька топтался в углу у ящика в ожидании подмоги. Сашка длинный с надеждой откинул крышку – пусто.

– Опять ничего. И тут до нас побывали, – то ли огорчился, то ли обрадовался Симак. – Я уж подумал, снова этому недотепе повезло, – ткнул он Паньку под ребра, но тот был на седьмом небе от счастья и не заметил тычка, блаженно улыбаясь всем сразу.

– Надо было родиться пораньше, – объяснил Сашка причину их неудач.

Ванька тяжело вздохнул и напоследок пошарил в углу за ящиком: пальцы его наткнулись на какое-то железо, и к радости друзей он вытащил оттуда две ржавые мины.

– Противопехотные, – уверенно объяснил всезнающий Васька, показывая на оперение.

Симак взял одну мину и небрежно осмотрел:

– Счас как брошу, как жажнет! – решил он пострадать друзей и заржал, довольный собой. – Не бойсь, я шутю.

Ванька отобрал у него свою находку и полез наружу:

– Кончай базарить, домой пора.

– Вместо клада мины нашли, да еще саблю в придачу, ну и дела! Повезло нам. Пацаны, когда вернемся домой, в костер их заложим, вот уж рванут, так рванут! – наконец-то Симак нашел применение трофеям и довольный бодро зашагал рядом с оживленными друзьями. Обратный путь был не близок...

Лодка осела набок почти вровень с бортами, наполненная водой.

– Приехали, – безнадежно махнул рукой Васька, опускаясь на землю.

– А што, костерчик запалим, переночуем! – восхитился Симак.

– На берег надо было вытащить, – Сашка сокрушенно покачал головой.

– Есть охота, – выразил общее желание Панька, позабыв на мгновение о своей сабле. Все как один проглотили голодную слюну.

– Хотите, я вам анекдот расскажу? Как дедушка Ленин с дедушкой Сталиным кашу ели? – Ваньке хотелось отвлечь друзей от неприятных мыслей, и ему это удалось. Тема была как нельзя более желанной.

– Значит, кто быстрее съест, тот и главнее. Ясно? Ленин стал по краям ложкой кашу сгребать, а Сталин зачерпывал глубоко, в середине чашки, и обжегся. А Ленин скушал свою кашу первым, значит, он и главный.

Друзья вокруг него завздыхали мечтательно:

– Да, неплохо бы сейчас кашки-то, – Симак облизнулся. – Я согласен обжигаться, как Сталин. Лишь бы побольше. С маслом.

– Сначала пшенной с постным маслом, потом гречневой с молоком, – неожиданно для всех размечтался Сашка длинный, громко урча пустым животом и глотая слюни.

– А я бы гурьевской покусал, – воодушевился Васька, вставая.

– Какой-какой? – удивились друзья незнакомому названию.

– Так называется молочная манная каша с изюмом, – снисходительно пояснил Васька невеждам.

– Домой хочу! – громко заныл Панька, наслушавшийся вкусных историй. – А то мать заругается, драться будет.

Ванька заботливо уложил мины на травку и бросился к лодке, нашарив на дне позабытую всеми банку, стал лихорадочно вычерпывать воду.

Мальчишки выгребали, кто чем мог: руками, кепками, и вода наконец-то пошла на убыль...

– У меня дед болеет, мне ночевать здесь нельзя, – бодрился Ванька.

– Щели заткнем, и полный вперед! – Симак тоже не унывал...

Ванька с удивлением увидел раскрытые настежь сени и, сунув завернутые в фуфайку мины под верстак, захлопнул сенную дверь и вошел в дом.

В квартире толпились соседи. Он заметил стоящие у печки чемоданы, тут на него оглянулась Панькина мать и поманила в переднюю.

– Посмотри иди, кто приехал? – чересчур ласково, что было ей совсем несвойственно, улыбалась Панькина мать.

Ванька заглянул в переднюю и увидел бабушку с мамой, соседей. При соседях он сдержанно подошел к матери, и они обнялись. Бабушка всхлипнула, и Ванька тревожно огляделся в поисках деда.

– А дед где, бабушка?

– В больницу его отвезли, полечат немного, и он вернется, – как маленькому растолковала Ваньке мама, и он встревожился еще больше.

– Ну ладно, мы пошли, все будет хорошо. Иван Яковлевич мужик старой закалки, выдержит, – успокоили хозяев соседи и удалились.

Мама с бабушкой занялись распаковкой вещей, и Ванька получил от матери новый настоящий портфель. Он с удовлетворением обследовал его и отложил в сторону. Без деда в квартире было неуютно и пустынно, тихо.

– Мама, ты насовсем приехала, а где папа?

– Пока в гости, сынок, но скоро приедем навсегда. Я насчет работы разузнаю, и заживем мы все вместе! – обрадовала она сына.

– Слава те хосподи, скорей бы, – посетовала бабушка. – А то старые мы стали, никак за этим пострелом не углядишь. И дед вот захворал.

Она поставила перед внуком миску, и проголодавшийся вконец Ванька с жадностью набросился на еду...

Новый портфель был легкий, красивый, с удобной ручкой, и Ванька горделиво поглядывал на прохожих, выставя его напоказ.

Они с матерью прошли, было, мимо столярки, но Ванька остановился.

– Мама, пойдем, я тебе покажу, где дед наш работает. Мы с бабушкой часто сюда за стружками приходим. Наберем по мешку, и домой тащим, зимой все для печки сгодится.

Под грохот станков они вошли в столярку, и Ванька подбежал к знакомому верстаку, за которым всегда работал его дед. На него оглянулся тот самый веселый парень-балагур.

– Привет, Ванюха. Как там дедушка поживает? Хотим навестить его, да все никак, работы полно, – сообщил он, продолжая строгать доски.

– Мы с мамой после школы в больнице были, а нас к деду не пустили, – отвечал Ванька, оглядываясь на мать. Та подошла поближе.

– Здрасьте вам, что с Иваном Яковlichem? – встревожился парень, бросая фуганок. Подошли другие рабочие. Дед пользовался уважением.

– Пока без сознания. Врачи говорят, организм здоровый, надо подождать, – сдержала слезы мама. Взяв сына за руку, она пошла к выходу, оставив позади столпившихся рабочих...

Ванька молча шагал по улице рядом с матерью, вот они вышли на площадь и, глядя на показавшуюся вдали церковь-музей, он сказал ей:

– Мы с дедом в музей хотели сходить, а он был заперт, – Ваньке нестерпимо жаль своего любимого деда, и он отвернулся, скрывая от матери слезы, посыпавшиеся из глаз.

– Пойдем сейчас сходим? – она глянула на часы.

– Потом как-нибудь, – Ваньке кажется кошунством идти в музей без деда, во всяком случае, сейчас, – да и бабушка ждет, на вокзал пора.

Мать с удивлением посмотрела на рассудительного сына и только теперь разглядела, как он вырос и повзрослел за минувший год...

Паровоз шумно выпустил пары, и взволнованные пассажиры, толкаясь и галдя, полезли в вагоны.

– Не привелось с папой поговорить, – всплакнула напоследок мама, обнимая плачущую бабушку, – не расстраивайся, мы скоро приедем. Совсем.

– Управлюсь с божьей помощью, – вздохнула бабушка, утирая слезы.

– Ну, Ванечка, будь умницей, слушайся бабушку, – мама поцеловала Ваньку на прощанье и заторопилась в вагон...

Огромные красные колеса дернулись, закрутились, и поезд медленно поехал, постепенно набирая ход. Мимо поплыли вагоны с пассажирами, вызывая легкое кружение головы у Ваньки.

Ванька с бабушкой смотрели на мать, высунувшуюся из окна, и махали ей руками, пока поезд не исчез вдали за мостом через Суру.

Тогда они пошли домой, только не через город, как сюда с мамой, а вдоль полотна железной дороги, так было ближе.

По левую руку раскинулось в низине алатырское подгорье, река Алатырь вилась среди полей и перелесков, с правой стороны расположились улицы города, петляя вверх по горе деревянными домами среди садов и огородов, красуясь маковками церквей и радуя глаз своей неброской, милой сердцу русской красотой.

– Я тебя не брошу, бабана, помогать буду, – успокаивал внук, – и дед наш поправится, ты не плачь зря.

– Помощник ты мой, – скорбно улыбалась бабушка, поспешая за ним...

Ванька втащил в кухню ведро с картошкой и, спустившись в тесный даже для него подпол, высыпал ее в короб из досок. Опасливо оглядев темные закоулки, с облегчением выскочил наверх.

В чулане бабушка снова набрала ведро, откидывая в сторону гнилье:

– Еще малость, – подбодрила она внука, – в подполе не сгниет.

Ванька с завистью оглядел заготовленные на зиму ряды банок с вареньем и снова потащил ведро в подпол, громко кашляя для храбрости.

Остановившись передохнуть, заглянул в переднюю: с портрета на него внимательно смотрел бравый усатый дед. Его любимая скамеечка сиротливо стояла возле печки, и Ванька присел на нее, открыл отдушину, заглянул в дымоход, закрыл и, тоскливо вздохнув, вышел в сени.

На верстаке среди разных инструментов он увидел свою ловушку-домик и погладил ее. Рядом с фуганком расставил рубанки, разложил стамески, долота...

– Утомился, поди? – выглянула из чулана бабушка, и в это время у входа в сени столпились друзья-приятели:

– Ванька, выходи! Пошли гулять...

Пошарив в кустах, Ванька вытащил заранее спрятанные мины, и компания побежала на дальние огороды, замыкающим был Панька.

– Завтра в музей пойдем, не забыли? – напомнил Ванька друзьям на бегу, но им было не до музеев: предстоящая игра в войну растревожила и захватила их полностью.

Ребята быстро разожгли костер и, сбившись в кучу, загалдели:

– В войну сыграем али как? – Симаку не терпелось приступить.

– Я диспозицию составил, – Васька вынул из отцовского офицерского планшета исписанный им листок, – выроем окоп, Панька закладывает мины, и затем атака на фрицев.

– А кто фрицы будут? – испуганно полюбопытствовал Панька, прижимая к боку висевшую на веревке через шею саблю.

– Ты, кто же еще! – Симак нахлобучил ему на нос шапку и заржал.

– За бугром заляжем и хорэ, – возразил Сашка, сплюнув на сторону, – окоп еще рыть, на фиг надо.

– Иди ты со своей диспозицией! – тут же поддержал лучшего друга Симак, отвернувшись от умника с планшетом.

Васька обиженно спрятал листок и выжидающе посмотрел на Ваньку.

– Так побросаем, – отмахнулся тот, и ребята залегли за кустами.

– Чего разлегся? – пихнул Паньку Симак. – Беги, закладывай, тетеря.

Окрыленный доверием Панька схватил мины и побежал к костру, бросив их в огонь, он завопил от ужаса и помчался обратно. Сабля била его по ногам, но он несея, не чуя ног. Все замерли в ожидании.

– Проржавели, небось, – не выдержал Ванька и выглянул из-за бугра.

– Ложись! – заорал Васька, и тут один за другим ударили взрывы, над головами распластавшихся мальчишек с визгом пронесли осколки...

– Никак гром гремит? – удивилась бабушка, выглядывая из сеней.

– Караул! – завопила на весь двор Панькина мать, выбегая на огороды, – ребята на минах взорвались! Пашка-то говорил мне вчерась, да я запаматовала, караул!..

– Хосподи, помилуй нас грешных, пронеси от беды, – ахнула бабушка и побежала за ней следом. Задыхаясь от ужасных предчувствий, она выбежала на пашню, где тлели угольки разметанного взрывом костра:

– Ваня, голубчик, где ты?..

В палате было тихо и покойно. Бабушка сидела у кровати и заботливо поправляла одеяло, сползшее с больного, с грустью поглядывая на осунувшееся и заросшее седой бородкой лицо своего мужа.

– Ваня, – тихо позвала она, и на ее отрешенном от мирской суеты лице промелькнула тень. Сзади томился внук, оглядываясь по сторонам, на него тоже с любопытством поглядывали больные старички на кроватях.

Дед открыл глаза. Увидев свою старуху и внука, усмехнулся.

– Тося приезжала, насчет работы ходила, интересовалась, говорит, скоро насовсем приедут, у нас жить будут, – заторопилась рассказать хорошие новости бабушка. – Тебя приходила навестить, не пустили врачи-то, без сознания ты был, сердешный.

– Вояка-то наш чего натворил? – дед кивнул на забинтованную голову внука, и тот подошел ближе, желая высказаться, но бабушка не дала:

– Да так он, бесился да брякнулся головой об косяк, до свадьбы заживет, – не хотела беспокоить деда бабушка, и Ванька кивнул согласно, поняв ее опасения. Но высказаться все же, решил:

– А я пятерку сегодня по чистописанию получил, настоящую, – похвалился, наконец он, глядя на деда и хватая его за руку, соскучившись.

Дед довольно крепко пожал руку внука в ответ и удовлетворенно прикрыл глаза, утомившись. Бабушка с Ванькой тихо вышли из палаты...

Оглянувшись еще раз на здание больницы, бабушка с внуком заторопились домой, обсуждая посещение деда:

– Молодец, што про мины не сказал, деду нельзя волноваться.

– Я што, маленький, разве не понимаю?

– Видел, как дед твой порадовался насчет пятерки? С родителями-то хорошо будет, просят и уроки проверяют. Одно плохо, не хотят хозяйствовать. Подгорье наше им не нравится, квартиру им подавай с удобствами, – ворчала вечно недовольная всем бабушка.

– Я из подгорья никуда не поеду, я с тобой жить буду и с дедом, когда он поправится. Я вас не брошу, – Ванька заботливо нахмурился:

– Дрова пора колоть, а то отсыреют на дворе, не растопишь потом.

Они шли пешком, бабушка сэкономила на автобусе, который проехал вскоре мимо них, и едва поспешала за внуком, радуясь его словам:

– Умница ты моя разумница, совсем большой стал, рассудительный. Прямо вылитый дед...

Ванька стоял у калитки и, небрежно помахивая новым портфелем – предметом вождельных Панькиных взглядов, о чем-то сосредоточенно размышлял.

– А Сашка разве не с вами учится? – осмелился, наконец, спросить Панька, поправляя поудобнее веревку с саблей.

– Он во вторую смену, – машинально ответил Ванька и вздохнул.

С крыльца торопливо сбежал Васька, и друзья вышли в переулок.

– Можно, я до школы вас провожу? – увязался за ними и Панька, в это время из соседнего проулка показался Симак:

– Пацаны, обождите меня!

Ванька внезапно срывается с места и мчится обратно домой. Переложив содержимое портфеля в сундучок, щелкает крышкой и довольный выбегает с ним из дома, оставив в сенях удивленную бабушку...

Друзья в недоумении переглядываются. Симак незаметно крутит пальцем у виска. Из калитки, что напротив их дома, выглядывает любопытная соседская девочка.

Увидев мальчишек, она несмело выходит к ним. Приветливо улыбаясь.

– Натаха, а ну, брысь отсюда! Кому говорят? – Симак нетерпим к девчонкам, особенно к таким приставучим. Показывает рукой, мол, готов и щелбана по башке дать.

– Пусть стоит, не жалко, – вновь разрешил Васька.

– Девчонок не держим. Верно, Панька? – Симак привычно цыкнул в сторону Паньки, и тот, также привычно уклонившись от плевка, расплывается в подобострастной улыбке:

– Есть! – радостно прикладывает руку к кепке Панька, будто он солдат.

– Не есть, а так точно! – хлопает его по затылку Симак.

Кепка слетает с головы дошкольника, и однокашники вихрем бегут в гору, оставив далеко позади заревевшего сиреной Паньку. Выскакивают на Сурско-Набережную улицу...

– После школы куда, в музей пойдем? А может, в кино рванем! – Симак нетерпеливо смотрит на отставшего Паньку. Ему не стоит на месте.

– Мы и в музей, и в кино успеем, – мудро рассудил Васька. – Так ведь, Вань? – Он недоуменно смотрел на застывшего столбняком друга.

Ванька молчал, с радостным волнением оглядывая раскинувшееся внизу родное подгорье: листва с деревьев вся облетела, и дома среди садов и огородов стояли, словно раздетые. И вдруг среди них он увидел свой дом:

– Вон наш дом, и сад видно, а вон бабушка вышла. Ба-ба-ня!!! – закричал он изо всех сил, напугав приятелей и птиц, гнездившихся на ближайших деревьях. Птицы шумно поднялись в воздух и закружились, загалдели встревоженно над головами беспокойных мальчишек...

Расстояние было велико, и бабушка не услышала, зашла в сени. Теперь уже все с любопытством рассматривали свои дома и огороды.

– Пошли, а то опоздаем, – напомнил Ванька, и друзья побежали в школу, провожаемые завистливыми взглядами дошкольника.

А над ними, над городом, раскинувшись среди привольной русской природы, в невысоком осеннем небе кружились птицы, собираясь лететь в дальние края...

Эпилог

Над подгорьем кружились птицы. Птичий гам не мешал Ивану Николаевичу смотреть на пашню, где он видел деда с бабушкой, копошащихся на своем огороде, видел рядом с ними Ваньку, слышал их голоса, только фигуры их были прозрачными, невесомыми, и говорили они тихо, словно были далеко-далеко. Щемящее чувство невозвратимости ушедшего в прошлое детства томило душу, заставляло учащенно биться его сердце.

Вот Ванька оглянулся, помахал ему рукой, побежал к нему, и Иван Николаевич вначале удивился: ведь это же он, Ванька, уж не снится ли все ему, словно наяву?

Как вдруг понял, что это не он, Ванька, а его внук, Ванюха, бежит к нему с того самого места, которое когда-то было их родным огородом. Показывает ему что-то, смеется...

Иван Николаевич восторженно, словно со дна реки вынырнул, отдышался, стараясь унять рвущееся из груди сердце.

– Деда, смотри, что я нашел! – внук протягивает ему какую-то палку, Иван Николаевич взял ее машинально, посмотрел более внимательно и увидел, что палка похожа на извивающуюся змею с раскрытой пастью, даже подобие глаза имелось.

– Я испугался, думал, настоящая змея! – удивлялся внук, и Иван Николаевич тоже удивился, засмеялся. Вдоволь насмеявшись, дед с внуком посидели молча, слушая, как щебечут птицы, как шелестит ветер листьями деревьев в саду.

Они смотрели на окна их бывшего дома, и после всего рассказанного дедом Ванька уже по-иному смотрел на дом, на сад, на огороды. Словно это он здесь жил когда-то, словно жизнь, прожитая его дедом в детстве, вошла и в него, в его душу и навсегда поселилась в ней, вызвав ту же любовь, которой была полна душа деда.

Теперь они были по-настоящему близки друг другу. Ванька взял деда за руку и сказал серьезно, совсем как взрослый:

– Деда, давай здесь насовсем останемся?

– А что, давай! – воодушевился, было, дед, но тут же сник. – Мне можно, я на пенсии, а как же твоя учеба? Мама с папой, бабушка дома ждут...

Дед и внук помолчали, осознавая невозможность желаемого.

– Деда, а мы здесь немножечко проживем, потом в Москве. Разве нельзя жить и там, и здесь?

Иван Николаевич взволновался, пораженный простотой истины, высказанной его внуком. Вскочил, словно молодой.

– Можно. Раньше было нельзя, теперь можно. Теперь мы живем в свободной стране. – Иван Николаевич уважительно взглянул на внука, ведь тот родился в другой, демократической России, он и думает по-новому, как свободный независимый человек.

«Ну что ж, рядом с ним и он постареется, если и не избавиться вовсе от пут рабства, в которых он просуществовал всю свою жизнь, то хотя бы ослабить их, чтобы тоже почувствовать себя свободным, наконец-то, – подумал Иван Николаевич. – И не прервется связь поколений, и мы, русские люди, как, например, горские племена Кавказа, тоже будем знать не менее девяти поколений своих предков, чтобы по-настоящему уважать и себя, и других, чтобы быть действительно гордыми и свободными людьми».

На кладбище также щебетали птицы, также шелестел ветер листьями деревьев, и деду с внуком казалось, будто они как вышли из калитки их бывшего дома, так и вошли в новую, недавно установленную оградку, внутри которой покоились рядом два заросших травой холмика.

– Ну вот, Ванюха, ограда у них теперь имеется новая, сейчас мы с тобой траву лишнюю повывергиваем, потом могилки дерном обложим, кресты покрасим, работы – непочатый край, – разговаривая с внуком, Иван Николаевич не забывал о деле, и могилки преображались на глазах, превращаясь из заброшенных в ухоженные...

– Деда, не торопись, а то ты все сделаешь, и мне нечего будет делать, – охлаждал его пыл внук, стараясь не отставать.

Дед был доволен своим внуком. Он подумал о том, что и его дед с бабушкой простят своего старого внука за то, что он так долго не приезжал к ним. На душе его стало покойно.

А внук поглядывал на деда и тоже думал. Думал о том, какой у него мировой дед. Что они скоро поедут домой. А потом вместе с папой, мамой и бабушкой снова приедут сюда.

Закончив работу, они постояли у ограды, отдыхая от трудов праведных.

– Пошли домой, – окликнул внук задумавшегося деда, – бабушка Лида заждалась. А дедушка Юра обещал со мной в шахматы сыграть.

– Пойдем-ка, Ванюха, ещё кое-куда заглянем, – дед повел внука извилистой тропкой между могилами, и вскоре они вышли еще к одной просторной ограде с могилками внутри.

– Вот здесь наша родовая могила Шмариновых: бабушка моя покоится, Надежда Николаевна, царствие ей небесное; дядя мои родные – Юрий и Дмитрий, отец – Николай Дмитриевич.

Иван Николаевич открыл дверцу ограды и вошел внутрь, присел на скамеечку. Внук оглядел памятник с выбитыми на нем фамилиями и датами, большой крест рядом с памятником. Затем они с дедом стали обрывать траву и кусты, деревца, разросшиеся вокруг.

– Скоро я тебе и о них расскажу. И будешь ты, Иван Яковлевич, знать всю нашу родословную, факт.

Ванька согласно кивнул головой, продолжая дергать сорняки.

А над ними, над городом, раскинувшимся среди привольной русской природы, в невысоком осеннем небе кружились птицы, собираясь лететь в дальние края...

Старинное приземистое здание железнодорожной станции, перрон, стальные нити рельс, уходящие вдаль.

Заканчивается посадка на пригородный электропоезд.

Толчея, суета...

У окна одного из вагонов разместились Иван Николаевич с внуком. И вот поплыли назад привокзальные здания, оставшиеся на перроне люди, поезд набирал ход...

Стучат под колесами стыки рельс, грохочут пролеты железнодорожного моста, сквозь мелькание которых видны Сура, подгорье, город, привольно раскинувшийся на живописных холмах.

Но вот картины родных мест исчезают, превращаясь в фотографии на стене кабинета Ивана Николаевича. С фотографий смотрят на нас герои нашей истории и их предки.

И если прислушаться, то сквозь шум машин, мчащихся по столичным дорогам, доносятся с улицы крики птиц, собирающихся осенью в стаи, чтобы лететь в дальние края, в родную сторонку.

А сквозь современные песни и мелодии, раздающиеся откуда-то по соседству, едва пробиваются песни и мелодии тех далеких времен...

Они ненавязчиво звучат в наших ушах.

Или же это только кажется нам, глядя на старые фотографии, которые пробуждают в нас видения и звуки невозвратимого прошлого.

Дают силы жить сегодня.

Помогают не угаснуть надеждам на будущее.

Осознать, что «Иваны, не помнящие родства» – это не про нас.

Школьные годы чудесные...

Книга вторая

Глава пятая

Пролог

– Ванечка, в школу пора, а то опоздаешь, – моложавая, современного вида бабушка заглянула в комнату внука, и ее красивое полное лицо озабочилось. Внук смотрел по телеку «Гарри Поттера», своего любимого героя, и оторвать его от просмотра было нелегко.

– Иван Николаевич, потекаете внуку, а учиться кто за вас будет, этот несуразный Гарри Поттер? – официально и осуждающе одновременно выговаривала она мужу, собирающемуся на выгул собаки.

– Не волнуйтесь, Раиса Васильевна, мы уже готовы, да, Ванюха? – в тон ей отвечивал Иван Николаевич, тоже заглядывая в комнату внука. Но внук уже выходил навстречу с портфелем в руках.

– Вот видишь, – деду была приятна дисциплинированность внука и, чмокнув бабушку и жену в щеку, дед с внуком исчезли за дверью квартиры, поспешая вслед за собакой...

Вот они вышли из подъезда и стали прогуливаться возле дома, наблюдая за резвившейся на газоне собакой.

– Хочешь, Алатырь тебе покажу? А, Ванюха, не забыл еще нашу поездку? – лицо у деда добродушно-лукавое, а в голосе – надежда и тревога.

– Давай! – обрадовался внук, лишь бы в школу не идти.

Дед сжал его голову руками и приподнял внука над землей, как и его самого когда-то поднимал его дед, показывая Москву.

– Где же Алатырь, дед? – недоумевал современный вундеркинд, уже поняв незамысловатую шутку деда и подыгрывая ему.

– Вон за тем горизонтом, каких-нибудь 15 часов на машине, и мы снова там, на Суре, – размечтался сентиментальный дед.

Ванька потирал покрасневшие уши, не обижаясь на него.

– Ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

– У нас в классе мальчишки крутыми мечтают быть, девчонки – фотомоделями, телеведущими, а я буду новым русским. Куплю тебе дом в твоём любимом Алатыре.

– Ну, спасибо, коли не шутишь, – лицо деда стало серьезным от услышанного, оптимизма прибавилось. – Давай-ка, прибавим газу, а то действительно опоздаем мы с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.